

ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

№ 8 / 2020

Журнал издается совместно с Московским государственным юридическим университетом имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

НАУЧНО-ПРАВОВОЕ ИЗДАНИЕ. Федеральная служба по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия. Рег. ПИ № ФС77-30776 от 25 декабря 2007 г. Выходит с 1998 г., издается ежемесячно

Главный редактор:

Исаев И.А., д.ю.н., профессор

Редакционный совет:

Аронов Д.В., д.и.н., профессор;

Бабич И.Л., д.и.н.;

Жильцов Н.А., к.ю.н., к.пед.н., профессор,

почетный работник юстиции России;

Мельников С.А., д.ю.н., профессор;

Мигущенко О.Н., д.ю.н., доцент;

Нигматуллин Р.В., д.ю.н., профессор,

заслуженный юрист Республики Башкортостан;

Рассказов Л.П., д.ю.н., д.и.н., профессор;

Ромашов Р.А., д.ю.н., профессор,

заслуженный деятель науки РФ;

Сафонов В.Е., д.ю.н., профессор;

Туманова А.С., д.ю.н., д.и.н., профессор;

Хабибулин А.Г., д.ю.н., профессор,

заслуженный юрист РФ;

Чердаков О.И., к.и.н., д.ю.н., профессор

Редакционная коллегия:

Лебедева О.Г., к.ю.н., доцент;

Зенин С.С., к.ю.н., доцент;

Клименко А.И., д.ю.н., доцент;

Недобежкин С.В., к.ю.н., доцент;

Сигалов К.Е., д.ю.н., доцент

Главный редактор

Издательской группы «Юрист»:

Гриб В.В., д.ю.н., профессор, чл.-корр. РАО,

заслуженный юрист РФ

Заместители главного редактора

Издательской группы «Юрист»:

Бабкин А.И.,

Белых В.С.,

Ренов Э.Н.,

Платонова О.Ф.,

Трунцевский Ю.В.

Научное редактирование

и корректура:

Швечкова О.А., к.ю.н.

Телефон редакции: (495) 953-91-08

Плата с авторов за публикацию статей не взимается.

Личность и государство — разнообразие аспектов

- Насыров Р.В.** О проблеме аутентичного (неидеологизированного) восприятия античной политико-правовой мысли 3
- Плигин В.Н.** Понимание легитимности Ю. Хабермасом и отдельные вопросы практики функционирования государства и права (часть 1) 10
- Музыканкина Ю.А.** Инструментальное значение юридической ответственности государства перед личностью в науке о праве и государстве через призму историко-правового анализа 19
- Переседов А.М.** Сущность исполнительной власти в воззрениях консерваторов Российской империи начала XX века 25
- Ермаков А.О.** Становление и развитие административно-правового статуса советских органов исполнительной власти в России в 1917–1924 гг. 33

Преступление и кара — из истории наказания

- Николаев Н.Ю.** Коррупция в России в записках иностранцев XVI–XVII вв. 40
- Кушнир С.И.** Создание и функционирование исправительных учреждений российской армии и военно-морского флота во второй половине XIX в. 48
- Аксенов А.Н.** Меры противодействия насильственным преступлениям в истории российского уголовного права 55
- Адуев В.А.** О природе кровной мести как правового института в системе культурных ценностей и обычного права чеченцев и ингушей 61

Парламентаризм и право

- Коновалова Л.Г.** Государственная Дума 1906–1917 гг.: палата парламента без парламентаризма 69
- Шахин Ю.В.** Представительный орган в конституционной системе СФРЮ 75

Адрес редакции / издателя:

115035, г. Москва,

Космодамианская наб., д. 26/55, стр. 7.

E-mail: avtor@lawinfo.ru

Центр редакционной подписки:

(495) 617-18-88 (многоканальный).

Формат 170x252 мм. Печать офсетная.

Бумага офсетная № 1. ISSN 1812-3805.

Физ. печ. л. 10. Усл. печ. л. 10.

Номер подписан в печать 10.07.2020.

Номер вышел в свет 22.07.2020.

Тираж 3000 экз. Цена свободная.

Подписные индексы:

Объединенный каталог.

Пресса России — 85492 (на полг.).

Отпечатано в типографии

«Национальная полиграфическая группа».

248031, г. Калуга,

ул. Светлая, д. 2.

Тел.: (4842) 70-03-37.

Журнал включен в базу данных

Российского индекса научного цитирования

(РИНЦ).

Полная или частичная перепечатка материалов без письменного разрешения авторов статей или редакции преследуется по закону.

Журнал рекомендован Высшей аттестационной комиссией при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации для публикации основных результатов диссертаций на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук.

Учредитель:

Издательская группа «Юрист»

HISTORY OF STATE AND LAW

№ 8 / 2020

Published in association with O.E. Kutafin Moscow State Law University

RESEARCH AND LAW JOURNAL. The Federal Service for Supervision in the Sphere of Mass Communication, Communications and Protection of Cultural Heritage.
Reg. Pl № ФС77-30776 from December 25, 2007. Issued since 1998. Published monthly.

Editor in Chief:

Isaev I.A., LL.D., professor

Editorial Board:

Aronov D.V., Doctor of History, professor;
Babich I.L., Doctor of History;
Zhil'tsov N.A., PhD (Law),
PhD in Pedagogy, professor,
Honorary Worker of Justice of Russia;
Mel'nikov S.A., LL.D., professor;
Migushhenko O.N., LL.D., associate professor;
Nigmatullin R.V., LL.D., professor,
Honored Lawyer of the Republic of Bashkortostan;
Rasskazov L.P., LL.D.,
Doctor of History, professor;
Romashov R.A., LL.D., professor,
Honored Scientist of the Russian Federation;
Safonov V.E., LL.D., professor;
Tumanova A.S., LL.D.,
Doctor of History, professor;
Khabibulin A.G., LL.D., professor,
Honored Lawyer of the Russian Federation;
Cherdakov O.I., PhD in History,
LL.D., professor

Editorial Staff:

Lebedeva O.G., PhD (Law),
associate professor;
Zenin S.S., PhD (Law), associate professor;
Klimenko A.I., LL.D.,
associate professor;
Nedobezhkin S.V., PhD (Law),
associate professor;
Sigalov K.E., LL.D., associate professor

Editor in Chief of Jurist Publishing Group:

Grib V.V., LL.D., professor, corresponding
member of the RAE, Honored Lawyer of the Russian Federation

Deputy Editors in Chief

of Jurist Publishing Group:

Babkin A.I.,
Bely'kh V.S.,
Renov E.N.,
Platonova O.F.,
Truntsevskij Yu.V.

Scientific editing and proofreading:

Shvechkova O.A., PhD (Law)

Tel.: (495) 953-91-08.

Authors shall not pay for publication of their articles.

Personality and State: Variety of Aspects

- Nasyrov R.V.** On the Issue of Authentic
(Not Ideology-Driven) Perception of the Ancient
Political and Legal Thought..... 3
- Pligin V.N.** The Understanding of Legitimacy
by J. Habermas and Some Issues of the Practice
of Functioning of State and Law (part 1) 10
- Muzykankina Yu.A.** The Instrumental Meaning
of the Legal Liability of a State to an Individual
in the Science of Law and State from the Perspective
of Historical and Legal Analysis..... 19
- Peresedov A.M.** The Essence of the Executive
Government in Views of Conservatives of the Russian
Empire of the Early XX Century 25
- Ermakov A.O.** The Establishment and Development
of the Administrative Law Status of Soviet Executive
Authorities in Russia in 1917 to 1924 33

Crime and Retribution: From the History of Punishment

- Nikolaev N.Yu.** Corruption in Russia in Memoirs
of Foreigners in the XVI to the XVII Century 40
- Kushnir S.I.** The Establishment and Functioning
of Penal Institutions of the Russian Army and Navy
in the Second Half of the XIX Century..... 48
- Aksenov A.N.** Means of Combating Violent Crimes
in the History of Russian Criminal Law 55
- Aduev V.A.** On the Nature of Blood Feud
as a Legal Institution in the System of Cultural Values
and Common Law of the Chechens and the Ingushes..... 61

Parliamentarism and Law

- Konovalova L.G.** The State Duma in 1906 to 1917:
The House of Parliament without Parliamentarism..... 69
- Shakhin Yu.V.** A Representative Body
in the Constitutional System of the SFRY 75

Address publishers / editors:

Bldg. 7, 26/55, Kosmodamiyanskaya Emb.,
Moscow, 115035.

E-mail: avtor@lawinfo.ru

Editorial Subscription Centre: (495) 617-18-88
(multichannel).

Size 170x252 mm. Offset printing.

Offset paper No. 1. ISSN 1812-3805.

Printer's sheet 10.

Conventional printed sheet 10.

Passed for printing 10.07.2020.

Issue was published 22.07.2020.

Circulation 3000 copies.

Free market price.

Subscription:

United Catalogue. Russian Press — 85492

(for 6 months).

Printed by National Polygraphic Group Ltd.

Bldg. 2, street Svetlaya,

Kaluga, 248031.

Tel.: (4842) 70-03-37.

Journal is included in the database
of the Russian Science Citation Index.

Complete or partial reproduction of materials without
prior written permission of authors or the Editorial
Office shall be prosecuted in accordance with law.

Recommended by the Higher Attestation Commission
under the Ministry of Science and Higher Education of
the Russian Federation for publications of basic results
of PhD and doctor theses.

Founder:
Jurist Publishing Group

О проблеме аутентичного (неидеологизированного) восприятия античной политико-правовой мысли

Насыров Рафаил Валейзянович,
доцент кафедры теории и истории государства и права
Юридического института
Алтайского государственного университета,
кандидат юридических наук
nasirov.rafaill@yandex.ru

В статье ставится вопрос об аутентичном восприятии античной политико-правовой мысли. Подвергается критике идеологизация представлений античных философов о государстве и праве. В эпоху Нового времени идеи античных философов были включены в содержательно иной горизонт мировосприятия, что означает отсутствие прямой преемственности между античной и новоевропейской правовыми культурами. Обосновывается отнесение греко-римской политико-правовой мысли к традиционному типу правосознания.

Ключевые слова: аутентичность, идеологизированность, античная политическая и правовая мысль, горизонт мировосприятия, традиционное правосознание.

On the Issue of Authentic (Not Ideology-Driven) Perception of the Ancient Political and Legal Thought

Nasyrov Rafail V.
Senior Lecturer of the Department of Theory and History
of State and Law of the Law Institute of the Altai State University
PhD (Law)

The article raises the question of the authentic perception of ancient political and legal doctrine. The ideologization of the ideas of the ancient philosophers about the state and law is being criticized. In the epoch of New time the ideas of the ancient philosophers were included in a completely different horizon of perception of the world, which means the absence of a direct and substantial continuity between ancient and modern European legal cultures. The assignment of the Greco-Roman philosophical and political-legal thought to a special type of traditional worldview is substantiated.

Keywords: authenticity, ideology, ancient political and legal thought, worldview horizon, traditional sense of justice.

Актуальность темы статьи предопределена кризисным состоянием современного общества, для описания которого уместно использовать гегельянское понятие «ирония истории». Философ пишет о том, что всеобщая мировая ирония «допускает истинность того, что непосредственно принимается за истинное, но лишь для того, чтобы дать выявиться тому внутреннему разрушению, которое содержится в этих же самых допущениях»¹. Очевидно, что предпринятая в последние три века попытка реализовать гуманисти-

ческий в своих устремлениях, но при этом рационально-секуляризованный проект модерна обернулся не просто иными, а во многом противоположными результатами. Представители этого течения философской и социально-политической мысли не увидели бы в современном обществе воплощение их представлений о разумном человеке и справедливом государстве. Ю. Хабермас осторожно пишет о незавершенности проекта модерна². Но Дж. Сол выражается более резко и ведет речь о крахе идеологии Просвещения,

¹ Гегель Г.В.Ф. Лекции по философии истории. Книга вторая. СПб.: Наука, 2001. С. 45.

² Хабермас Ю. Философский дискурс о модерне. М.: Весь Мир, 2003. С. 5.

что отразилось в эпатажно-резком названии его известной книги³. Стоит признать, что теории, по которым развитие обязательно предполагает освобождение от традиционных ценностей и институтов, оказываются тупиковыми. Как пишет А. Панарин, «не дистанцирование от прошлого, как того требуют теории, воюющие с традиционализмом, а новое прочтение опыта наших предков, новое сближение с ними требуется для достижения аутентичности»⁴.

Опосредованно, но прочно в «опыт наших предков» вошла греко-римская мысль. Известно, что христианское богословие восприняло идеи таких философских школ, как платонизм, стоицизм, перипатетики. Исследователи подчеркивают, что речь необходимо вести не о копировании или лишь формальном использовании в христианстве терминологии и умозрительных построений античных философов, а о диалоге двух мировоззренческих систем. В связи с этим и раскрывается понятие аутентичного восприятия идей и мировоззренческих систем прошлого. В переводе с древнегреческого *αὐθεντικός* — «подлинный», «авторский»; с точки зрения герменевтики аутентичное понимание текста означает, что читатель воспринимает его не только, условно говоря, своими глазами, но и глазами автора этого текста. Речь идет не о простом отражении интерпретатором мировоззрения автора текста, а о диалоге и взаимообогащении сознаний: «Говорящий стремится сориентировать свою речь на специфический горизонт собеседника и вступает в диалогическое отношение с моментами этого горизонта»⁵.

Герменевтика не отрицает того, что интерпретатор неизбежно привносит в понимание идей прошлого собственные установки и предпочтения, но делает это, не отрицая горизонта мировосприятия автора и не подменяя его своим. Услови-

ем герменевтического понимания текста является чувство исследовательского такта, который Х.-Г. Гадамер определяет как способность «держаться дистанцию, избегать уязвлений и столкновений»⁶. Так, недопустимо вырывать отдельные суждения мыслителя из контекста всего творческого наследия автора и соответствующей исторической эпохи. В этом случае осуществляется не акт аутентичного понимания суждения, а процедура его модернизации и идеологизации. Истоки этой способности идеолога к поверхностному восприятию и выхолащиванию идей лежат в трактовке познания лишь как отражения и «схватывания» истины без соответствующей корреляции горизонта и архитектоники сознания с содержанием истины. Г. Марсель, рассуждая об отличии мыслителя от идеолога, указывает, что мыслитель «постоянно находится в процессе творчества; все его мысли всегда и ежеминутно поглощены проблемой»; тогда как идеолог воспринимает идеи как нечто ему принадлежащее в качестве объекта и собственности⁷, то есть как вещи, которыми можно просто манипулировать. Так, Ф. Фукуяма, обосновывая свой идеологический миф о «конце истории», не смущаясь, называет Сократа, Платона и Аристотеля основоположниками теории либеральной демократии⁸. Отбрасывается в сторону то, что в герменевтике называется «апперцептивным фоном», горизонтом мировосприятия. Указанные мыслители излагали свои представления о государстве и законах в контексте возвышенного в своих устремлениях философского мировоззрения. Ф. Фукуяма утверждает, что человек «есть разумное существо, стремящееся к максимальной прибыли», а в основе «постисторического» общества будут лежать «экономический расчет, бесконечные технические проблемы, забота об экологии и удовлетворение изощренных запросов потреби-

³ Сол Дж. Р. Ублюдки Вольтера. Диктатура разума на Западе. М. : АСТ : Астрель, 2007.

⁴ Панарин А.С. Народ без элиты. М. : Эксмо, 2006. С. 9.

⁵ Соболева М.Е. Философская герменевтика: понятие и позиции. М. : Академический проект, 2014. С. 31.

⁶ Гадамер Х.-Г. Истина и метод. М. : Прогресс, 1988. С. 58.

⁷ Марсель Г. Быть или иметь. Новочеркасск : Сагуна, 1994. С. 145.

⁸ Фукуяма Ф. Наше постчеловеческое будущее: Последствия биотехнологической революции. М. : АСТ, 2004. С. 27.

теля»⁹. Стоит ли верить в том, что не только Платон и Аристотель, но и киники или эпикурейцы не назвали бы такую утилитарную в своих устремлениях общественную жизнь разумной?

До эпох Возрождения и Нового времени сохранившиеся тексты античных философов были уже исследованы христианами и мусульманскими богословами и учеными. Как известно, во многом через арабские источники достижения греко-римской мысли были вновь открыты в средневековой Европе¹⁰. Сама возможность и конструктивность восприятия античной философии носителями религиозного сознания объясняется наличием общей черты — широкий кругозор мировосприятия, заданный представлением об Абсолюте (Бог, Идея). В целом носители традиционного мировоззрения убеждены в том, что развитие рационально-научного знания не является самоцелью, а выступает в качестве условно-подготовительной стадии приближения к более высокому религиозно-мистическому знанию.

Французский историк античной философии П. Адо посвятил книгу доказательству глубокого различия между тем, чем была философия в представлении древних, и тем, чем обычно предстает философия в наши дни. Автор пишет: «Не отрицаю чрезвычайную способность древних философов к теоретическому осмыслению тончайших вопросов теории познания, логики или физики. Но эта теоретическая деятельность должна рассматриваться под другим углом зрения, нежели при обычном современном восприятии философии»¹¹. Оказывается, что рациональное знание было ценно не само по себе, а как средство и этап приближения «к тому способу существования, к тому трансцендентному онтологическому состоянию, каким является мудрость»; философская жизнь для античных мыслителей — это «наивысшая форма че-

ловеческого блаженства, но в то же время можно сказать, что блаженство — это сверхчеловеческое»¹².

Достижения не только философской и религиозной, но и рационально-научной мысли античности, средневекового христианства и ислама, послужившие основой для возникновения западноевропейской науки, объясняются тем, что традиционное мировоззрение предполагало особую и утраченную в настоящее время возвышенную любознательность. В контексте сказанного становится очевидной уникальность западноевропейского мировоззрения, представители которого часто ссылаются на античных философов, но при этом включают их понятия и суждения в контекст своего принципиально секуляризованного мышления с совершенно иным горизонтом мировосприятия. Х.-Г. Гадамер считает, что истинность античного гуманитарного познания недоступна для сознания науки уже XIX в., так как это наследие «подпало под мерки чуждого ей по своей сути методического мышления современной науки»¹³. В результате многие идеи античной философии начинают казаться мыслителям Просвещения отсталыми и излишними. Так, крылатой фразой стали слова Вольтера о древних греках, которые «вложили в такое количество слов так мало мыслей». Платон и Аристотель, услышав этот афоризм, согласились бы с другим утверждением Вольтера: «Когда простолюдин берет рассуждать — все пропало». В эпоху Просвещения «пропало» представление о сложном и всегда чревато противоречиями соотношении абсолютных и относительных ценностей и принципов социального бытия.

Несомненным достижением новоевропейской философской и правовой мысли является обоснование естественных прав человека. Но в основе этой теории лежит картезианская методология — разрешению проблемы предшествует ее упрощение до некоей очевидности. Понятие 'jus (lex) naturale' (естественный закон) носит фундаментальный характер и выступает архетипом традиционного

⁹ Фукуяма Ф. Конец истории? // Вопросы философии. 1990. № 3. С. 137, 148.

¹⁰ Уотт У. Влияние ислама на средневековую Европу. СПб.: Дилла, 2008. С. 103–108.

¹¹ Адо П. Что такое античная философия? М.: Изд-во гуманитарной литературы, 1999. С. 18.

¹² Там же. С. 67, 91.

¹³ Гадамер Х.-Г. Указ. соч. С. 66.

правосознания — от примитивных мифологических представлений до развитых религиозных и философских систем. Увидеть особые формы выражения естественного права в древнекитайском Дао, древнеиндийской Рите, в славянской Правде и т.д. мешает замкнутый европоцентризм горизонт исторического восприятия. Разумеется, новоевропейская теория естественных прав раскрыла одну из сторон этой фундаментальной идеи. Но на фоне античной и христианской трактовок *ius naturale* современное учение о естественных правах человека может быть определено как утилитарное¹⁴. Естественное право в традиционном понимании определяло место человека, его права и обязанности в контексте всего мироздания в соответствии с архетипической триадой «тело-душа-дух». Это означает, что адекватно выразить концепт «естественное право» в юридических категориях невозможно. Платон утверждал: «Закон [писанный] никак не может со всей точностью и справедливостью охватить то, что является наилучшим для каждого, и это ему предписать»¹⁵. Вот фраза, в которой воплощается крутой перелом в восприятии естественного закона и возникает черта, по одну сторону которой традиционное (восточное, античное и христианское), а по другую — новоевропейское восприятие *ius naturale*. Т. Гоббс утверждает: «Ведь когда государственный строй установлен, то даже естественные законы становятся частью законов государственных»¹⁶.

Предмет формально-юридического регулирования ориентирован на такие понятия, как индивид (физическое лицо), а человек оценивается в контексте юридической квалификации актов внешнего поведения, того, как проявляет себя, условно говоря, тело человека. В Новое время концепт «естественное право» был политизирован и отождест-

влен с юридически выраженными правами и свободами отдельного индивида, что было следствием в целом сужения горизонта мировосприятия и упрощенным представлением о самом человеке, его бытие как бы свелось лишь к одному модусу «тела». Это стало очевидным в условиях общества массового потребления. Ж. Бодрийяр пишет: «Тело стало *объектом спасения*. Оно буквально заменило собой душу в этой моральной и идеологической функции. Пропаганда без устали нам напоминает в соответствии со славами духовного гимна, что имеем только тело и что его нужно спасти»¹⁷.

Примером грубой идеологизации является следующее суждение Ф. Фукуямы: «Фактически Аристотель утверждал, что человеческие понятия правого и неправого — то, что мы сегодня называем правами человека, — в конечном счете основаны на природе человека»¹⁸. Дело в том, что в самом понимании природы человека и естественного права античные философы были ближе к традиционному мировоззрению, чем к новоевропейскому. Либеральная концепция прав человека принципиально индивидуалистична, тогда как не только Платон, но и Аристотель были последовательными социоцентристами; их представления об обществе и человеке персонцентричны, но не индивидуалистичны. Они жили в эпоху кризиса афинской демократии, когда его институты использовались для удовлетворения эгоистических интересов отдельных граждан. И.А. Исаев отмечает: «Пифагор, Платон, Аристотель — крупнейшие мыслители Древней Греции, по своим политическим устремлениям были консерваторами, жестко порицавшими пороки современной им демократии»¹⁹.

Целостное восприятие произведений Аристотеля убеждает в том, что центральной категорией его политико-правовых суждений выступает общее благо. В «Никомаховой этике» философ пишет:

¹⁴ Подробнее о соотношении античного и новоевропейского понимания естественного права см.: Насыров Р.В. Человек как самоценность: О формулировке статьи 2 Конституции РФ 1993. М.: Юрлитинформ, 2011. С. 56–104.

¹⁵ Платон. Собр. соч. : в 4 т. Т. 4. М. : Мысль, 1994. С. 48.

¹⁶ Гоббс Т. Соч. : в 2 т. Т. 1. М. : Мысль, 1989. С. 258.

¹⁷ Бодрийяр Ж. Общество потребления. М. : Республика, 2006. С. 167–168.

¹⁸ Фукуяма Ф. Наше постчеловеческое будущее: Последствия биотехнологической революции. М. : АСТ, 2004. С. 26.

¹⁹ Исаев И.А. Метафизика власти и закона. М. : Юрист, 1998. С. 49.

«Даже если для одного человека благо является то же самое, что для государства, более важным и ценным представляется все-таки благо государства, достижение его и сохранение. Желанно, разумеется, и [благо] одного человека, но прекраснее и божественней благо народа и государств»²⁰. В «Политике»: «Очевидно, государство существует по природе и по природе предшествует каждому человеку; поскольку последний, оказавшись в изолированном состоянии, не является существом самодовлеющим, то его отношение к государству такое же, как отношение любой части к своему целому»²¹. Так же, как и в авраамических религиях, Аристотель отрицает право на суицид и обосновывает это тем, что самоубийца «неправосудно поступил по отношению к государству»²².

Аутентичное понимание политико-правового учения Аристотеля предполагает обязательное указание на то, что философ был диалектиком и считал, что общее благо не отрицает частного интереса гражданина (семьи): «Собственность должна быть общей только в относительном смысле, а вообще — частной... Очевидно, лучше, чтобы собственность была частной, а пользование ею — общим»²³. Носитель идеологизированного мышления рассуждает в стиле «или-или» и может понять, например, принцип священной частной собственности, а в приведенных суждениях Аристотеля обнаружит противоречия и нарушение логического закона тождества. Для уяснения того, что имел в виду философ, можно привести известный факт из биографии Демокрита, который на основании обычая был привлечен к суду за растрату отцовского наследства в путешествиях; суд вынес оправдательный приговор, убедившись в том, что философ приобрел полезные для родного города знания. Примечательно, что Аристотель видел ценность частной собственности в том, что она позволяет гражданину проявлять бескорыстную щедрость

по отношению к своим друзьям и согражданам²⁴.

Сказанное должно убедить в том, что идеологический, а не объективно-научный характер носит обоснование принципа буржуазной частной собственности ссылками на Аристотеля и римских юристов. Г.Дж. Берман пишет: «Запад — не Греция, не Рим и не Израиль, но народы Западной Европы, обратившиеся за вдохновением к греческим, римским и древнееврейским текстам и приспособившие их так, что это повергло бы в изумление их авторов»²⁵. Так, Платона и Аристотеля удивило бы то, что их суждения о законах и государстве часто цитируются для обоснования современной концепции правового государства. Платон и Аристотель употребляют термин «закон» (*νομός*) не только в смысле внешнего формализованного источника права, а чаще в традиционном значении общего порядка, в котором должны быть реализованы начала общего блага и справедливости. Недопустимо понимать в духе современной концепции правового государства известную фразу Платона из диалога «Законы»: «Я вижу близкую гибель государства, где закон не имеет силы и находится под чьей-либо властью. Там же, где закон — владыка над правителями, а они — его рабы, я усматриваю спасение государства и все блага, какие только могут даровать государствам боги»²⁶. По мнению историков права, в таких суждениях слово *νομός* философ употребляет не столько в формально-юридическом смысле, сколько воспринимает законы и полис как части космического порядка²⁷.

Точно так же в обоснование современной теории естественного права и правового государства часто делаются ссылки на слова Аристотеля о необходимости установления «такого рода законов, и неписаных, и писаных, которые в наибольшей степени являются спасительными

²⁰ Аристотель. Сочинения : в 4 т. Т. 4. М. : Мысль, 1984. С. 55.

²¹ Там же. С. 379.

²² Там же. С. 169.

²³ Там же. С. 410.

²⁴ Там же. С. 411.

²⁵ Берман Г.Дж. Западная традиция права: эпоха формирования. М. : Изд-во МГУ, 1998. С. 21.

²⁶ Платон. Собр. соч. : в 4 т. Т. 4. М. : Мысль, 1994. С. 167–168.

²⁷ Исаев И.А. Указ соч. С. 58. См. также: Козловски П. Общество и государство: неизбежный дуализм. М. : Республика, 1998. С. 42.

для государственного строя»²⁸. При этом философ отдает предпочтение именно неписаной форме права: «Законы, основанные на обычае, имеют большее значение и касаются более важных дел, нежели законы писаные»²⁹. Философ настороженно относится к законотворчеству даже народа, и его часто цитируемое суждение необходимо приводить в полном виде: «Законы должны властвовать над всем; должностным же лицам и народному собранию следует предоставить обсуждение частных вопросов»³⁰. Так же как и Платон, Аристотель обращает внимание на невозможность в «писаном» законе в завершенном виде воплотить начала справедливости: «Всякий [писаный] закон для общего, но о некоторых вещах невозможно сказать верно в общем [виде]»³¹.

Важно учитывать, что Аристотель изложил свои суждения о законах и праве в работах, посвященных началам этики и политики, а это по классификации Аристотеля науки практические, и выше их он ставил науки умозрительные. Поэтому определение: «Закон — это свободный от безотчетных позывов разум»³² («бесстрастный разум») — необходимо воспринимать в контексте всей философской системы Стагирита, в которой разумность играет служебную роль по отношению к более высокому началу — принципу мудрости (σοφία). В «Большой этике» фи-

лософ пишет: «Разумность, словно управитель у мудрости, доставляет мудрости досуг и возможности делать свое дело, сдерживая страсти и вразумляя их»³³. Метафора «разумность как управитель дома, но не его хозяин» показывает условную (инструментальную) ценность формального права. Закон (как разумное начало общественной жизни) не гарантирует сам по себе нравственность, справедливость и иные фундаментальные ценности, а создает внешние условия для их воплощения в жизнь. Г. Радбрух пишет: «Право — это действительность, ценность которой заключается в том, чтобы служить справедливости»³⁴. Тот, кто служит, не является полным воплощением того, кому служит; хотя от «слуги» требуется, чтобы он соответствовал статусу «господина». Но реализация провозглашенного в эпоху Просвещения принципа «господства права» в итоге обернулась юридикацией и соответственно этатизацией общественной жизни в такой степени, что Аристотель мог бы сказать, что формальный закон из «слуги» превратился в «господина».

Перечень примеров не аутентичного, а идеологизированного восприятия идей античной философии можно было бы продолжить. Но сказанное выше позволяет поставить вопрос о возможности рассмотрения политико-правовой мысли Древней Греции и Рима (в лице ее наиболее ярких представителей) как особого проявления традиционного правосознания, а не просто в качестве предтечи секуляризованных теорий эпохи модерна.

²⁸ Аристотель. Сочинения : в 4 т. Т. 4. М. : Мысль, 1984. С. 578.

²⁹ Там же. С. 482.

³⁰ Там же. С. 497.

³¹ Там же. С. 168.

³² Там же. С. 481.

³³ Там же. С. 337.

³⁴ Радбрух Г. Философия права. М. : Международные отношения, 2004. С. 44.

Литература

1. Адо П. Что такое античная философия? / П. Адо. Москва : Изд-во гуманитарной литературы, 1999. 320 с.
2. Аристотель. Сочинения. В 4 томах. Т. 4 / Аристотель. Москва : Мысль, 1984. 830 с.
3. Берман Г.Дж. Западная традиция права: эпоха формирования / Г.Дж. Берман. Москва : Изд-во МГУ, 1998. 624 с.
4. Бодрийяр Ж. Общество потребления / Ж. Бодрийяр. Москва : Республика, 2006. 269 с.
5. Гадамер Х.-Г. Истина и метод / Х.-Г. Гадамер. Москва : Прогресс, 1988. 704 с.
6. Гегель Г.В.Ф. Лекции по философии истории. Кн. 2 / Г.В.Ф. Гегель. 2-е изд., стер. Санкт-Петербург : Наука, 2006. 423 с.
7. Гоббс Т. Сочинения. В 2 томах. Т. 1 / Т. Гоббс. Москва : Мысль, 1989. 622 с.
8. Исаев И.А. Метафизика власти и закона / И.А. Исаев. Москва : Юрист, 1998. 256 с.
9. Козловски П. Общество и государство: неизбежный дуализм / П. Козловски. Москва : Республика, 1998. 368 с.

10. Марсель Г. Быть или иметь / Г. Марсель. Новочеркасск : Сагуна, 1994. 160 с.
11. Панарин А.С. Народ без элиты / А.С. Панарин. Москва : Алгоритм ; Эксмо, 2006. 352 с.
12. Платон. Собрание сочинений. В 4 томах. Т. 4 / Платон ; общее редактирование А.Ф. Лосева [и др.] ; примечание А.А. Тахо-Годи ; перевод с древнегреческого А.Н. Егунова [и др.]. Москва : Мысль, 1994. 830 с.
13. Радбрух Г. Философия права / Г. Радбрух. Москва : Международные отношения, 2004. 238 с.
14. Соболева М.Е. Философская герменевтика: понятие и позиции / М.Е. Соболева. Москва : Академический проект, 2014. 151 с.
15. Сол Дж. Р. Ублюдки Вольтера. Диктатура разума на Западе / Дж.Р. Сол. Москва : АСТ : Астрель, 2007. 895 с.
16. Уотт У. Влияние ислама на средневековую Европу / У. Уотт. Санкт-Петербург : Диля, 2008. 189 с.
17. Фукуяма Ф. Конец истории? / Ф. Фукуяма // Вопросы философии. 1990. № 3. С. 134–155.
18. Фукуяма Ф. Наше постчеловеческое будущее: Последствия биотехнологической революции / Ф. Фукуяма. Москва : АСТ, 2004. 349 с.
19. Хабермас Ю. Философский дискурс о модерне / Ю. Хабермас. Москва : Весь Мир, 2003. 416 с.

References

1. Hadot P. Chto takoe antichnaya filosofiya? [What Is Ancient Philosophy?] / P. Hadot. Moskva : Izd-vo gumanitarnoy literatury` — Moscow : Publishing House of Humanitarian Literature, 1999. 320 s.
2. Aristotle. Sochineniya. V 4 tomakh. T. 4 [Writings. In 4 volumes. Vol. 4] / Aristotle. Moskva : My'sl — Moscow : Thought, 1984. 830 s.
3. Berman H.J. Zapadnaya traditsiya prava: epokha formirovaniya [Law and Revolution: The Formation of the Western Legal Tradition] / H.J. Berman. Moskva : Izd-vo MGU — Moscow : MSU publishing house, 1998. 624 s.
4. Baudrillard J. Obschestvo potrebleniya [The Consumer Society] / J. Baudrillard. Moskva : Respublika — Moscow : Republic, 2006. 269 s.
5. Gadamer H.-G. Istina i metod [Truth and Method] / H.-G. Gadamer. Moskva : Progress — Moscow : Progress, 1988. 704 s.
6. Hegel G.W.F. Lektzii po filosofii istorii. Kn. 2 [Lectures on the Philosophy of History. Book 2] / G.W.F. Hegel. 2-e izd., ster. Sankt-Peterburg : Nauka — 2nd edition, stereotyped. Saint Petersburg : Science, 2006. 423 s.
7. Hobbes T. Sochineniya. V 2 tomakh. T. 1 [Writings. In 2 volumes. Vol. 1] / T. Hobbes. Moskva : My'sl — Moscow : Thought, 1989. 622 s.
8. Isaev I.A. Metafizika vlasti i zakona [Metaphysics of Power and Law] / I.A. Isaev. Moskva : Yurist — Moscow : Lawyer, 1998. 256 s.
9. Koslowski P. Obschestvo i gosudarstvo: neizbezhny'y dualizm [Society and State. An Inevitable Dualism] / P. Koslowski. Moskva : Respublika — Moscow : Republic, 1998. 368 s.
10. Marcel G. By't ili imet [Being and Having] / G. Marcel. Novoчеркасск : Saguna — Novoчеркасск : Saguna, 1994. 160 s.
11. Panarin A.S. Narod bez elity` [People Without Elite] / A.S. Panarin. Moskva : Algoritm ; Eksmo — Moscow : Algorithm ; Eksmo, 2006. 352 s.
12. Plato. Sobranie sochineniy. V 4 tomakh. T. 4 [Collection of Works. In 4 volumes. Vol. 4] / Plato ; obshchee redaktirovanie A.F. Loseva [i dr.] ; primechanie A.A. Takho-Godi ; perevod s drevnegrecheskogo A.N. Egunova [i dr.]. Moskva : My'sl — general editing by A.F. Losev [et al.] ; commentary by A.A. Takho-Godi ; translation from Ancient Greek by A.N. Egunov [et al.]. Moscow : Thought, 1994. 830 s.
13. Radbruch G. Filosofiya prava [Legal Philosophy] / G. Radbruch. Moskva : Mezhdunarodny'e ot-nosheniya — Moscow : International Relations, 2004. 238 s.
14. Soboleva M.E. Filosofskaya hermenevtika: ponyatie i pozitsii [Philosophical Hermeneutics: The Concept and Positions] / M.E. Soboleva. Moskva : Akademicheskii proekt — Moscow : Academic Project, 2014. 151 s.
15. Saul J.R. Ublyudki Voltera. Diktatura razuma na Zapade [Voltaire's Bastards: The Dictatorship of Reason in the West] / J.R. Saul. Moskva : AST : Astrel — Moscow : AST : Astrel, 2007. 895 s.
16. Watt W. Vliyanie islama na srednekovuyu Evropu [The Influence of Islam on Medieval Europe] / W. Watt. Sankt-Peterburg : Dilya — Saint Petersburg : Dilya, 2008. 189 s.
17. Fukuyama F. Konets istorii? [The End of History and the Last Man] / F. Fukuyama // Voprosy' filosofii — Issues of Philosophy. 1990. № 3. S. 134–155.
18. Fukuyama F. Nashe postchelovecheskoe budushee: Posledstviya biotekhnologicheskoy revolyutsii [Our Posthuman Future: Consequences of the Biotechnology Revolution] / F. Fukuyama. Moskva : AST — Moscow : AST, 2004. 349 s.
19. Habermas J. Filosofskiy diskurs o moderne [The Philosophical Discourse of Modernity] / J. Habermas. Moskva : Ves Mir — Moscow : The Whole World, 2003. 416 s.

Понимание легитимности Ю. Хабермасом и отдельные вопросы практики функционирования государства и права (часть 1)

Плигин Владимир Николаевич,
Институт государства и права
Российской академии наук (ИГП РАН),
кандидат юридических наук
theory-of-law@igpran.ru

Статья является философско-правовым анализом концепции легитимности Ю. Хабермаса в контексте современных политико-правовых реалий (с приведением конкретных примеров из истории СССР и современной России).

Ценность легитимного правления политического режима, сложившегося государства и общества — это единый ценностный комплекс, в основе которого заложено соответствие ожиданиям граждан. Однако рассмотрение идей теоретиков легитимности власти вне контекста правовой и политической среды, в которой она и может осознаваться наиболее эффективно, как представляется, ведет к отрыву от фундаментальных оснований самой власти как особой формы деятельности.

Теоретическая значимость данной работы состоит в прояснении ключевых философско-правовых аспектов концепции легитимности Ю. Хабермаса, а практическая значимость — в использовании конкретных исторических примеров (СССР и современная Россия) для рассмотрения данного вопроса в привязке к правовой и политической среде.

Ключевые слова: легитимность, государственная власть, обоснование права, легитимность власти, конституционная законность.

The Understanding of Legitimacy by J. Habermas and Some Issues of the Practice of Functioning of State and Law (part 1)

Pligin Vladimir N.
Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences (ISL RAS)
PhD (Law)

The article is a philosophical and legal analysis of the concept of the legitimacy of J. Habermas in the context of modern political and legal realities (with specific examples from the history of the USSR and modern Russia).

The value of the legitimate rule of the political regime, the established state and society is a single value complex, which is based on compliance with citizens' expectations. However, the consideration of the ideas of theorists of the legitimacy of power outside the context of the legal and political environment, in which it can be realized most effectively, seems to lead to a separation from the fundamental foundations of the government itself as a special form of activity.

The theoretical significance of this work is to clarify the key philosophical and legal aspects of the concept of legitimacy of J. Habermas, and the practical significance is to use specific historical examples (USSR and modern Russia) to consider this issue in relation to a legal and political environment.

Keywords: legitimacy, the state authority, basis of law, legitimacy of power, constitutional legality.

Наблюдение за процессами устойчивого функционирования государственных и правовых систем, которое было активно в послевоенный период XX в., приводило к выводу о конце

истории. Наиболее известным апологетом этого процесса стал Ф. Фукуяма с его знаменитым одноименным эссе «Конец истории». Но, как всегда неожиданно для свидетелей, обществен-

ные процессы не только изменили ход или «закончились», но и преобразовались в свою противоположность — история сделала новый виток.

Указанное движение касалось практически всех стран мира. Однако российская история кризиса конца 80-х гг. XX в. во многом уникальна.

Конституция (Основной Закон) СССР, принятая на внеочередной седьмой сессии Верховного Совета СССР девятого созыва 7 октября 1977 г., системно решала вопросы закрепления легального политического строя, базирующегося на исторических ценностях, которые включали в себя «немеркнущий подвиг советского народа, его Вооруженных Сил, одержавших историческую победу в Великой Отечественной войне»¹.

Она определяла советское общество как «общество зрелых социалистических общественных отношений, в котором... сложилась новая историческая общность людей — советский народ»².

Как «общество высокой организованности, идейности и сознательности трудящихся — патриотов и интернационалистов»³.

Государственная собственность определялась как «общее достояние всего советского народа, основная форма социалистической собственности»⁴.

Казалось бы, стройная продуманная конструкция легитимности ранее бывшего порядка, которая исключительным большинством населения собственной страны и представителями правящей элиты воспринималась как незыблемая, **вдруг начала заменяться новой**, которая складывалась исключительно экспериментально: без продуманных системных усилий и

знания. Процесс смены этой конструкции остается в фокусе общественного внимания на десятилетия. Наиболее значимым оказалось то, что делегитимация, начавшаяся со сменой политического режима в 1991–1993 гг., захватила все сферы государственного и правового механизмов. Происходило несколько наивное, исключительно поверхностно исполняемое отрицание предыдущих институтов, включая институты организации государственной власти, социального устройства и собственности. Предыдущий ценностный ряд был отвергнут и ускоренно замещен, получая закрепление в сложно воспринимаемом новом нормативном материале, который был частично копией регулирования других странах, что искажало задачу создания устойчивости, новой легитимности.

Комментируя последовательное изменение конституционного правопорядка, И.А. Исаев отмечает, что хотя «старый порядок» «здесь чаще всего подвергается осуждению, однако в случаях известной преемственности в целях и средствах сменяющих друг друга политических режимов в новом конституционном акте нередко артикулируются некоторые его базовые категории, такие как “революция”, “нация”, “народ”, “демократия”, “защита Родины” и т.п.». Следует в этом контексте все же заметить, что исторически известные своей широтой толкования указанных нормативных понятий, помещенные в разные фундаментальные политико-правовые режимы, могут нести совершенно различный смысл, подчас полностью противоположный. «Чем больше число подобных заимствований из старого правопорядка и лексики, — продолжает И.А. Исаев, — тем больше шансов у новой конституции сохранить желанную стабильность существующей правовой традиции и системы в целом. Абсолютный правовой нигилизм... нес бы в себе угрозу уничтожения государственности

¹ Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик (принята ВС СССР 07.10.1977) // Ведомости ВС СССР. 1977. № 41. Ст. 617.

² См.: Там же.

³ См.: Там же.

⁴ Там же.

как таковой»⁵. «Поэтому потребность в конституционном оформлении порядка представляется звучным символом оздоровления послереволюционного общества», — продолжает И.А. Исаев, указывая таким образом на необходимую преемственность политико-правовых доктрин. Однако далее он же заключает: «Новый правопорядок устанавливается на месте своего предшественника, либо правомерным образом воспринимая его принципы, либо полностью отрицая его законность»⁶. Как представляется, отрицание законности старого правового порядка по своей сути составляет уничтожение и его базовых нормативных концептов, поскольку утрата законности нормы означает и утрату ее существования как регулятора поведения.

На примере отечественной истории мы можем констатировать, что переход от абсолютного нигилизма к технологиям, сочетающим старое и новое, в России занял значительное время. В известной степени он продолжается и сейчас в виде возврата к ранее апробированным институтам. Эта транзитивная связь во многом нашла отражение в Конституции 1993 г. и поправках к ней, которые были приняты в 2020 г.

«Старый порядок», который в части не утратил своей цивилизационной значимости, так как содержал в себе ряд метаюридических моральных ценностей, нашел отражение в различных характеристиках в рамках предложенных Президентом Российской Федерации конституционных поправок.

Так, сам факт отражения в ч. 1 ст. 67.1 Конституции РФ положения о правопреемстве Российской Федерации по отношению к Союзу ССР указывает на закрепление не только юридического континуитета, но и в значительной степени ценностного.

Тезис о признании исторически сложившегося государственного единства, закрепленный в ч. 2 ст. 67.1 Конституции РФ, находил свое выражение в том или ином виде как в преамбуле Конституции СССР 1977 г. — «социально-политическое и идейное единство советского общества», так и в ст. 79 — «СССР олицетворяет государственное единство советского народа». Затрагивающие схожие ценности нормативные положения закреплены и в ч. 1 ст. 68 Конституции РФ в виде особого значения русского языка как государственного и языка государствообразующего народа в рамках многонационального союза равноправных народов Российской Федерации.

Вместе с тем нельзя не отметить и изменившийся контекст восприятия указанных норм, а именно развитие общества в рамках идеи демократии, идеологического и политического плюрализма. Очевидно, что такой контекст при высокой степени схожести названных ценностей позволяет опираться на них как на конституционно значимые ориентиры, методы реализации которых определяются непосредственно гражданами России как коллективным источником власти. По поводу такой методологии, определяемой через избирательное законодательство, следует сделать несколько более подробных замечаний.

Так, в законодательство о выборах и референдумах за последние несколько лет внесен ряд принципиальных изменений. В числе таких изменений следует особенно выделить отмену порога явки избирателей для того, чтобы выборы были признаны состоявшимися. Кроме того, важное значение для избирательной системы имеет отмена графы «против всех», а также запрет на создание избирательных блоков и критику оппонентов в агитационных материалах⁷.

⁵ Исаев И.А. Легитимность и легальность в конституционном процессе // История государства и права. 2012. № 6. С. 2–6.

⁶ Там же.

⁷ См.: Коновалова Л.Г. Многопартийность и обеспечение связи населения с механизмом государства как признаки парламентаризма: вопросы консти-

В нынешних условиях формирования правового государства неотступное следование нормам закона имеет принципиальное значение для политической стабильности. Оно позволяет гарантировать реальную реализацию конституционных норм и обуславливает оказание влияния общества на природу власти государства. В связи с этим легальность и легитимность имеют ключевое значение для функционирования органов власти. При этом, как верно замечает И.А. Исаев, «легальность власти еще не означает ее законность, если при этом не учитывается индивидуальность и предписания абстрактны...»⁸.

Так, легитимность представляет собой сущностную особенность, которая отличает политическую власть. Поэтому для государства важно создавать механизмы поддержания своей легитимности.

В условиях переходного периода обеспечение легитимности приобретает особенно острое значение. Ведь в такие периоды именно государство является субъектом, который способен гарантировать полезные изменения общества.

Легитимизация власти обеспечивается путем проведения выборов, что вступает в определенное противоречие с политическими механизмами. Согласно теории Вебера, о которой еще будет подробно сказано позднее, подобное противоречие разрешается посредством сведения понятия легитимности к вере в нее⁹. Как отмечает И.А. Исаев, «являясь формой символического капитала, легитимность обеспечивает веру подвластных в факт существования самой власти и ее способности»¹⁰.

Однако такое решение не является удовлетворительным. Так, восприятие легитимности в качестве субъективной веры приводит к противоречию в первоначальных утверждениях о рациональности. В связи с этим фиксация веры не может стать инструментом фиксации легитимности власти.

Разрешение проблемы эмпирического референта легитимности представлено Хабермасом. Он существенно расширил установку Вебера, отказавшись от восприятия индивида в качестве основания казуальности. Индивид им был заменен интересубъективным пространством¹¹.

При этом Хабермас создает конструкцию с помощью онтологизации рациональности. Она представляется инструментом взаимодействия, поскольку языковая этика основывается на разумной речи¹². Все люди вовлечены в разумную речь и должны подчиняться указанной выше этике¹³.

Важность для участников взаимодействия речевой ситуации идеального типа подчеркивается понятием коммуникативной рациональности. Такая важность представляет собой дискурсивную основу для взаимодействия. При этом оно направлено на достижение понимания посредством использования рациональных методов¹⁴.

Стратегическая или инструментальная рациональность противоположна коммуникативной. Целью указанной инструментальной рациональности является оказание влияния в условиях тех или иных изначально заданных участниками взаимодействия приоритетов¹⁵.

туционно-правовой теории // Конституционное и муниципальное право. 2018. № 1. С. 28–31.

⁸ Исаев И.А. Указ. соч. С. 2–6.

⁹ Grafstein, R. (1981). The Legitimacy of Political Institutions. *Polity*. Vol. 14. № 1. P. 52.

¹⁰ Исаев И.А. Указ. соч. С. 2–6.

¹¹ См.: Хабермас Ю. Проблема легитимации позднего капитализма / пер. с нем. Л.В. Воропай. М.: Практикс, 2010.

¹² См.: Там же. С. 182.

¹³ См.: Там же. С. 150–151.

¹⁴ См.: Савин Н.Ю. Легитимность власти в России в условиях социетальной инволюции // БИЗНЕС. ОБЩЕСТВО. ВЛАСТЬ. 2012. № 12. С. 45–64.

¹⁵ См.: История философии: Запад — Россия — Восток. Книга четвертая: Философия XX в. М.: Греко-латинский кабинет Ю.А. Шичалина, 1999.

Отталкиваясь от этих толкований механизма легитимности власти в контексте перехода правового и политического режима от социалистического к современному демократическому, представляется, что важность задумки конституционализма об обязательном делении власти на исполнительную, законодательную и судебную была не так понятна людям, которые еще недавно находились во власти Советов и КПСС.

Мысль депутатов демократически сформированных представительных органов власти СССР и РСФСР конца эпохи Советского Союза и начала эпохи Российской Федерации об идее разделения властей как «всевластия парламента» являлась юридически не обоснованной, так как народный избранник в президенты имел легитимность не меньше, чем Съезд или Верховный Совет. Это, кстати, объясняется и в пусть не бесспорной, но все же достаточно аргументированной концепции харизматической легитимности лидера М. Вебера. Во всем мире представитель государства, президент, не контролируется парламентом и даже механизмы импичмента в известной степени декларативны, выполняя скорее стимулирующую к правомерному поведению функцию¹⁶.

Перемены социального устройства советского общества (удаление классов эксплуататоров) проявились во вводе изменений избирательного процесса. Практиковали в виде деклараций всенародное, открытое и равное голосование. На деле же выборы проходили под контролем партии.

Конституция СССР 1977 г. гарантировала и ряд демократических прав (право на труд, возможность отдыха, право на материальную помощь при болезни или потере трудоспособности)

¹⁶ См., напр.: Фомиченко М.П. Институт президентства в Российской Федерации: проблемы и перспективы развития // Административное право и процесс. 2015. № 1. С. 78–82.

и свобод (печати, демонстраций, тайн переписок, свободу слова и мысли).

Стоит отметить, что этот «старый порядок» СССР не утратил своей цивилизационной ценности и нашел отражение в характеристиках современной Конституции. Подобная парадигма (марксизм в СССР) позволяла согласовать стратегически рациональную политику управления, которая сопровождалась коммуникативной рациональностью правового порядка СССР за счет идеологического контроля.

Так, основные принципы, регулирующие избирательное законодательство, указаны в Конституции Российской Федерации и международных правовых актах. Конечно, в ряде случаев поднимается проблема о легитимности избираемой власти, так как порог явки населения был отменен поправками в Федеральный закон от 12 июня 2002 г. № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации», как следствие, возникает вопрос: является ли новая власть достаточно поддерживаемой народом? Однако политическая практика показала, что при множественности политического предложения легитимация проходит успешно. Более того, в отличие от предыдущего периода истории, названные принципы стали практикореализуемыми.

Не меньше вопросов возникло в общественном дискурсе и в процессе обсуждения, а также рассмотрения поправок в Конституцию Российской Федерации в 2020 г. в парламенте касательно сроков полномочий президента. Промежуточным этапом между их рассмотрением в Федеральном Собрании, подписанием Президентом России и общероссийским голосованием стало их рассмотрение в Конституционном Суде Российской Федерации, которое сыграло существенную легитимизирующую роль.

Конституционный суд (далее — КС) признал законно обоснованными поправки в Конституцию.

Идея демократической правовой державы предполагает некие ограничения, но не ограничивает напрямую сроки правления президента страны — сообщает Конституционный суд.

Проблема количества периодов правления президента может быть разрешена разными путями, не исключая того, который предоставлен в «законе о поправке» в Конституцию, как отмечают судьи. Фундаментальные принципы страны не пострадают. Они в безопасности благодаря развитому парламентаризму и многопартийности, существованию политической конкуренции, разделению власти и системе правосудия.

Насущность вопроса о лимитировании периодов президентства продиктована равновесием конституционных идеалов. Работу по достижению баланса проводит конституционный законодатель с учетом фактов истории, а также беря во внимание факторы возможных рисков.

Так как поправки в Конституцию подкреплены голосом народа России, то и фундаментальные конституционные особенности не должны пострадать от самовольного вмешательства. Право быть президентом более двух периодов кряду может быть исполнено на основе согласия граждан. Такой шаг добавляет конституционную легитимность.

Применительно к современной практике нашей страны и других государств, находящихся в процессе трансформации, проблема понимания статусов легитимации и легитимности приобретает глубоко практический характер. Особенно это важно при взаимодействии с обществами, представленными слабыми государствами, так как их восстановление критически важно для стабилизации общей социальной структуры мирового сообщества.

Системное начало изучению легитимности было положено уже ранее упомянутым Максом Вебером. Именно его концепция легитимного господства стала отправной точкой для начала дискуссии о принципах властных взаимоотношений внутри государства в вопросах господства и подчинения, легальности и легитимности.

По М. Веберу, «господство — это вероятность того, что некоторая группа людей повинуетя некоему приказу (или приказам). То есть это не любая возможность реализации власти или влияния. Господство (“авторитет”) в этом смысле выражается в подчинении, которое каждый раз может побуждаться разными мотивами — от простой привычки до чисто целерациональных соображений»¹⁷.

Господство строится в рамках порядка, который являет собой механизм общественного принуждения за нарушения устоявшихся правил. Порядок, который «внешне гарантирован вероятностью (физического или психического) принуждения путем действия штаба людей, специально предназначенного принуждать к соблюдению и карать за нарушение установленного порядка»¹⁸, называется правом, то есть легальным порядком.

Одним из базисов существования современных государств по Веберу становится легитимное господство. Легитимный порядок должен иметь «престиж обязательности или образцовости, мы даже могли бы сказать легитимности»¹⁹. При этом концепция легитимного господства — отправная точка для изучения стабильности политических режимов.

Концепт легального господства позволяет сформулировать М. Веберу идею, что современные государства

¹⁷ Вебер М. Хозяйство и общество: очерки понимающей социологии : в 4 т. Т. 1. М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2016. С. 252.

¹⁸ Там же. С. 92.

¹⁹ Там же. С. 90.

черпают свою легитимность из правовых (или легальных) норм, которые распределяют власть внутри государства в соответствии с заранее определенными правилами.

Рационально разработанные и систематизированные правила, переведенные в ранг правовой системы или системы управления (в случае коммерческих структур), официально определяют процессы передачи и уровень распределения власти, что дает власти легитимность. То есть если понятно, кто, как и по каким правилам наделяется властью, и правила в процессе надления ею не нарушены, то властный актор автоматически легитимизируется.

Несомненно, такой довод не мог бы быть не оспорен учеными-юристами. Отмечается, что практике известны случаи, когда носители власти, получившие ее вполне законным и «легитимным» с точки зрения Конституции способом, нередко оказываются в ситуации, когда неэффективность функционирования основных властных институтов возвращает общество к вопросу о конституционной легитимности такой власти, происходит «обман ожиданий»²⁰.

То есть противоречие между законностью механизма формирования органов государственной власти и ее реальным функционированием в интересах граждан или же в противоположность им порождает в общественном конституционном правосознании посылку о нелегитимности такой власти²¹.

Однако, возвращаясь к идее Вебера, стоит отметить, что господство работает как возможность навязывать свою волю объекту, подчинять его. «Господство — это вероятность (шанс) того, что определенные люди повинуются

приказу определенного содержания»²². Можно утверждать, что до тех пор, пока акторы добровольно подчиняются власти, они признают легитимность господства этой власти над ними. Причем господство предполагает продолжительное подчинение акторов источнику воли. При этом длительность подчинения, особенно в современных информационных обществах, зависит от того, в какой степени участники общественного процесса действительно разделяют декларируемые ценности.

Принимая многие положения предложенной М. Вебером конструкции, в то же время для современной практики важно учитывать то, какое развитие эти предложения получают в доктринах последующего периода, который более приближен к современным условиям, а также в мягкой критике его представлений, в частности, Ю. Хабермасом.

Проблему легитимации власти Ю. Хабермас рассматривает через социальную интеграцию, достигаемую посредством неких ценностей и норм, разделяемых большинством в обществе и охраняемых властью.

Для дальнейшего развития понимания легитимности, принципов функционирования теории и права важно рассмотреть основные идеи, которые выводит Ю. Хабермас в своей работе «Проблемы легитимации в современных государствах». В ней можно выделить несколько основных блоков в описании легитимации современных государств, которые требуют раскрытия для дальнейшей интерпретации в научном поле:

- особенности легитимации обществ;
- легитимность внутренней и внешней части государства;
- «сюжеты» для легитимации государств;
- проблемы с легитимностью в «современных демократиях всеобщего благоденствия»;

²⁰ См.: Баранов П.П., Овчинников А.И. Конституционная легитимность: теоретико-методологический аспект // Конституционное и муниципальное право. 2015. № 8. С. 3–6.

²¹ См.: Там же.

²² Вебер М. Указ. соч. С. 109.

- эффективные ограничения для легитимации государств.

Понятие легитимности у Ю. Хабермаса

Ю. Хабермас определяет легитимность как политический порядок, которому стоит подчиняться: «Легитимность означает наличие веских аргументов в пользу того, чтобы утверждение политического порядка было признано правильным и справедливым. Законный порядок заслуживает признания. Легитимность означает ценность политического порядка для признания. Это определение подчеркивает тот факт, что легитимность является спорным утверждением о действительности. Стабильность порядка господства (также) зависит от его (по крайней мере) фактического признания»²³. И при этом современных государств вопросы легитимности и легитимизации — постоянны²⁴.

В работе политической системы каждого государства возникают основополагающие вопросы его функци-

онирования, которые включают проблемы суверенитета, распределение бюджета государства, национальный язык, отношение к религиозным воззрениям и др. Вся современная практика свидетельствует, что непонимание проблем, которые могут быть отнесены к легитимирующим, ведет к потере легитимности и распаду государственного образования в существующей форме. А если они связаны с фундаментальными для системы вопросами, то и к революции.

«Конфликты легитимации возникают только из-за принципиальных вопросов... Такие конфликты могут привести к временному снятию легитимации. И при определенных обстоятельствах это может иметь последствия, которые угрожают дальнейшему существованию режима. Если исход таких легитимных кризисов связан со сменой базовых институтов не только государства, но и общества в целом, то мы говорим о революциях»²⁵.

Ю. Хабермас отмечает, что с проблемой легитимности сталкиваются только политические объединения.

Читайте продолжение в № 9.

²³ Habermas, J. Legitimation Problems in the Modern State // Communication and the Evolution of Society. 1979. P. 178.

²⁴ Ibid. P. 179.

²⁵ Ibid.

Литература

1. Баранов П.П. Конституционная легитимность: теоретико-методологический аспект / П.П. Баранов, А.И. Овчинников // Конституционное и муниципальное право. 2015. № 8. С. 3–6.
2. Вебер М. Хозяйство и общество: очерки понимающей социологии. В 4 томах / М. Вебер. Т. 1. Социология / перевод с немецкого В.А. Брун-Цеховой [и др.] ; под общей редакцией Л.Г. Ионина. Москва : Изд. дом Высшей школы экономики, 2016. 444 с.
3. Исаев И.А. Легитимность и легальность в конституционном процессе / И.А. Исаев // История государства и права. 2012. № 6. С. 2–6.
4. История философии: Запад — Россия — Восток. В 4 книгах. Кн. 4. Философия XX в. : учебник для студентов вузов / под редакцией Н.В. Мотрошиловой, А.М. Руткевича. 2-е изд. Москва : Греко-латинский кабинет Ю.А. Шичалина, 2000. 446 с.
5. Коновалова Л.Г. Многопартийность и обеспечение связи населения с механизмом государства как признаки парламентаризма: вопросы конституционно-правовой теории / Л.Г. Коновалова // Конституционное и муниципальное право. 2018. № 1. С. 28–31.
6. Савин Н.Ю. Легитимность власти в России в условиях социальной инволюции / Н.Ю. Савин // Бизнес. Общество. Власть. 2012. № 12. С. 45–64.

7. Фомиченко М.П. Институт президентства в Российской Федерации: проблемы и перспективы развития / М.П. Фомиченко // Административное право и процесс. 2015. № 1. С. 78–82.
8. Хабермас Ю. Проблема легитимации позднего капитализма / Ю. Хабермас ; перевод с немецкого Л.В. Воропай. Москва : Праксис, 2010. 264 с.
9. Grafstein, R. The Legitimacy of Political Institutions / R. Grafstein // Polity. 1981. Vol. 14. № 1. P. 51–59.
10. Habermas, J. Legitimation Problems in the Modern State / J. Habermas // Communication and the Evolution of Society / J. Habermas ; translator T. McCarthy. Beacon Press, 1979. 264 p.

References

1. Baranov P.P. Konstitutsionnaya legitimnost: teoretiko-metodologicheskii aspekt [Constitutional Legitimacy: A Theoretical and Methodological Aspect] / P.P. Baranov, A.I. Ovchinnikov // Konstitutsionnoe i munitsipalnoe pravo — Constitutional and Municipal Law. 2015. № 8. S. 3–6.
2. Weber M. Khozyaystvo i obschestvo: ocherki ponimayushey sotsiologii. V 4 tomakh [Economy and Society: An Outline of Interpretive Sociology. In 4 volumes] / M. Weber. T. 1. Sotsiologiya / perevod s nemetskogo V.A. Brun-Tsekhovoy [i dr.] ; pod obschey redaktsiei L.G. Ionina. Moskva : Izd. dom Vy'sshey shkoly` ekonomiki — Vol. 1. Sociology / translation from German by Brun-Tsekhova [et al.] ; under the general editorship of L.G. Ionin. Moscow : Publishing house of the Higher School of Economics, 2016. 444 s.
3. Isaev I.A. Legitimnost i legalnost v konstitutsionnom protsesse [Legitimacy and Legality in the Constitutional Process] / I.A. Isaev // Istoriya gosudarstva i prava — History of State and Law. 2012. № 6. S. 2–6.
4. Istoriya filosofii: Zapad — Rossiya — Vostok. V 4 knigakh. Kn. 4. Filosofiya XX v. : uchebnik dlya studentov vuzov [The History of Philosophy: The West — Russia — the East. In 4 books. Book 4. Philosophy of the XX Century : textbook for students of higher educational institutions] / pod redaktsiei N.V. Motroshilovoy, A.M. Rutkevicha. 2-e izd. Moskva : Greko-latinskii kabinet Yu.A. Shichalina — edited by N.V. Motroshilova, A.M. Rutkevich. 2nd edition. Moscow : Yuriy Shichalin's Museum Graeco-Latinum, 2000. 446 s.
5. Konovalova L.G. Mnogopartiynost i obespechenie svyazi naseleniya s mekhanizmom gosudarstva kak priznaki parlamentarizma: voprosy` konstitutsionno-pravovoy teorii [Multiplicity of Parties and Securing the Link Between the Population and the State Mechanism as Attributes of Parliamentarism: Issues of the Constitutional Law Theory] / L.G. Konovalova // Konstitutsionnoe i munitsipalnoe pravo — Constitutional and Municipal Law. 2018. № 1. S. 28–31.
6. Savin N.Yu. Legitimnost vlasti v Rossii v usloviyakh sotsietalnoy involyutsii [Legitimacy of Power in Russia in the Societal Involution Conditions] / N.Yu. Savin // Biznes. Obschestvo. Vlast — Business. Society. Power. 2012. № 12. S. 45–64.
7. Fomichenko M.P. Institut prezidentstva v Rossiyskoy Federatsii: problemy` i perspektivy` razvitiya [The Presidency Institution in the Russian Federation: Issues and Development Prospects] / M.P. Fomichenko // Administrativnoe pravo i protsess — Administrative Law and Procedure. 2015. № 1. S. 78–82.
8. Habermas J. Problema legitimatsii pozdnego kapitalizma [Legitimation Crisis] / J. Habermas ; perevod s nemetskogo L.V. Voropay. Moskva : Praxis — translation from German by L.V. Voropay. Moscow : Praxis, 2010. 264 s.
9. Grafstein R. The Legitimacy of Political Institutions / R. Grafstein // Polity. 1981. Vol. 14. № 1. S. 51–59.
10. Habermas J. Legitimation Problems in the Modern State / J. Habermas // Communication and the Evolution of Society / J. Habermas ; translator T. McCarthy. Beacon Press, 1979. 264 s.

Уважаемые авторы!

Сообщаем о возможности присвоения DOI ранее опубликованным или планируемым к публикации статьям в наших журналах!

По всем вопросам, связанным с присвоением DOI вашим статьям, просим обращаться по адресу электронной почты: ig@lawinfo.ru, с пометкой «DOI для статьи».

DOI: 10.18572/1812-3805-2020-8-19-24

Инструментальное значение юридической ответственности государства перед личностью в науке о праве и государстве через призму историко-правового анализа

Музыканина Юлия Александровна,
доцент кафедры истории государства и права
Саратовской государственной юридической академии
pesnya08@yandex.ru

В современной науке о государстве и праве исследования юридической ответственности занимают одно важное место, связаны с рассмотрением новых аспектов проблемы, постановкой вопросов об особенностях различных видов этого явления. Юридическая ответственность государства перед личностью на фоне проблем правового государства, статуса человека и гражданина, обеспечения прав и свобод личности также весьма часто становится предметом анализа.

Автор определяет факторы и причины несовпадения восприятия юридической ответственности государства перед личностью в современной науке и в истории государственно-правовых исследований, формирует и обосновывает авторскую позицию об этом. Также аргументирована авторская позиция относительно содержания работ по истории правовых и политических учений на протяжении нескольких эпох по вопросу юридической ответственности государства перед личностью; выявлено ее значение для функционирования государства; сформулированы критерии различия инструментального значения юридической ответственности государства перед личностью в истории правовых и политических учений и в современной юридической науке.

Ключевые слова: государство, право, права и свободы личности, юридическая ответственность государства, правовое средство.

The Instrumental Meaning of the Legal Liability of a State to an Individual in the Science of Law and State from the Perspective of Historical and Legal Analysis

Muzykankina Yulia A.
Senior Lecturer of the Department of History of State
and Law of the Saratov State Law Academy

In modern state and law science researches of legal responsibility occupies important place associated with the consideration of new aspects of the problem, formulation of questions about the characteristics of different types of this phenomenon. The legal responsibility of the state to the person on the background of the problems of the legal state, the status of the person and citizen, rights and freedoms of the person are also very often the subject of analysis.

The author determines the factors and the reasons for the discrepancy between the perception of legal responsibility of the state to the person in contemporary science and in the history of state legal researches, the formation and justification of the author's position about this. The article contains the author's position regarding the content of works on the history of legal and political doctrines for several periods on the question of legal responsibility of the state to the person; revealed its importance for the functioning of the state; formulated criteria for the difference of the instrumental value of legal responsibility of the state to the person in the history of legal and political doctrines in modern legal science.

Keywords: state, law, rights and freedoms of the individual, the legal responsibility of the state, legal means.

Уровень и объем изучения некоторых проблем в отраслевых юридических науках и их обобщение в рамках общей те-

ории права позволяют говорить о сформированном единообразном понимании их ключевых моментов, исключаящем

попытки инициирования их изучения вновь и пересмотра сложившихся знаний. Одной из таких проблем юридической науки выступает теория юридической ответственности, привлекавшая пристальное внимание ученых-юристов на протяжении последнего полувека, результатом которого стало появление большого количества научных исследований, демонстрирующих различные подходы к пониманию проблем и различные выводы по ним.

Существование почти десятка вариантов трактовок юридической ответственности обусловлено как объективными, так и субъективными обстоятельствами. И если общая картина того, что представляет собой юридическая ответственность как явление и категория юридической науки, ясна, это вовсе не исключает множества деталей или сторон, в отношении которых все еще продолжают возникать задачи, идеи и гипотезы.

Нельзя не согласиться с отмеченной в литературе мыслью о нерешенности многих теоретических и практических вопросов, в частности об отсутствии единого научного определения юридической ответственности и закрепления его в действующем законодательстве или хотя бы в одной отрасли законодательства (например, конституционного)¹. До сих пор, например, не выработано общего понятия конституционной юридической ответственности, которая долгое время, например в дореволюционной науке, не исследовалась вообще, а в науке советского времени она отождествлялась с политической ответственностью. При этом сложилось мнение, что исполнение норм государственного права обеспечивается закреплением в отраслевом законодательстве соответствующих видов юридической ответственности.

Близкой к конституционной ответственности по своему значению и роли в деле построения эффективной государственной организации с рационально-прагматичным распределением пол-

номочий и установлением их границ, ответственной за проведение всякого рода деятельности и ее результаты, является ответственность государства перед личностью. Однако проблематичность изучения вопроса конституционной юридической ответственности и выработки ее определения не отражается на исследовании ответственности государства перед личностью.

Вопрос о юридической ответственности государства перед личностью в юридической науке на современном этапе ее развития вызывает, пожалуй, меньше спорных моментов, чем само понятие государства. С распространением идеи правового государства, ее детальным изучением в отечественной юриспруденции, с закреплением принципов правового государства в законодательстве и внедрением их в практику деятельности публичной власти представление об ответственности государства складывается в однозначную трактовку как об элементе его правового статуса и о признаке правовой организации государственной власти.

Не ставя перед собой цели обобщения всех имеющихся на сегодняшний день наработок о юридической ответственности государства перед личностью и группировки их в зависимости от применяемого подхода к изучению этого явления, выявления слабых и сильных аргументов каждой из позиций, но подробнейшим образом изучив их, констатируем, что разные исследователи предлагают ее теоретическую модель в аспекте формирования и деятельности правового государства.

Эта общая черта рассуждений о юридической ответственности дает основания говорить о ее инструментальном значении в конструкции публичной организации власти, признающей верховенство права и приоритет прав и свобод человека и гражданина.

Анализ существующих позиций об ответственности государства перед личностью показал, что инструментальное значение юридической ответственности государства перед личностью проявляет себя в следующих вариантах.

Во-первых, рассматриваемая категория играет роль *онтологического средства*.

¹ Чепус А.В. Теоретико-правовое содержание понятия юридической ответственности как конституционно-правового института // Конституционное и муниципальное право. 2016. № 5. С. 3–6.

В этом случае она изучается как признак правового государства, связанный с принципом разделения властей и приоритета прав и свобод человека и гражданина. Государство, претендующее на то, чтобы считаться правовым, организует власть так, чтобы не только исключить злоупотребления со стороны каждой из ветвей власти, но и чтобы каждая из них при реализации своих функций руководствовалась положениями о верховенстве прав и свобод человека и гражданина.

Практически это значение ответственности государства перед личностью выражено в некоторых нормах Конституции РФ². Например, содержание ст. 1, 2, 3, 10, в которых соответственно декларируется о правовом государстве, устанавливается приоритет прав и свобод человека и гражданина и обязанность государства обеспечивать их, народ признается носителем суверенитета и источником государственной власти, подразумевает зависимость государства от своего народа и его ответственность перед ним.

Во-вторых, ответственность государства перед личностью проявляется себя как *ограничительное средство*, устанавливающее пределы осуществления государственной власти и тем самым сферу свободы личности.

Указанная роль рассматриваемой категории находит формальное выражение, например в нормах Конституции, регламентирующих общие вопросы деятельности государственных органов, руководствующихся требованиями права и интересами народа. Так, ст. 11 Конституции, посвященная субъектам, осуществляющим государственную власть, и основаниям разграничения предметов ведения между федеральным центром и органами власти субъектов РФ, на первый взгляд далекая от ответственности государства перед личностью, предполагает границы деятельности го-

сударства на разных уровнях и пределы ответственности каждого из них перед населением. Статья 15 Конституции устанавливает ограничения государственной власти путем требования ее соблюдения и законов. Действует конституционное ограничение по участию России в межгосударственных объединениях, если это влечет какое-либо умаление прав и свобод человека и гражданина и нарушение конституционного строя (ст. 79). Текст присяги Президента РФ содержит прямое указание на служение народу при осуществлении полномочий президента (ст. 82).

Кроме этого, в нормативных правовых актах о конкретных государственных органах прямо указывается, что в своей деятельности они руководствуются Конституцией, законами, обязаны соблюдать права и свободы человека и гражданина и не допускать совершения действий, унижающих честь и достоинство³.

В-третьих, ответственность государства перед личностью выступает как *восстановительное средство*. В этом случае речь идет об ответственности государства как о гарантии восстановления нарушенных прав личности неправомерными действиями органов государства и государственных служащих. Отметим, что как раз на это ее значение обращалось внимание в советской литературе, где ответственность государства связывалась с применением специальных мер воздействия, основанием применения которых было противоправное поведение субъектов государственно-правовых отношений.

Этот аспект инструментального значения юридической ответственности государства также формально выражен. Так, ст. 53 Конституции РФ закрепляет право каждого на возмещение государством вреда, причиненного незаконными

² См.: Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) // СЗ РФ. 2014. № 31. Ст. 4398.

³ См.: Федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ (ред. от 05.12.2017) «О полиции» // СЗ РФ. 2011. № 7. Ст. 900; 2017. № 50 (часть III). Ст. 7562; Федеральный закон от 3 апреля 1995 г. № 40-ФЗ (ред. от 18.06.2017); «О Федеральной службе безопасности» (с изм. и доп., вступ. в силу с 28.06.2017) // СЗ РФ. 1995. № 15. Ст. 1269; <http://www.pravo.gov.ru>; и др.

действиями (или бездействием) органов государственной власти или их должностных лиц. Указанное положение находит свою детализацию и конкретизацию в действующем законодательстве. В частности, ряд статей Гражданского кодекса РФ посвящен регламентации порядка возмещения вреда, причиненного государственными органами, органами местного самоуправления, а также их должностными лицами, незаконными действиями органов дознания, предварительного следствия, прокуратуры и суда, определению органов и лиц, выступающих от имени казны при возмещении вреда за ее счет (ст. 1069–1071 ГК РФ)⁴.

Глава 18 Уголовно-процессуального кодекса РФ⁵ регламентирует осуществление порядка восстановления прав и свобод лица, незаконно или необоснованно подвергнутого уголовному преследованию, и возмещения причиненного ему вреда, включая возмещение морального вреда, восстановление в трудовых, пенсионных, жилищных и иных правах. При этом причиненный вред возмещается в полном объеме независимо от вины органа дознания, дознавателя, следователя, прокурора и суда.

Наконец, еще одной общей чертой в рассуждениях исследователей о юридической ответственности государства перед личностью является использование работ представителей государственно-правовой мысли разных времен и эпох, выступающих дополнительными и убедительными аргументами о длительном пути формирования этого института, начало которого усматривается уже в античности⁶. Однако при внимательном изучении взглядов правоведов, чьи работы стали источником подтверждения

позиции о постановке вопроса о юридической ответственности государства, например в Древнем мире или даже в Новое время, следует вывод не только о необоснованности подобных заявлений, но и об игнорировании темы ответственности государства в политико-правовых учениях отмеченных временных периодов.

На первый взгляд это вызывает большие сомнения и не укладывается в общую канву теоретических представлений о явлениях государственно-правовой действительности, но он имеет под собой весьма веские основания — работы представителей государственно-правовой мысли, а также знания об условиях их появления и о факторах, повлиявших на содержание каждого из учений.

Государственно-правовая мысль Древней Греции и Рима не имела в качестве предмета исследования отношения «государство — личность», принципы построения этих отношений, положения сторон в них, основы взаимодействия и т.д. Основное внимание мыслителей было уделено более высоким материям, выходящим за пределы реальности, но в то же время подчиняющим ее себе: истине, справедливости, всеобщему благу и т.д.

Так, Платон, разрабатывая модель идеального государства (вернее полагать, что в работе «Государство» речь идет не об идеальном государстве, а об идеальном обществе), указывал, что оно возможно, если в законе выражена справедливость; личность и государство составляют одно целое — Истину; и закон, и государство, и личность имеют одну цель — установление Справедливости⁷. При этом вполне очевидно, что в этих рассуждениях государство и правитель рассматриваются как средство достижения справедливости. Поэтому правителю позволительно нарушить закон ради установления справедливости либо когда его соответствующие закону действия могли нанести вред общественным отношениям.

Цицерон, следуя древнегреческой традиции, понимал государство как вы-

⁴ См.: Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26 января 1996 г. № 14-ФЗ (ред. от 05.12.2017) // СЗ РФ. 1996. № 5. Ст. 410; 2017. № 50 (часть III). Ст. 7550.

⁵ См.: Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 31.12.2017) // СЗ РФ. 2001. № 52 (часть I). Ст. 4921; 2018. № 1 (часть I). Ст. 85.

⁶ Чепус А.В. Теоретико-правовое содержание понятия юридической ответственности как конституционно-правового института // Конституционное и муниципальное право. 2016. № 5. С. 4.

⁷ Платон. Сочинения. Законы. Т. 3. М., 1971. 752 с.

ражение общего интереса всех его свободных членов, возникшее из потребности людей жить вместе, как воплощение того, что по природе есть справедливость. Если основное предназначение государства состоит в достижении справедливости, то оно должно обладать неограниченными полномочиями и возможностями вмешиваться в любые проявления несправедливости и несоответствия добродетели.

Государство, как выражение общего интереса и справедливости, должно отличаться стабильностью и безопасностью, а поэтому иметь границы своего вмешательства. Они представляют для него своего рода крепость, внутри которой оно полновластно и свободно в своих действиях, но за ее стенами государство в первую очередь должно ориентироваться на тот общий интерес, ради которого оно создано. Если этого не наблюдается, то само государство перестает быть справедливым.

Однако высказанная Цицероном мысль об установлении пределов империи отдельных должностных лиц не имеет ничего общего с конструкцией ответственности государства перед личностью, а призвана, с одной стороны, рационально организовать деятельность государства, а с другой — определить сферу общего интереса.

Средневековье и эпоха Возрождения, давшие истории имена многих крупных и известных представителей государственно-правовой мысли, также не могут быть отмечены как время появления работ, в которых явно ставится проблема юридической ответственности государства перед личностью. Современный исследователь, ведомый задачей найти подтверждение своей авторской гипотезе, может додумать, предположить в содержании, например, «Государя» или «Защитника мира» идеи ответственности государства. Однако далее развития идеи о позитивном праве как о средстве регулирования основ гражданской справедливости и общей пользы, а также сдерживания власти от произвола и неужества рассуждения не идут.

Возможно, это связано с существованием другой проблемы, разрешение

которой было тогда наиболее актуальным — определение сущности и назначения государства. Определив назначение государства в качестве средства «достижения общего блага», «реализации божьей воли на земле», «установления самодовлеющей жизни», представители государственно-правовой мысли указали и на обстоятельства, при наличии которых государство считается не справляющимся со своим назначением и ответственным перед обществом. Такого рода ответственность правильнее называть политической, а не юридической.

Государственно-правовая мысль Нового времени также не отличается в плане формирования представлений о юридической ответственности государства вообще и о юридической ответственности государства перед личностью в частности от предыдущих эпох. Рассматриваемый период развития представлений о государстве также имеет ключевую, генеральную задачу, решение которой занимает основное содержание их работ и не позволяет поставить иные глобальные вопросы (а вопрос о юридической ответственности государства — вопрос сложный и объемный), возможно близкие по природе, но не приближающие к решению главной задачи.

Знаковой идеей исследований государства Нового времени является система взглядов на причину создания государства и поддержания существующего порядка, а также на то, что должно быть положено в основу государственной власти⁸, — договорная теория происхождения государства (Г. Гроций, Т. Гоббс, Д. Локк, Ш. Монтескье, Ж.-Ж. Руссо и др.). Несмотря на имеющиеся особенности взглядов авторов в рамках указанной теории, общее отношение к государству и его деятельности можно выразить так: люди, заключив первичный договор, условились считать все действия носителя власти своими. Все, что совершает суверен, не может быть несправедливо. «Верховная власть, будучи образованной ни из чего другого, как из тех же частных людей, которые ее составляют, не имеет

⁸ Кокошкин Ф.Ф. Лекции по общему государственному праву. М., 1912. 312 с.

и не может иметь интересов, им противных. Могущество верховной власти не имеет, следовательно, никакой нужды в ручательстве по отношению к подданным, потому что невозможно допустить, чтобы тело возымело желание вредить всем своим членам»⁹.

Власть во избежание злоупотреблений должна быть разделена между коллективным законодательным органом, исполнительным органом и судом с соответствующей им компетенцией. Наивысшей властью является законодательная, только она может призвать к ответственности чиновников за нарушение компетенции. Однако ответственность возлагается только на представителей исполнительной власти.

Получается, что рассуждения об ответственности ведутся применительно к внутренней организации государственного механизма и отграничению исполнительной власти от какой-либо иной.

В государственно-правовой науке XIX в. ситуация также складывалась по ранее обозначенной схеме: основная за-

дача — теория — предложения решения задачи. Несомненно, в каждом из учебных есть особенности и интересные детали, которые можно интерпретировать максимально выгодно современнику. Справедливости ради укажем, что ближе всех остальных в вопросе ответственности государства перед личностью подошел И. Кант. Однако его учение в интересующем нас аспекте заслуживает отдельного внимания.

Из проведенного анализа следует заключить, что в работах государственно-правовой науки различных эпох вопрос о юридической ответственности государства перед личностью не ставился. Тем не менее в тех из них, где конструкция ответственности фигурировала, она далека от конструкции ответственности государства перед личностью. А потому имела иное инструментальное значение, чем в современном понимании, указанном в начале этой статьи. Это значение выражается в двух проявлениях: во-первых, она использовалась для определения компетенции должностных лиц; во-вторых, она применялась для решения вопроса о статусе той или иной власти в системе разделения властей.

⁹ Руссо Ж.-Ж. Об общественном договоре. СПб., 1907. 416 с.

Литература

1. Кокоскин Ф.Ф. Лекции по общему государственному праву / Ф.Ф. Кокоскин. 2-е изд. Москва : Бр. Башмаковы, 1912. 312 с.
2. Платон. Сочинения. В 3 томах. Т. 3. Кн. 2. Законы / Платон. Москва : Мысль, 1971. 752 с.
3. Руссо Ж.-Ж. Об общественном договоре, или Начала политического права / Ж.-Ж. Руссо ; перевод Френкеля ; под редакцией и с предисловием А.К. Дживелегова. Москва : Труд и воля, 1906. 208 с.
4. Чепус А.В. Теоретико-правовое содержание понятия юридической ответственности как конституционно-правового института / А.В. Чепус // Конституционное и муниципальное право. 2016. № 5. С. 3–6.

References

1. Kokoshkin F.F. Leksii po obschemu gosudarstvennomu pravu [Lectures on General State Law] / F.F. Kokoshkin. 2-e izd. Moskva : Br. Bashmakovy' — 2nd edition. Moscow : The Bashmakovy Brothers, 1912. 312 s.
2. Plato. Sochineniya. V 3 tomakh. T. 3. Kn. 2. Zakony' [Writings. In 3 volumes. Vol. 3. Book 2. Laws] / Plato. Moskva : My'sl — Moscow : Thought, 1971. 752 s.
3. Rousseau J.-J. Ob obschestvennom dogovore, ili Nachala politicheskogo prava [The Social Contract, or Principles of Political Right] / J.-J. Rousseau ; perevod Frenkelya ; pod redaktsiei i s predisloviem A.K. Dzhivelegova. Moskva : Trud i volya — translation by Frenkel ; edited and foreword by A.K. Dzhivelegov. Moscow : Labor and Will, 1906. 208 s.
4. Chepus A.V. Teoretiko-pravovoe sodержanie ponyatiya yuridicheskoy otvetstvennosti kak konstitutsionno-pravovogo instituta [The Theoretical Law Content of the Legal Liability Concept as a Constitutional Law Institution] / A.V. Chepus // Konstitutsionnoe i munitsipalnoe pravo — Constitutional and Municipal Law. 2016. № 5. S. 3–6.

Сущность исполнительной власти в воззрениях консерваторов Российской империи начала XX века

Переседов Алексей Михайлович,
главный эксперт Департамента законотворческой
деятельности Торгово-промышленной
палаты Российской Федерации
Peresedov.alexey@yandex.ru

В настоящей статье автор изучает представления консервативных кругов Российской империи относительно понятия и сущности исполнительной власти в условиях проведения конституционных реформ в начале XX века.

Ключевые слова: Совет министров, Комитет министров, исполнительная власть, разделение властей.

The Essence of the Executive Government in Views of Conservatives of the Russian Empire of the Early XX Century

Peresedov Aleksey M.
Chief Expert of the Law-Making Department of the Chamber of Commerce
and Industry of the Russian Federation

In this article, the author examines the ideas of the conservative circles of the Russian Empire about the concept and essence of the executive power in the context of constitutional reforms during the early 20th century.

Keywords: Council of Ministers, Committee of Ministers, executive power, separation of powers.

История неизменно показывает, что в эпоху перемен происходит активизация не только либеральных, но и консервативных сил, поскольку отстаиваемые ими ценности оказываются под угрозой. Подобная активизация наблюдается как в области конкретных политических действий, так и в сфере теоретического оформления консервативных идей. Исследование реакции консерваторов на государственные преобразования, происходившие в Российской империи начала XX в., способствует достижению всестороннего понимания, как воспринималась исполнительная власть образованной интеллигенцией российского общества.

Для начала следует сказать, что реформы, проводимые в начале XX в. и

оказавшие значительное влияние на государственный строй Российской империи, актуализировали консервативный дискурс, а также вызвали дополнительную необходимость в защите тезиса о сосредоточении под началом монарха всех ветвей власти: законодательной, исполнительной и судебной¹.

В России начала XX в. носителями консервативных идей были представители различных профессиональных кругов, значительная часть из которых не являлась юристами. Революционные потрясения 1905 г. стимулировали дальнейшее развитие политической

¹ Софьин Д.М. Консервативно-монархический дискурс: представления российских консерваторов конца XIX — начала XX веков // *Ars administrandi* (Искусство управления). 2011. № 1. С. 43–56.

идеологии консерватизма. К консерваторам начала XX в. можно отнести тех, кто в годы революционного противостояния находился на стороне власти и не вступил на путь оппозиции, а также тех, кто группировался вокруг определенной совокупности идейно-политических лозунгов². Система ценностей, которые воспринимались консерваторами как цивилизационное своеобразие России, выражалась в известной триаде «самодержавие, православие, народность». Заняв место в правительственном лагере, консерваторы приступили к выработке тактики политической борьбы «за сохранение». Она включала в себя два основных аспекта: во-первых, поддержка власти, во-вторых, борьба с оппозицией³. Основными средствами выражения мыслей консерваторов служили периодические издания: «Вестник Европы», «Слово», «Новое время», Московские ведомости, «Русское дело», «Гражданин».

По мнению автора настоящей работы, анализ восприятия отдельных политических событий, государственных преобразований и выносимых на публичное обсуждение вариантов развития государства позволит сформулировать устойчивое понятие исполнительной власти, ее сущности и устойчивые характеристики в представлении консерваторов.

Консерваторы не допускали существования понятия исполнительной власти не только в современном ее понимании, но и в понимании либеральных кругов начала XX в. Понятие «исполнительная власть» консерваторы заменяли общеизвестными терминами «бюрократия» и «правительство», под которыми в современном понимании можно определить систему государственных органов и должностных

лиц, осуществляющих функции управления. Это было связано не только с отсутствием юридического образования, но и с тем, что консерваторы исходили из необходимости самодержавия как истинного политического режима, наиболее подходящего для России. Консервативные круги не воспринимали разделения единой государственной власти, руководство которой сосредоточено в руках монарха, на отдельные ветви власти в виде законодательной, исполнительной и судебной.

Вышеуказанный довод обосновывается тем, что значительная часть консерваторов была убеждена в божественном происхождении царской власти⁴. В новых политических условиях это приобретало особенное значение, так как подчеркивало сакральность неделимой императорской власти, имеющей божественный характер происхождения, в противовес установленной людьми и, вследствие этого, «нелегитимной» власти законодательных учреждений. Так, отечественный публицист М.О. Меньшиков отмечал, что именно помазание на царство дает особую помощь свыше⁵. Декан юридического факультета Московского университета И.Т. Тарасов указывал, что «самодержавие имеет божественное происхождение, а значит, осуществляется по воле Божией»⁶.

Публицист и общественный деятель К.Н. Пасхалов, не отвергая данный тезис, предпочитал, однако, говорить, что не Бог, а народ является источником государственной власти, принадлежащей монарху, что не мешало общественному деятелю крити-

² Самойлова Е.Г. Консервативные круги российской интеллигенции в период подъема революции 1905–1907 гг. : дис. ... канд. ист. наук. М., 2004. С. 8.

³ Там же. С. 9.

⁴ Софьин Д.М. Консерваторы и власть в новых политических реалиях: представления российских консерваторов об императорской власти // Власть. 2012. № 9. С. 1.

⁵ Меньшиков М.О. Вера и карьера // Как воскреснет Россия? Избранные статьи. СПб. : Русская симфония, 2007. С. 255.

⁶ Тарасов И.Т. Самодержавие и абсолютизм // Имперское возрождение. 2008. № 2 (16). С. 30.

ковать идею разграничения исполнительной и законодательной властей, с последующим делегированием последней народным представителям⁷. Общественный деятель исходил из того, что именно монарх в силу своей объективности должен определять государственную политику, а не народные представители.

Схожего мнения в вопросе о том, что именно монарх является народным избранником, придерживался публицист, депутат Государственной Думы III и IV созывов Н.Е. Марков, который утверждал: «Конституционный строй или самодержавный строй... находится не в руках исполнительной власти, а в руках народа. Русский народ вручил полную свою власть 300 лет тому назад самодержцам всероссийским, являющимся... единственным представителем воли народной»⁸.

Часть публицистов, придерживавшихся консервативных взглядов, склонна была считать основной причиной происходивших в Российской империи начала XX в. потрясений ту социально-политическую ситуацию, которая стала возможной именно в связи с усилением учреждений и должностных лиц исполнительной власти, «оттеснивших» народ от монарха и тем самым фактически ограничивших своей деятельностью самодержавие. Поэтому основной целью государственных преобразований должно было бы стать, по их мнению, восстановление «истинного самодержавия». Так, революция в Российской империи, по мысли отечественных публицистов А.С. Суворина⁹

и В.В. Розанова¹⁰, есть «плод бюрократического режима».

Отдельные представители консерваторов допускали введение народного представительства как средства единения российского народа и монарха, а также инструмента оказания содействия последнему в управлении государством. После издания Манифеста 17 октября 1905 г. консерваторы смогли принять активное участие не только в обсуждении целесообразности учреждения народного представительства, но и в обсуждениях относительно того, по какому пути следует пойти при реформировании объединенного правительства. Активные действия связаны также с тем, что Манифест 17 октября был своего рода для консерваторов призывом императора к подданным помочь своим советом¹¹. В связи с этим лишь монарх мог определять, что есть закон и насколько им стоит руководствоваться.

Следует сказать, что консерваторы поддерживали идею об организации деятельности исполнительной власти в рамках «объединенного правительства». Если раньше это явление рассматривалось как несовместимое с самодержавной властью, то к середине 1905 г. ее необходимость осознавалась практически всеми и печать заговорила об этом открыто¹². При этом правые консерваторы видели в «объединенном правительстве» орган, осуществляющий исполнительные и законодательные функции, что являлось инструментом для надлежащего сдерживания невыгодных решений Государственной Думы¹³. Умеренные консерваторы, напротив, надеялись на мирное сосуществование Думы и правительства¹⁴.

⁷ Пасхалов К.Н. О мерах к прекращению беспорядков и улучшению Государственного строя // Сборник статей, воззваний, записок, речей и проч., март 1905 — август 1906 г. М.: Университетская типография, 1906. С. 52.

⁸ Соловьев К.А. Законодательная и исполнительная власть в России в 1906—1914 гг.: механизмы взаимодействия: дис. ... д-ра ист. наук. М., 2012. С. 86.

⁹ Суворин А.С. Маленькие письма // Новое время. 1905. 16 января.

¹⁰ Розанов В.В. Высокие и низкие температуры в стране // Слово. 1905. № 46.

¹¹ Соловьев К.А. Указ. соч. С. 87.

¹² Новое время. 1905. 19 июня.

¹³ Мещерский В.П. Дневники // Гражданин. 1905. № 57. С. 17.

¹⁴ Народное представительство и правительство // Новое время. 1905. 30 июня.

Важно рассмотреть вопрос о том, каким представлялось консерваторам будущее взаимодействие исполнительной и законодательной властей. Консерваторы придерживались мнения, что в связи с созывом народных представителей правительство должно незамедлительно реформировать характер своей деятельности, что выражалось бы в следующих изменениях.

Во-первых, постепенное избавление от «болезней» бюрократии: от закрытой от общества практики разработки и принятия решений перейти к гласности и публичности, а волокиту «излечить» энергичной и эффективной работой. Все это тем более необходимо, что предстоит совместная работа правительства с народными представителями, которые будут контролировать деятельность исполнительной власти непосредственно и через печать¹⁵.

Во-вторых, более продуманное и последовательное принятие решений и ведение деятельности. Незадолго до реформирования исполнительной власти А.С. Суворин писал: «Впереди всей России бежит Комитет министров, где все вопросы решаются по какому-нибудь случаю, а не по системе, не по органической необходимости»¹⁶. Критикуя правительство, создающего все новые и новые комиссии и совещания, чтобы в короткий срок решить массу накопившихся за последние десятилетия вопросов, консерваторы указывали, что эта работа не может иметь успеха, так как она не опирается на общественное доверие. В связи с этим, по мнению представителей консервативных кругов, полезнее заниматься не законотворческой деятельностью, оставив ее будущему представительному органу, а выполнять функции управле-

ния, учитывая новые исторические условия¹⁷.

А.С. Суворин также высказался за создание органа народного представительства, но именно при царе, а не в качестве самостоятельного учреждения законодательной власти, и, обращаясь к историческому опыту России, предложил именовать его Земским собором¹⁸.

Таким образом, можно проследить изменение взглядов представителей консерваторов относительно полномочий правительства после издания Манифеста 17 февраля 1905 г.

Однако далеко не все консерваторы допускали возможность введения народного представительства и ограничения единоличного характера осуществления монархом единой власти до уровня исполнительной даже после официального оглашения властью реформ. Так, профессор Харьковского университета, редактор журнала «Мирный труд» А.С. Вязигин относил Земский собор к явлениям далекого прошлого России, называя его «мертвым учреждением». Парламенты стран Западной Европы ученый также считал находящимися на грани своего вырождения. Единственно возможным политическим режимом для России профессор полагал лишь самодержавие¹⁹. А.С. Вязигин был не одинок в своих убеждениях, поскольку отдельные представители консервативной интеллигенции до последнего момента были убеждены, что правительство под руководством монарха способно осуществлять всю полноту государственной власти и разрешать возникшие проблемы самостоятельно, сосредоточив в себе функции всех властей.

¹⁵ Грибовский В.М. Высочайшие предначертания в канцелярском выполнении // Слово. 1905. № 51.

¹⁶ Суворин А.С. Маленькие письма // Новое время. 1905. 30 апреля.

¹⁷ Грибовский В.М. Общественное начало в совете министров // Слово. 1905. № 147.

¹⁸ Суворин А.С. Маленькие письма // Новое время. 1905. 16 января.

¹⁹ Вязигин А.С. В тумане смутных дней // Сборник статей, докладов и речей. Харьков, 1908. С. 307.

Так, представители газетных изданий «Московские ведомости», «Русское дело», «Гражданин» последовательно защищали идею сильной государственной власти, способной самостоятельно проводить назревшие преобразования и обеспечивать общественный порядок²⁰. Поэтому, наряду с идеей «единения власти и народа», они предлагали меры по укреплению государственного механизма. Среди петербургских интеллигентов наиболее настойчиво проводил эту мысль издатель-редактор журнала «Гражданин» В.П. Мещерский²¹. Критикуя правящие верхи за чрезмерные уступки революционной оппозиции, публицист утверждал, что правительство все еще способно навести порядок самостоятельно²².

Доводы в пользу того, чтобы сохранить за правительством исполнительные и законодательные функции, были также связаны с тезисом о необходимости наличия у тех, кто будет участвовать в написании законов, надлежащей компетенции, которая уже имеется у представителей бюрократии. Так, В.П. Мещерский указывал, что «Государственная Дума не сможет выполнять законотворческих функций, так как нет подготовленных людей, нет отлаженной практики и механизма принятия законодательных предположений», «даже самые достойные выборные депутаты не смогут исполнить функций чиновников, тем более крестьяне»²³.

Таким образом, по признаку понимания функций, которые должны быть закреплены за исполнительной властью, консервативные круги можно разделить на две группы: первые (А.С. Суворин, В.М. Грибовский) считали, что

правительство должно сосредоточиться на функциях управления, предоставив законодательные полномочия народному представительству, вторые же (А.С. Вязигин, В.П. Мещерский) придерживались мнения, что правительство в состоянии сохранить всю полноту власти.

Отдельно стоит обратить внимание на оценку консерваторами исполнительной власти в период октроирования Основных государственных законов 23 апреля 1906 г.

Профессор Казанского университета В.В. Ивановский придерживался более смелых взглядов относительно функций исполнительной власти и высказывался в пользу того, что свершилось полное изъятие законодательных функций из полномочий правительства, поскольку существование Государственной Думы исключительно с законосовещательными полномочиями не гарантирует «законности и правопорядка». С другой стороны, в силу отсутствия необходимой ответственности правительства перед народными представителями исполнительная власть остается фактически бесконтрольной со стороны законодательной власти, что является недопустимым²⁴.

Более традиционные взгляды были изложены в так называемой «записке Шипова», где политической деятель при анализе взаимоотношений исполнительной и законодательной властей в качестве одного из пунктов реформ указывает: «Народное представительство должно иметь право запроса министров, но они ответственны перед Государем»²⁵. Вышеуказанное подтверждает проанализированную ниже позицию консерваторов и самих представителей бюрократии относительно того, что главой исполнительной власти должен являться именно монарх. Более того, 29 июня 1906 г.

²⁰ Самойлова Е.Г. Указ. соч. С. 57.

²¹ Мещерский В.П. Дневники // Гражданин. 1905. № 3–5. С. 39.

²² Мещерский В.П. Дневники // Гражданин. 1905. № 54. С. 19.

²³ Мещерский В.П. Речи консерватора // Гражданин. 1905. № 61. С. 22–23.

²⁴ Там же. С. 217.

²⁵ Самойлова Е.Г. Указ. соч. С. 69.

Д.Н. Шипов после встречи с монархом отклонил предложение государственных деятелей составить коалиционный Совет министров, так как, по его мнению, правительство должно состоять из лидеров парламентского большинства, которые придерживались бы иных взглядов, не взглядов общественного деятеля²⁶.

Таким образом, среди консерваторов можно наблюдать мнение не только о необходимости разграничения законодательной и исполнительной властей, но и даже установление определенных форм ответственности правительства перед народным представительством.

М.О. Меньшиков формулировал программу реформы бюрократического аппарата в следующих положениях: «Создать правоспособное народное правительство и предложить ему быть правительством не на словах, а на деле. Лишь народом избранное, перед нацией ответственное, состоящее на отчете правительство имеет шансы вернуть к себе залог своей силы, народное доверие»²⁷. Такое правительство, как предполагалось, должно сформироваться из тех депутатов Государственной Думы, которые проявят себя в дни ее работы «с лучшей стороны»²⁸.

Подводя итог, после исследования мнения отечественных представителей консервативных кругов о сущности, полномочиях и основных направлениях деятельности исполнительной власти, можно сделать следующие выводы.

Во-первых, изначально среди консерваторов было не распространено

знание об исполнительной власти в качестве самостоятельной ветви государственной власти. Это было связано с тем, что, по мнению публицистов, для Российской империи наиболее подходит самодержавный строй, который предполагает объединение в руках монарха всей полноты государственной власти, включающей исполнительные, законодательные и судебные полномочия. Определенное понимание относительно исполнительной власти в качестве самостоятельной ветви пришло к консерваторам при анализе реформ, проведенных в 1905–1906 гг.

Во-вторых, по отношению к разграничению исполнительной и законодательной властей всех консерваторов условно разделить на две категории представителей. Первые (А.С. Вязигин, В.П. Мещерский) придерживались мнения, что исполнительную и законодательную власти разделять незачем, так как правительство в состоянии самостоятельно разрешить возникшие проблемы с помощью издания и исполнения законов. Вторые (А.С. Суворин, В.М. Грибовский) считали, что создание народного представительства не только неизбежно, но и желательно, поскольку это позволит монарху прислушаться к пожеланиям народа, а правительству предоставит возможность целиком сосредоточиться на функциях управления и исполнения издаваемых законов. Более того, в пределах второй категории консерваторов можно также выделять подкатегории, поскольку если одни (И.И. Балаклеев) считали, что полномочия Государственной Думы должны иметь номинальный характер, то другие (В.В. Ивановский, Д.Н. Шипов, М.М. Меньшиков) утверждали, что народные представители должны не только самостоятельно законодательствовать, но и контролировать деятельность исполнительной власти. Однако и те и другие сходились во мнении, что народные представители

²⁶ Шипов Д.Н. Воспоминания и думы о пережитом. М. : Изд. М. и С. Сабашниковых, 1918. С. 452; Ананьич Б.В., Ганелин Р.Ш., Панеях В.М. Власть и реформы. От самодержавной к советской России. СПб. : Изд-во СПбГУ, 1997. С. 492.

²⁷ Меньшиков М.О. Мир с Россией // Новое время. 1905. 28 октября.

²⁸ Самойлова Е.Г. Указ. соч. С. 161.

должны осуществлять функции законодательной власти под руководством главы правительства — монарха.

В-третьих, наряду с поддержкой создания объединенного правительства как учреждения, консолидирующего деятельность системы органов, осуществляющих государственное управление, консерваторы не допускали, чтобы главой исполнительной власти когда-либо мог стать назначаемый или избираемый министр. Это было связано с убеждениями о возможной предвзятости министра, который может назначать должностных лиц и проводить политику сугубо определенного направления или определенной партии. Монарх же в понимании

консерваторов не мог быть предвзят, а, следовательно, его главенство в системе исполнительной власти неоспоримо.

При этом консерваторами монарх понимался не просто как глава исполнительной власти, а как глава государства, руководящий деятельностью всех ветвей власти, который ограничен в своих действиях лишь собственными убеждениями.

Подводя итог, можно сказать, что под исполнительной властью в период 1905–1906 гг. консерваторы понимали систему государственных органов, наделенных функциями государственного управления, возглавляемых исключительно монархом.

Литература

1. Власть и реформы. От самодержавной к советской России / Р.Ш. Ганелин, В.М. Панеях ; ответственный редактор Б.В. Ананьич. Санкт-Петербург : Изд-во СПбГУ, 1996. 800 с.
2. Вязигин А.С. В тумане смутных дней : сборник статей, докладов и речей / А.С. Вязигин. Харьков : Мирный труд, 1908. 479 с.
3. Грибовский В.М. Высочайшие предначертания в канцелярском выполнении / В.М. Грибовский // Слово. 1905. № 51.
4. Грибовский В.М. Общественное начало в совете министров / В.М. Грибовский // Слово. 1905. № 147.
5. Меньшиков М.О. Вера и карьера / М.О. Меньшиков // Как воскреснет Россия? Избранные статьи. Санкт-Петербург : Русская симфония, 2007. 668 с.
6. Меньшиков М.О. Мир с Россией / М.О. Меньшиков // Новое время. 1905. 28 октября.
7. Мещерский В.П. Дневники / В.П. Мещерский // Гражданин. 1905. 9 июня.
8. Мещерский В.П. Речи консерватора / В.П. Мещерский // Гражданин. 1905.
9. Пасхалов К.Н. О мерах к прекращению беспорядков и улучшению Государственного строя : сборник статей, воззваний, записок, речей и проч., март 1905 — август 1906 г. / К.Н. Пасхалов. Москва : Университетская типография, 1906. 28 с.
10. Розанов В.В. Высокие и низкие температуры в стране / В.В. Розанов // Слово. 1905. № 46.
11. Самойлова Е.Г. Консервативные круги российской интеллигенции в период подъема революции 1905–1907 гг. На материалах Санкт-Петербурга : диссертация кандидата исторических наук / Е.Г. Самойлова. Санкт-Петербург, 2004. 245 с.
12. Соловьев К.А. Законодательная и исполнительная власть в России в 1906–1914 гг.: механизмы взаимодействия : диссертация кандидата исторических наук / К.А. Соловьев. Москва, 2012. 685 с.
13. Софьин Д.М. Консервативно-монархический дискурс: представления российских консерваторов конца XIX — начала XX веков / Д.М. Софьин // Ars Administrandi. Искусство управления. 2011. № 1. С. 43–56.
14. Софьин Д.М. Консерваторы и власть в новых политических реалиях: представления российских консерваторов об императорской власти / Д.М. Софьин // Власть. 2012. № 9. С. 167–171.
15. Суворин А.С. Маленькие письма / А.С. Суворин // Новое время. 1905. 9 января.
16. Тарасов И.Т. Самодержавие и абсолютизм / И.Т. Тарасов // Имперское возрождение. 2008. № 2 (16). С. 27–30.
17. Шипов Д.Н. Воспоминания и думы о пережитом / Д.Н. Шипов. Москва : Изд. М. и С. Сабашниковых, 1918. 592 с.

References

1. Vlast i reformy'. Ot samoderzhavnoy k sovetskoj Rossii [Power and Reforms. From the Autocratic to the Soviet Russia] / R.Sh. Ganelin, V.M. Paneyakh ; otvetstvenny'y redaktor B.V. Ananich. Sankt-Peterburg : Izd-vo SPbGU — publishing editor B.V. Ananich. Saint Petersburg : Publishing house of the SPbSU, 1996. 800 s.
2. Vyazigin A.S. V tumane smutny'kh dney : sbornik statey, dokladov i rechey [In the Fog of Tumultuous Days : collection of articles, reports and speeches] / A.S. Vyazigin. Kharkov : Mirny'y trud — Kharkov : Peaceful Labor, 1908. 479 s.
3. Gribovskiy V.M. Vy'sochayshie prednachertaniya v kantselyarskom vy'polnenii [Supreme Precepts Executed by Chancellery] / V.M. Gribovskiy // Slovo — Word. 1905. № 51.
4. Gribovskiy V.M. Obschestvennoe nachalo v sovete ministrov [The Public Origin in the Council of Ministers] / V.M. Gribovskiy // Slovo — Word. 1905. № 147.
5. Menshikov M.O. Vera i kayrera [Faith and Career] / M.O. Menshikov // Kak voskresnet Rossiya? Izbranny'e statyi. Sankt-Peterburg : Russkaya simfoniya — How Will Russia Resurrect? Selected articles. Saint Petersburg : Russian Symphony, 2007. 668 s.
6. Menshikov M.O. Mir s Rossiey [Peace with Russia] / M.O. Menshikov // Novoe vremya. 1905. 28 oktyabrya — New Time. 1905. October 28.
7. Mescherskiy V.P. Dnevnik [Diaries] / V.P. Mescherskiy // Grazhdanin. 1905. 9 iyunya — Citizen. 1905. June 9.
8. Mescherskiy V.P. Rechi konservatora [Conservative's Speeches] / V.P. Mescherskiy // Grazhdanin — Citizen. 1905.
9. Paskhalov K.N. O merakh k prekrascheniyu besporyadkov i uluchsheniyu Gosudarstvennogo stroya : sbornik statey, vozzvaniy, zapisok, rechey i proch., mart 1905 — avgust 1906 g. [On Means of Stopping Disorders and Improvement of the Political System : collection of articles, appeals, notes, speeches, etc., March 1905 to August 1906] / K.N. Paskhalov. Moskva : Universitetskaya tipografiya — Moscow : University Printing Office, 1906. 28 s.
10. Rozanov V.V. Vy'sokie i nizkie temperatury' v strane [High and Low Temperatures in the Country] / V.V. Rozanov // Slovo — Word. 1905. № 46.
11. Samoylova E.G. Konservativny'e krugi rossiyskoj intelligentsii v period podyema revolyutsii 1905–1907 gg. Na materialakh Sankt-Peterburga : dissertatsiya kandidata istoricheskikh nauk [Conservative Circles of the Russian Intellectuals during the Escalation of the Revolution of 1905 to 1907. Based on Saint Petersburg files : thesis of PhD in History] / E.G. Samoylova. Sankt-Peterburg — Saint Petersburg, 2004. 245 s.
12. Solovyev K.A. Zakonodatel'naya i ispolnitel'naya vlast v Rossii v 1906–1914 gg.: mekhanizmy' vzaimodeystviya : dissertatsiya kandidata istoricheskikh nauk [The Legislative and Executive Government in Russia in 1906 to 1914: Interaction Mechanisms : thesis of PhD in History] / K.A. Solovyev. Moskva — Moscow, 2012. 685 s.
13. Sofyin D.M. Konservativno-monarkhicheskiy diskurs: predstavleniya rossiyskikh konservatorov kontsa XIX — nachala XX vekov [Conservative and Monarchical Discourse: Ideas of Russian Conservatives of the Late XIX to the Early XX Century] / D.M. Sofyin // Ars Administrandi. Iskusstvo upravleniya — Ars Administrandi. The Art of Administration. 2011. № 1. S. 43–56.
14. Sofyin D.M. Konservatory' i vlast v novy'kh politicheskikh realiyakh: predstavleniya rossiyskikh konservatorov ob imperatorskoj vlasti [Conservatives and Power in New Political Realias: Ideas of Russian Conservatives about the Imperial Power] / D.M. Sofyin // Vlast — Power. 2012. № 9. S. 167–171.
15. Suvorin A.S. Malenkie pisma [Small Letters] / A.S. Suvorin // Novoe vremya. 1905. 9 yanvarya — New Time. 1905. January 9.
16. Tarasov I.T. Samoderzhavie i absolyutizm [Autocracy and Absolutism] / I.T. Tarasov // Imperskoe vozrozhdenie — Imperial Revival. 2008. № 2 (16). S. 27–30.
17. Shipov D.N. Vospominaniya i dumy' o perezhitom [Recollections and Thoughts about the Bygone] / D.N. Shipov. Moskva : Izd. M. i S. Sabashnikov'ykh — Moscow : Edition of M. and S. Sabashnikovy, 1918. 592 s.

Уважаемые авторы!

При возникновении вопросов, связанных с оформлением материалов,
можно обращаться в редакцию по телефону: 8 (495) 953-91-08
или по e-mail: avtor@lawinfo.ru

Становление и развитие административно-правового статуса советских органов исполнительной власти в России в 1917–1924 гг.

Ермаков Антон Олегович,
аспирант кафедры административного и информационного права
юридического факультета имени М.М. Сперанского
Института права и национальной безопасности
Российской академии народного хозяйства и государственной
службы при Президенте Российской Федерации (РАНХиГС)
ortega11111@rambler.ru

В статье анализируются терминология, используемая в советском законодательстве 1917–1924 годов для обозначения полномочий органов исполнительной власти, а также характерные черты нормативного закрепления и реализации таких полномочий. Автор выделяет этапы развития административно-правового регулирования полномочий в данный исторический период и приходит к выводу, что с принятием в 1924 году Конституции СССР одной из главных особенностей такого регулирования стала консолидация полномочий органов исполнительной власти в отдельных нормативных правовых актах — положениях. Принятие типизированных положений о народных комиссариатах способствовало классификации полномочий и, как следствие, сделало возможной систематизацию деятельности исполнительных органов. Кроме того, в статье отмечается, что сложившееся в рассматриваемый исторический период регулирование повлияло и на содержание действующих нормативных правовых актов. Преемственность в них сохраняется как в части терминологии, так и в части правового закрепления полномочий, наделения ими и их реализации.

Ключевые слова: полномочия, органы исполнительной власти, советское законодательство, административно-правовое регулирование.

The Establishment and Development of the Administrative Law Status of Soviet Executive Authorities in Russia in 1917 to 1924

Ermakov Anton O.
Postgraduate Student of the Department of Administrative
and Information Law of the Law Faculty of M.M. Speranskiy
of the Institute of Law and National Security of the Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration (RANEPA)

The article analyzes the terminology used in the Soviet legislation of 1917–1924 to designate the powers of Executive authorities, as well as the characteristic features of the normative consolidation and implementation of such powers. The author identifies the stages of development of legal regulation of powers in this historical period and comes to the conclusion that with the adoption of the Constitution of the USSR in 1924, consolidation of the powers of Executive authorities in certain normative legal acts became one of the main features of such regulation. The adoption of typified acts about commissariats let to classify their powers and, as a result, made it possible to systematize Executive bodies activities. In addition, the article notes that the regulation that developed in the historical period under review also affected the content of existing normative legal acts. Continuity in them is preserved both in terms of terminology, and in terms of legal consolidation of powers, granting them and their implementation.

Keywords: powers, executive authorities, Soviet legislation, administrative and legal regulation.

Полномочия являются значимым элементом правового статуса органа исполнительной власти, посредством которого субъекты государственного

управления взаимодействуют с физическими и юридическими лицами, обеспечивая в складывающихся правоотношениях как публичные интересы,

так и согласование интересов частных лиц с интересами государства. Действующее в настоящее время правовое регулирование полномочий органов исполнительной власти характеризуется отсутствием целостной системы правовых норм, а также набором различных юридических терминов и конструкций, закрепляющих рассматриваемую правовую категорию в нормативных правовых актах¹.

Однако приемы изучения полномочий органов исполнительной власти предмета сложившегося регулирования в современной административно-правовой литературе ограничиваются, как правило, догматическим или функциональным подходами, а основные выводы, получаемые исследователями, сводятся, во-первых, к представлению полномочий как совокупности прав и обязанностей органа исполнительной власти по осуществлению какой-либо деятельности и, во-вторых, к рассмотрению их как средства реализации функций органа исполнительной власти². Соглашаясь с данными выводами, вместе с тем отметим, что без должного внимания упомянутых авторов остается исторический метод, назначение которого его основоположник Ф.К. фон Савиньи видел в том, чтобы проследить каждую правовую материю до ее корня и таким образом открыть ее органический принцип, через который то, что еще имеет жизнь, само по себе должно отделиться от того, что уже умерло и принадлежит только еще истории³.

¹ Волкова Л.П. Компетенция органов исполнительной власти: понятие и условия установления // Административное право и процесс. 2008. № 5. С. 5.

² См., напр.: Лазарев Б.М. Теоретические вопросы компетенции органов советского государственного управления : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1973; Соколова Ю.А. Правотворческие полномочия федеральных органов исполнительной власти: административно-правовой аспект : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д, 2012.

³ Savigny, F.C. von. Vom Beruf unserer Zeit für Gesetzgebung und Rechtswissenschaft. Heidelberg : Mohr und Zimmer, 1814.

Кроме того, исторический метод позволяет установить хронологию и особенности отражения в законодательстве того или иного периода различных правовых институтов, а также выявить основные этапы их развития. Полагаем, что данный подход может быть применен и к изучению полномочий органов исполнительной власти.

В советской России данный термин был воспринят в административном законодательстве при описании правового статуса органов исполнительной власти в период ее становления: с 1917 по 1924 г. Тогда же сложились правовые основы закрепления и распределения полномочий в нормативных актах.

Анализ таких актов показывает, что в отдельных отраслях управления полномочия, как правило, распределялись между центральными и местными органами исполнительной власти. Первыми выступали соответствующие народные комиссариаты, а местными органами являлись специализированные отделы в губернских исполнительных комитетах.

Так, согласно Декрету ВЦИК РСФСР от 27 мая 1918 г. «О реорганизации Народного комиссариата продовольствия и местных продовольственных органов»⁴ предоставленные местным продовольственным органам полномочия сводились к:

- неуклонному осуществлению хлебной монополии;
- исполнению нарядов Народного комиссариата продовольствия по заготовкам продовольствия и предметов первой необходимости;
- распределению продовольствия и предметов первой необходимости среди населения согласно планам и инструкциям Народного комиссариата продовольствия.

⁴ Декрет ВЦИК РСФСР от 27 мая 1918 г. «О реорганизации Народного комиссариата продовольствия и местных продовольственных органов» // СУ РСФСР. 1918. № 38. Ст. 498.

Местные продовольственные органы, таким образом, находились в подчинении Народного комиссариата продовольствия. Из приведенного примера видно, что перечисленные меры властного воздействия не были систематизированы, формулировались в наиболее общем виде и не имели самостоятельного характера, поскольку зависели от содержания актов, принимаемых Народным комиссариатом. Аналогичное разграничение полномочий можно также встретить в Декрете СНК РСФСР от 5 декабря 1917 г. «О Высшем совете народного хозяйства РСФСР»⁵ и в уже упомянутом Декрете от 20 февраля 1918 г.

По нашему мнению, сложившаяся ситуация обусловлена тем, что в актах, закреплявших правовое положение народных комиссариатов, определялись задачи властных органов, возникавшие в связи со сложными экономическими и социально-политическими условиями того времени, решить которые стандартизированными методами не представлялось возможным. Профессор В.Л. Кобалевский, оценивая такое положение вещей, писал: «Мы не видим в акте подробных указаний на то, когда и какие меры могут быть применимы властью, но общая формулировка его основных положений отчетливо определяет цель, характер и методы деятельности органов управления Республики»⁶.

Следует отметить, что в дальнейшем помимо декретов СНК РСФСР полномочия местных исполнительных органов были закреплены в Постановлении ВЦИК от 31 октября 1922 г. «Положение о губернских съездах советов и губернских исполнительных комитетах»⁷.

В данном правовом акте, в частности, была предпринята попытка классифицировать полномочия. Однако ее сложно признать удачной, поскольку выделенные группы полномочий дублировали друг друга. При этом полномочия в большей степени походили на функции, чем на конкретные меры властного воздействия, что, в свою очередь, давало возможность для их расширительного толкования.

Анализ приведенных примеров также позволяет предположить, что основным назначением полномочий органов исполнительной власти в рассматриваемый период являлось закрепление организационных основ исполнительной власти. При этом функционально-деятельностное описание органов исполнительной власти рассматривалось в качестве второстепенной задачи.

Данная черта прослеживается и в действующем правовом регулировании полномочий органов исполнительной власти. Так, примененная в Указе Президента Российской Федерации от 9 марта 2004 г. № 314 «О системе и структуре федеральных органов исполнительной власти»⁸ классификация федеральных органов исполнительной власти основана на функциях, осуществляемых данными органами.

Еще одной особенностью правового регулирования полномочий советских органов исполнительной власти, наблюдаемой из приведенных выше примеров, является их закрепление преимущественно в подзаконных правовых актах. Данная черта также нашла отражение в п. 3 Постановления VIII Съезда советов рабочих, крестьянских, красноармейских и казачьих депутатов от 23 декабря 1920 г. «О Советском

⁵ Декрет СНК РСФСР от 5 декабря 1917 г. «О Высшем совете народного хозяйства РСФСР» // СУ РСФСР. 1917. № 5. Ст. 83.

⁶ Кобалевский В.Л. Советское административное право. Харьков: Юрид. изд-во Наркомюста УССР, 1929. С. 232.

⁷ Постановление ВЦИК от 31 октября 1922 г. «Положение о губернских съездах советов и губернских

исполнительных комитетах» // СУ РСФСР. 1922. № 72–73. Ст. 907.

⁸ Указ Президента Российской Федерации от 9 марта 2004 г. № 314 «О системе и структуре федеральных органов исполнительной власти» // СЗ РФ. 2004. № 11. Ст. 945.

строительстве»⁹, согласно которому народные комиссариаты могли издавать постановления и распоряжения лишь в пределах своей компетенции, точно указанных в соответствующих декретах Всероссийского центрального исполнительного комитета, его Президиума и Совета народных комиссаров.

Полагаем, что отмеченное свойство является проявлением закономерности, поскольку именно подзаконное регулирование играло определяющую роль в становлении властных институтов Советского государства и проведении в жизнь их экономической политики¹⁰. Даже акты, утвержденные законодательными органами, содержали многочисленные нормы-поручения, в большей степени характерные для подзаконного регулирования.

Как отмечают исследователи, после революции понятие закона, сформированное в дореволюционный период, утратило свое значение, в связи с чем основной проблемой в сфере законодательства в 1920-е годы стало отделение законов от подзаконных актов¹¹. Важно отметить, что принятая двумя годами ранее Конституция РСФСР 1918 г.¹², закрепившая структуру и основы правового статуса органов исполнительной власти, также определила основания для разработки Советом

народных комиссаров РСФСР подзаконных нормативных правовых актов. Так, согласно ст. 38 Конституции РСФСР потребность в принятии таких актов СНК РСФСР определялась «необходимостью правильного и быстрого течения государственной жизни». Таким образом, законодательного ограничения для реализации правотворческого полномочия СНК РСФСР Конституция 1918 г. не содержала.

Стоит отметить, что подход народных комиссариатов к реализации своих правотворческих полномочий также являлся ситуативным и хаотичным. Так, согласно п. 10 Декрета СНК РСФСР от 20 февраля 1918 г. Народный комиссариат путей сообщения был уполномочен издавать обязательные для всех учреждений и лиц постановления и правила, не имея в качестве ограничений норм законодательных или иных нормативных правовых актов. Одновременно с этим Народный комиссариат промышленности и торговли РСФСР обязан был согласовывать отдельные изданные им акты с СНК РСФСР¹³.

С принятием кодифицированных законодательных актов РСФСР полномочия органов исполнительной власти стали закрепляться на законодательном уровне. Например, в ст. 14, 21, 53 и 68 Кодекса законов о труде РСФСР, введенного в действие Постановлением ВЦИК от 9 ноября 1922 г.¹⁴, предусмотрены полномочия Народного комиссариата труда по принятию нор-

⁹ Постановление VIII Съезда советов рабочих, крестьянских, красноармейских и казачьих депутатов от 23 декабря 1920 г. «О Советском строительстве» // СУ РСФСР. 1921. № 1. Ст. 1.

¹⁰ Климов И.П. Источники транспортного права в Советском государстве (октябрь 1917–1920 гг.) // Актуальные проблемы российского права. 2017. № 4. С. 11–18; Егоров П.Ю. Становление и формирование основных начал административно-правового регулирования и административно-правовой теории в Советской России в 1917–1940 годы: историко-правовое исследование: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005. С. 38.

¹¹ Российское законодательство 1920-х годов : монография / под ред. д-ра юрид. наук, проф. С.А. Боголюбова, д-ра юрид. наук, проф. Д.А. Пашенцева и канд. экон. наук, доц. В.А. Селезнева. М. : Юрлитинформ, 2019, С. 8–9.

¹² Конституция РСФСР 1918 г. // СУ РСФСР. 1918. № 51. Ст. 582.

¹³ Так, постановление Народного комиссариата торговли и промышленности РСФСР от 20 апреля 1918 г. «О правовых ограничениях, устанавливаемых для торговых и торгово-промышленных предприятий» (СУ РСФСР. 1918. № 32. Ст. 425) было утверждено Декретом СНК РСФСР от 30 июня 1918 г. «Об утверждении постановления Народного Комиссариата Торговли и Промышленности о правовых ограничениях, устанавливаемых для торговых и торгово-промышленных предприятий» (СУ РСФСР. 1918. № 47. Ст. 561).

¹⁴ Постановление ВЦИК РСФСР от 9 ноября 1922 г. // СУ РСФСР. 1922. № 70. Ст. 903.

мативных правовых актов, необходимых для реализации работниками своих трудовых прав.

Таким образом, для правового регулирования полномочий в первые годы существования советской власти характерны: во-первых, их использование в качестве средства организации системы советских органов исполнительной власти, во-вторых, закрепление преимущественно в подзаконных нормативных правовых актах; в-третьих, общий характер полномочий и отсутствие системного подхода и законодательных ограничений для их реализации.

Следующий этап в развитии правового регулирования полномочий органов исполнительной власти начинается с момента принятия в 1924 г. Конституции СССР¹⁵ (далее — Конституция СССР, Основной закон). В данный период сохраняется назначение полномочий органов исполнительной власти, однако проявляется стремление советского законодателя к их нормативно-правовому ограничению. Так, ст. 38 Основного закона СССР (в отличие от аналогичной статьи Конституции РСФСР 1918 г.), наделяя Совет народных комиссаров полномочием по принятию декретов и постановлений, ограничивала их рамками положения о данном органе исполнительной власти.

Однако, на наш взгляд, главным нововведением, привнесенным Конституцией СССР в правовое регулирование деятельности органов исполнительной власти, стала консолидация их полномочий в отдельных нормативных правовых актах. Следует отметить, что помимо положений деятельность народных комиссариатов регламентировалась также Общим положением о народных комиссариатах Союза ССР, утвержденным Постановлением ЦИК

СССР от 12 ноября 1923 г.¹⁶ в соответствии со ст. 37 Основного закона.

В частности, отдельные полномочия народных комиссариатов (например, разработка проектов декретов и постановлений, разрешение жалоб, приносимых на действия и распоряжения подведомственных им учреждений и лиц, и др.) закреплялись в пункте 6 данного правового акта. Однако целью принятия общего положения, наш взгляд, являлось развитие конституционных положений об иерархии исполнительной власти СССР, в связи с чем большая часть содержащихся в нем правовых норм регламентировала отношения подчиненности общесоюзных и объединенных народных комиссариатов. В этой связи основной массив полномочий содержался в положениях о народных комиссариатах.

Конституционным основанием для разработки таких положений стала ст. 49 Основного закона, которая образывала десять народных комиссариатов, действующих на основе положений о них, утверждаемых Центральным исполнительным комитетом Союза ССР. Полагаем, что принятие типовых положений о народных комиссариатах способствовало классификации полномочий и, как следствие, делало возможным систематизацию деятельности исполнительных органов.

Например, закрепление в Положении о Народном комиссариате по внутренней торговле Союза ССР¹⁷ большей части полномочий в сфере потребительской кооперации позволило исследователям подразделить их на правотворческие и правоприменительные и определить методы администра-

¹⁵ Конституция СССР 1924 г. // Известия ЦИК СССР и ВЦИК. 1923. № 150.

¹⁶ Постановление ЦИК СССР от 12 ноября 1923 г. // Вестник ЦИК, СНК и СТО СССР. 1923. № 10. Ст. 299.

¹⁷ Положение о Народном комиссариате по внутренней торговле Союза ССР // Известия ЦИК СССР и ВЦИК. 1924. № 106.

тивно-правового воздействия на данные общественные отношения¹⁸.

Вместе с тем принятые положения не были лишены недостатков. В частности, в них все еще отсутствовало единообразие. Меры властного воздействия зачастую обозначались правами и обязанностями органа исполнительной власти, а также задачами, которые ставились перед ними. При этом в отдельных положениях полномочия были сформулированы размыто, что способ-

ствовало их расширительному толкованию правоприменителем.

Кроме того, сохранялись преимущественно подзаконные, а не законодательные ограничения для наделения полномочиями и их реализации. Возвращаясь к особенностям действующего правового регулирования полномочий органов исполнительной власти, упомянутым в начале статьи, констатируем, что серьезное влияние на их развитие оказали сложившиеся в 1917–1924 гг. основы рассмотренного правового регулирования. Преемственность сохраняется как в части терминологии, так и в части назначения полномочий, наделения ими, их правового закрепления и реализации.

¹⁸ См., напр.: Фридман А.М. К 180-летию потребительской кооперации России. Исторический опыт функционирования потребительской кооперации России (1831–2011) // *Фундаментальные и прикладные исследования кооперативного сектора экономики*. 2011. № 5. С. 44.

Литература

1. Виноградов В.В. Из истории слов / В.В. Виноградов // *Вопросы языкознания*. 1955. № 5. С. 100–104.
2. Волкова Л.П. Компетенция органов исполнительной власти: понятие и условия установления / Л.П. Волкова // *Административное право и процесс*. 2008. № 5. С. 5–9.
3. Егоров П.Ю. Становление и формирование основных начал административно-правового регулирования и административно-правовой теории в Советской России в 1917–1940 годы : автореферат диссертации кандидата юридических наук / П.Ю. Егоров. Москва, 2005. 23 с.
4. Климов И.П. Источники транспортного права в Советском государстве (октябрь 1917–1920 гг.) / И.П. Климов // *Актуальные проблемы российского права*. 2017. № 4. С. 11–18.
5. Кобалевский В.Л. Советское административное право / В.Л. Кобалевский. Харьков : Юридическое изд-во Наркомюста УССР, 1929. 418 с.
6. Лазарев Б.М. Теоретические вопросы компетенции органов советского государственного управления : автореферат диссертации доктора юридических наук / Б.М. Лазарев. Москва, 1973. 40 с.
7. Левашов Е.А. История слов русского литературного языка (XVIII–XX в.) : аннотированный указатель литературы, изданной на русском языке с 1918 по 1970 г. / Е.А. Левашов. Санкт-Петербург : Нестор-История, 2008. 199 с.
8. Российское законодательство 1920-х годов : монография / под редакцией С.А. Боголюбова, Д.А. Пашенцева, В.А. Селезнева. Москва : Юрлитинформ, 2019. 455 с.
9. Соколова Ю.А. Правотворческие полномочия федеральных органов исполнительной власти: административно-правовой аспект : автореферат диссертации кандидата юридических наук / Ю.А. Соколова. Ростов-на-Дону, 2012. 24 с.
10. Филиппова Н.А. Публичное представительство: правовая природа, виды и формы / Н.А. Филиппова // *Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук*. 2010. № 10. С. 357–377.
11. Фридман А.М. К 180-летию потребительской кооперации России. Исторический опыт функционирования потребительской кооперации России (1831–2011) / А.М. Фридман // *Фундаментальные и прикладные исследования кооперативного сектора экономики*. 2011. № 5. С. 43–48.
12. Savigny, F.C. von. *Vom Beruf unserer Zeit für Gesetzgebung und Rechtswissenschaft* / F.C. von Savigny. H Heidelberg : Mohr und Zimmer, 1814.

References

1. Vinogradov V.V. Iz istorii slov [From the History of Words] / V.V. Vinogradov // Voprosy` yazy`koznaniya — Issues of Linguistics. 1955. № 5. S. 100–104.
2. Volkova L.P. Kompetentsiya organov ispolnitelnoy vlasti: ponyatie i usloviya ustanovleniya [Competence of Executive Authorities: The Concept and Establishment Conditions] / L.P. Volkova // Administrativnoe pravo i protsess — Administrative Law and Procedure. 2008. № 5. S. 5–9.
3. Egorov P.Yu. Stanovlenie i formirovanie osnovny`kh nachal administrativno-pravovogo regulirovaniya i administrativno-pravovoy teorii v Sovetskoj Rossii v 1917–1940 gody` : avtoreferat dissertatsii kandidata yuridicheskikh nauk [The Establishment and Forming of the Main Origins of the Administrative Law Regulation and the Administrative Law Theory in the Soviet Russia in 1917 to 1940 : author's abstract of thesis of PhD (Law)] / P.Yu. Egorov. Moskva — Moscow, 2005. 23 s.
4. Klimov I.P. Istochniki transportnogo prava v Sovetskom gosudarstve (oktyabr 1917–1920 gg.) [Transport Law Sources in the Soviet State (October 1917 to 1920)] / I.P. Klimov // Aktualny`e problemy` rossiyskogo prava — Relevant Issues of Russian Law. 2017. № 4. S. 11–18.
5. Kobalevskiy V.L. Sovetskoe administrativnoe pravo [Soviet Administrative Law] / V.L. Kobalevskiy. Kharkov : Yuridicheskoe izd-vo Narkomyusta USSR — Kharkov : Legal Publishing House of the People's Commissariat of Justice of the USSR, 1929. 418 s.
6. Lazarev B.M. Teoreticheskie voprosy` kompetentsii organov sovetskogo gosudarstvennogo upravleniya : avtoreferat dissertatsii doktora yuridicheskikh nauk [Theoretical Issues of Competence of Soviet Government Authorities : author's abstract of thesis of LL.D.] / B.M. Lazarev. Moskva — Moscow, 1973. 40 s.
7. Levashov E.A. Istoriya slov russkogo literaturnogo yazy`ka (XVIII–XX v.) : annotirovanny`y ukazatel literatury`, izdannoy na russkom yazy`ke s 1918 po 1970 g. [The History of Words of the Russian Literary Language from the XVIII to the XX Century : annotated reference of works published in the Russian language from 1918 to 1970] / E.A. Levashov. Sankt-Peterburg : Nestor-Istoriya — Saint Petersburg : Nestor-History, 2008. 199 s.
8. Rossiyskoe zakonotvorchestvo 1920-kh godov : monografiya [Russian Law-Making of the 1920s : monograph] / pod redaktsiyey S.A. Bogolyubova, D.A. Pashentseva, V.A. Selezneva. Moskva : Yurlitinform — edited by S.A. Bogolyubov, D.A. Pashentsev, V.A. Seleznev. Moscow : Yurlitinform, 2019. 455 s.
9. Sokolova Yu.A. Pravotvorcheskie polnomochiya federalny`kh organov ispolnitelnoy vlasti: administrativno-pravovoy aspekt : avtoreferat dissertatsii kandidata yuridicheskikh nauk [Law Making Powers of Federal Executive Authorities: An Administrative Law Aspect : author's abstract of thesis of PhD (Law)] / Yu.A. Sokolova. Rostov-na-Donu — Rostov-on-Don, 2012. 24 s.
10. Filippova N.A. Publichnoe predstavitelstvo: pravovaya priroda, vidy` i formy` [Public Representation: The Legal Nature, Types and Forms] / N.A. Filippova // Nauchny`y ezhegodnik Instituta filosofii i prava Uralskogo otdeleniya Rossiyskoj akademii nauk — Scientific Yearbook of the Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences. 2010. № 10. S. 357–377.
11. Fridman A.M. K 180-letiyu potrebitelskoj kooperatsii Rossii. Istoricheskiy opyt` funkcionirovaniya potrebitelskoj kooperatsii Rossii (1831–2011) [On the 180th Anniversary of the Russian Consumer Cooperation. The Historical Experience of Functioning of the Russian Consumer Cooperation] / A.M. Fridman // Fundamentalny`e i prikladny`e issledovaniya kooperativnogo sektora ekonomiki — Fundamental and Applied Research of the Cooperative Economy Sector. 2011. № 5. S. 43–48.
12. Savigny F.C. von. Vom Beruf unserer Zeit fur Gesetzgebung und Rechtswissenschaft / F.C. von Savigny. Heidelberg : Mohr und Zimmer, 1814.

Для оформления заказа на приобретение одного и/или нескольких печатных экземпляров журнала с опубликованной статьей просим вас при получении уведомления о включении вашей статьи в содержание журнала обратиться в авторский отдел по телефону: 8 (495) 953-91-08, или по электронной почте: avtor@lawinfo.ru.

Коррупция в России в записках иностранцев XVI–XVII вв.

Николаев Николай Юрьевич,
доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин
Волжского политехнического института,
кандидат исторических наук
nikcam@mail.ru

В статье проанализированы сведения иностранцев о служебных злоупотреблениях в Московском государстве в XVI–XVII веках. Определены основные авторы, выявлены особенности «другого взгляда» на правовые и политические реалии «допетровской» России, выделены этапы в описаниях иностранцами местной коррупции.

Ключевые слова: записки иностранцев, коррупция, «посул», Судебник, Соборное уложение, приказы.

Corruption in Russia in Memoirs of Foreigners in the XVI to the XVII Century

Nikolaev Nikolay Yu.
Senior Lecturer of the Department of Social and Humanitarian Disciplines
of the Volzhsky Polytechnic Institute
PhD (History)

The article analyzes the information of foreigners about mismanagement in the Moscow state in XVI–XVII centuries. The main authors have been identified, the features of a 'different view' on the legal and political realities of 'pre-Peter the Great' Russia have been revealed, the stages have been outlined in the descriptions of local corruption by foreigners.

Keywords: foreigners' writings, corruption, 'posul', Law Code, Council code, orders.

Изучение истории отечественной коррупции требует привлечения всего комплекса доступных источников, в том числе документов личного происхождения. Среди них выделяются сочинения иностранцев, позволяющие увидеть «внешнее» описание неприглядных сторон общественно-политической жизни Московии в XVI–XVII вв. Во внешнеполитическом отношении этот период характеризовался ростом контактов с другими странами, а в правовой сфере происходил процесс формирования антикоррупционных механизмов. Изучение записок иностранцев позволяет не только расширить наши представления о служебных злоупотреблениях в России XVI–XVII вв., но и рассмотреть проблему коррупции через призму исторической има-

гологии. Ее оценки отечественными книжниками позднего Средневековья, на наш взгляд, отличались лаконичностью, отсутствием конкретики, а также идеологизированностью, обусловленной борьбой различных общественно-политических сил¹. В этой связи особую ценность приобретает «взгляд другого», взгляд безусловно субъективный и порой пристрастный, но при этом свободный от внутренних услов-

¹ Миронов Ю.И., Николаев С.П., Рамазанов С.П. Русская православная церковь и коррупция в XI–XV вв. // История государства и права. 2018. № 7. С. 31–33; Egorov G.G., Krasil'nikova T.K., Mironov Yu.I., Nikolaev N.Yu., Ramazanov S.P. The perception of corruption of society in the writings of Russian scribes in the 16 th century: main mythologemes and semantic relations // International Journal of Advanced Biotechnology and Research. 2016. Vol. 7. Iss. 4. P. 1941–1950.

ностей и предрассудков, более чуткий и внимательный в освещении культурных различий.

Наиболее близкой к современному понятию «взятка» в русской правовой практике XVI–XVII вв. была лексема «посул». Первоначально «посул» означал публичную, добровольную и потому законную плату судьям, однако постепенно приобрел пейоративную коннотацию и стал рассматриваться как тайное, незаконное и злонамеренное вознаграждение. Запрет на получение взяток впервые был зафиксирован в Судебнике 1497 г.² В то же время антикоррупционные статьи Судебника не предполагали уголовного преследования, являясь скорее моральными сентенциями превентивного характера.

Одним из первых иностранных путешественников, оставивших обширные описания Московского государства в начале XVI в., был австрийский дипломат Сигизмунд фон Герберштейн. В 1517 и 1526 годах он дважды посетил Россию и в своих знаменитых «Записках о Московии» констатировал как высокий уровень коррупции в местных судах, так и нежелание высшей власти с ней бороться. По его словам, «хотя государь очень суров, тем не менее всякое правосудие продажно, причем [почти] открыто»³. Герберштейн отмечал, что в судебных делах московитов свидетельство «знатного мужа» (*nobilis*) более весомо, чем показание многих «людей низкого звания»⁴. По его мнению, «причиной столь сильного корыстолюбия и бесчестности» являлась общая бедность жителей Московии и потому великий князь «закрывает глаза на их проступки и бесчестье». Кроме того, автор «Записок» отмечал, что у бедняков не было

возможности апеллировать к государю, а доступ к его советникам хотя и существовал, но был весьма затруднительным⁵.

Культурно-этнографический путеводитель «О нравах татар, литовцев и москвитян», написанный Михалоном Литвиным (авторство условно) в 1548–1551 гг., — редкий образец нравственно-религиозных «самообличений». В данном тексте можно увидеть уникальную для иностранного нарратива положительную оценку ситуации с коррупцией в России. В описании Михалона Литвина наместник-московит — ничем не брезговавший хитроумный варвар, но при этом управлявший более бескорыстно и эффективно, чем равный ему по должности и обремененный множеством обязанностей подданный Великого княжества Литовского. Созданная Судебником 1497 г. система судебных поединков способствовала справедливому наказанию осужденного за взятки (*repetundarum*), и потому заключал автор: «При дворе (московского государя. — *Н.Н.*) весьма редко слышатся жалобы на притеснения»⁶.

На наш взгляд, тема коррупции в записках иностранцев первой половины XVI в. упоминалась «мельком», являясь частью общего описания правовых порядков Московии. Это объясняется как редкостью появления «заморских» гостей, так и их относительной неосведомленностью. Во второй половине XVI — начале XVII в. интерес к России заметно возрос, увеличилось количество изданных записок иностранцев и их информированность. Во внутриполитической жизни России этот рост заграничного внимания совпал с принятыми правительством Ивана IV новыми мерами по борьбе со служебными злоупотреблениями. В Судебнике

² Российское законодательство X–XX вв. : в 9 т. Т. 2. М., 1985. С. 54, 58–59, 63–64, 80–81, 82.

³ Герберштейн С. Записки о Московии : в 2 т. Т. 1. М., 2008. С. 260–261.

⁴ Там же.

⁵ Там же. С. 260–263.

⁶ Михалон Литвин. О нравах татар, литовцев и москвитян. М., 1994. С. 94.

1550 г. взяточничество не только объявлялось противоправным и аморальным действием, но и подвергалось суровому наказанию. За «посулоимание» судей, приказных людей и местных чиновников устанавливалась материальная и уголовная ответственность⁷.

На желание правительства бороться со служебными злоупотреблениями обратили внимание иностранцы. Служивший в опричнине Генрих фон Штаден утверждал, что ее созданием Иван IV стремился «искоренить всю несправедливость правителей и приказных в стране», создать справедливый суд, где судили бы «без подарков, даров и подношений»⁸. Куда скромнее немецкий авантюрист оценивал успехи принятых властью антикоррупционных мер. В его пространных описаниях московской судебной и приказной системы можно найти множество примеров циничного произвола чиновников. Из высших вельмож лишь убитый во время опричного террора боярин И.П. Челяднин удостоился авторской похвалы за «обыкновение судить по праву». Остальные же руководители приказов были готовы пойти на любые преступления ради того, чтобы набить собственную кошелек⁹.

Схожая ситуация наблюдалась и на местном уровне, где бесконтрольно хозяйничали воеводы, наместники и губернаторы (Weywodenn, Stadthalter, Jubernatores). Регулярная их замена (каждые два года) ситуацию не меняла, так как на смену отставных взяточников приходили новые¹⁰. Даже получение великокняжеского решения на челобитные происходило исключительно за вознаграждение¹¹. Более то-

го, по словам Штадена, простое посещение приказа или суда требовало предоставления «посула» привратнику (воротнику). А не желавшие платить и готовые прорваться силой рисковали получить по голове «палкой длиной в локоть»¹².

Откровения немецкого авантюриста свидетельствовали о том, что введенные Судебником 1550 г. антикоррупционные механизмы работали неэффективно или не работали вовсе. Сам автор говорил об этом противоречии достаточно откровенно: «Они (москвиты. — *Н.Н.*) имели писанные своды законов, по коим должны были вершить суд, но те были преданы забвению»¹³.

Английский дипломат и торговец Джером Горсей, неоднократно приезжавший в Россию в 1570–1580-е годы, отмечал определенные улучшения в борьбе с коррупцией, наступившие с воцарением Федора Ивановича¹⁴. По мнению Горсея, столь разительные, по сравнению с прошлым правлением, перемены были вызваны благотворным влиянием жены Федора Ивановича — царицы Ирины¹⁵.

Его соотечественник Джайлс Флетчер, побывавший в России в 1588–1589 гг., оценивал борьбу с местной коррупцией куда более скептически. Он увязывал высокий уровень служебных злоупотреблений в Московском государстве с неразвитой правовой культурой и деспотическим правлением. Фактически английский дипломат обвинял верховную власть в поощрении чиновничьей коррупции, что позволяло ей «грабить свой народ и обогащать свою казну»¹⁶. Дикое по своей

⁷ Российское законодательство X–XX вв. : в 9 т. Т. 2. М., 1985. С. 97, 102, 107, 109, 112.

⁸ Штаден Г. Записки о Московии : в 2 т. Т. 1. М., 2008. С. 190–191, 193.

⁹ Там же. С. 71–73.

¹⁰ Там же. С. 68–69.

¹¹ Там же. С. 78–79.

¹² Там же. С. 82–83.

¹³ Там же. С. 68–69.

¹⁴ Горсей Дж. Записки о России. XVI — начало XVII в. М., 1990. С. 147.

¹⁵ Там же. С. 148.

¹⁶ Флетчер Дж. О государстве русском. СПб., 1906. С. 48–49.

жестокости расправы над взяточниками, которые порой предпринимал прежний царь Иван IV, по мнению Флетчера, ситуацию никак не меняли и были призваны продемонстрировать пример показной строгости и мнимой заботы о народе¹⁷. Высокая коррумпированность местных судей, по мнению Флетчера, объяснялась отсутствием четких юридических правил и кодифицированных законов¹⁸. В частности, англичанин отзывался о Судебнике 1550 г. как о «небольшой книге», в которой были зафиксированы лишь самые общие принципы судопроизводства. «Единственный у них (москвитов. — *Н.Н.*) закон, — уверял он читателей, — есть закон изустный, т.е. воля царя, судей и других должностных лиц»¹⁹.

Более благосклонным в оценках правительственных усилий по искоренению коррупции был французский авантюрист и наемник Жак Маржерет. По его мнению, правительство Годунова пыталось искренне бороться со служебными злоупотреблениями представителей судейского корпуса и приказной бюрократии. По словам Маржерета, «никто из судей и должностных лиц не смеет принимать никаких подарков от тех, чьи дела они решают». В случае разоблачения им грозила не только конфискация имущества, но и выплата значительного штрафа, размер которого устанавливался лично царем. Если взяточником оказывался человек незначительный, то его ожидало публичное наказание кнутом и отправка в ссылку²⁰. В то же время, по воспоминаниям Маржерета, московские чиновники изобретали всевозможные способы безопас-

ного получения «посулов», пользуясь для прикрытия обмана религиозными праздниками и/или церковными обрядами²¹.

С оценками Маржерета был солидарен Конрад Буссов — выходец из Люнебургского герцогства, проживший несколько лет в России в начале XVII в. Буссов высоко оценивал антикоррупционную деятельность Бориса Годунова, который пресек многочисленные злоупотребления и помог добиться справедливости многим вдовам и сиротам²². Подчеркивал Буссов и усилия, что предпринимал в этом направлении Лжедмитрий I. «Он (то есть Лжедмитрий I. — *Н.Н.*) повелел также очень строго по всем приказам, судам и писцам, чтобы приказные, а также и судьи, без посулов (*bossul*) (это значит взятки) решали дела, творили правосудие и каждому без промедления помогали найти справедливость»²³. На искреннее желание Годунова покончить с коррупцией указывал голландский путешественник и торговец Исаак Масса, отмечая при этом тщетность его усилий. «Он (Борис Годунов. — *Н.Н.*) был великим врагом тех, которые брали взятки и подарки, и знатных вельмож и дьяков он велел предавать за то публичной казни, но это не помогало»²⁴.

После окончания Смуты за рубежом наблюдался заметный рост интереса к России. Одно из самых обстоятельных описаний Московского государства первой половины XVII в. оставил немецкий ученый Адам Олеарий. Его итоговые впечатления были впервые опубликованы в 1647 г. и впоследствии неоднократно переиздавались, в том числе на разных языках. «Взгляд другого» в изложении Олеария —

¹⁷ Там же. С. 49.

¹⁸ Там же. С. 59, 61.

¹⁹ Там же. С. 61.

²⁰ Маржерет Ж. Состояние Российской империи. Ж. Маржерет в документах и исследованиях (Тексты, комментарии, статьи). М., 2007. С. 134.

²¹ Там же. С. 134–135, 144.

²² Хроники смутного времени. М., 1998. С. 12.

²³ Там же. С. 52.

²⁴ Масса И. Краткое известие о Московии в начале XVII в. М., 1937. С. 98.

вдумчивый, внимательный и достаточно благожелательный даже при описании таких негативных социальных явлений, как коррупция. Автор признавал, что стяжательство московских царедворцев ничем не отличается от аналогичных явлений «при дворах большинства государей». Простым людям приходилось не только обхаживать царских вельмож, но и «делать им подарки», как саркастически отмечал Олеарий, не столько для получения от них какой-либо выгоды, сколько из-за опасения возможных проблем в будущем²⁵.

Олеарий указывал на постоянное нарушение запрета принимать подарки служащими приказов («канцелярий»). По его словам, особенно часто брали «посулы» писцы, готовые за взятку рассказать «о самых секретных делах, находящихся в их руках»²⁶. Немецкий путешественник не только подробно описал историю Соляного бунта, но и вызвавшие его многочисленные злоупотребления высших чиновников (Л.С. Плещеева, П.Т. Траханиотова)²⁷.

В начале царствования Алексея Михайловича правительство приступило к разработке нового антикоррупционного законодательства. В принятом на Земском соборе 1649 г. Соборном Уложении были подробно прописаны суровые меры против взяточничества и служебных злоупотреблений в судах, центральных и местных органах власти²⁸.

Однако сочинения иностранцев второй половины XVII в. свидетельствовали о весьма незначительных успехах властей по борьбе с коррупцией. Так, австрийский дипломат Августин фон Майерберг констатиро-

вал существенные злоупотребления в центральном и местном управлении, а также судопроизводстве. Высшие сановники, по его словам, получали царские милости даром, словно «водопроводные трубы воду», однако сами делились ими корыстно. Для того чтобы получить от них протекцию на выгодное место, следовало «располагать этих любимцев к себе множеством подарков»²⁹. Наместники (Wajvodas) всячески стремились компенсировать понесенные убытки при получении хорошей должности и потому не довольствовались «стрижкой народного стада им вверенного, но не боялись сдирать с него еще и шкуру»³⁰.

Французский дипломат Фуа де ла Невилль в своих воспоминаниях упоминал о взятке главе Посольского приказа Е.И. Украинцеву за право получить аудиенцию у царя и вручить ему верительные грамоты. Для более быстрого решения дела француз попытался передать взятку лично, а также «сурово объяснить» с Украинцевым³¹. Однако влиятельный дьяк так и не получил желаемое, так как де ла Невилль публично заявил, что принесенные деньги предназначались его секретарю³².

Австрийский дипломат Иоган Георг Корб, посетивший Россию на излете XVII в., оставил дневник, в котором подробно описал свое более чем годичное пребывание в Москве. Он также отмечал злоупотребления на местном уровне, и прежде всего в управлении удаленными территориями. По его словам, глава Сибирского

²⁵ Олеарий А. Описание путешествия в Московию. Смоленск, 2003. С. 232.

²⁶ Там же. С. 250.

²⁷ Там же. С. 234–235.

²⁸ Российское законодательство X–XX вв. : в 9 т. Т. 3. М., 1985. С. 102–104, 288–289.

²⁹ Путешествие в Московию барона Августина Майерберга и Горация Вильгельма Кальвуччи, послов Августейшего Римского Императора Леопольда к Царю и Великому Князю Алексею Михайловичу в 1661 году, описанное самим бароном Майербергом. М., 1874. С. 91–92.

³⁰ Там же. С. 92.

³¹ Невилль де ла Ф. Записки де ла Невилля о Московии. 1689 г. // Русская старина. 1891. Т. 71. № 9. С. 431–432.

³² Там же. С. 433.

приказа А.А. Виниус, сам назначавший подчиненных ему воевод небескорыстно, был вынужден постоянно следить за «умеренностью» их злоупотреблений. Особо проворовавшимся он грозил всевозможными карами вплоть до смертной казни³³.

В заключение попытаемся выделить этапы в сведениях иностранцев XVI–XVII вв. о российской коррупции. Первый этап (начало — первая половина XVI в.) отличался как небольшим количеством сочинений вообще, так и незначительным интересом к проблемам служебных злоупотреблений в частности. На втором этапе (вторая половина XVI в. — начало XVII в.) происходил заметный качественный и количественный рост описаний России иностранцами. В ряде случаев изданию записок предшествовал многолетний опыт проживания в России, что отразилось на характере и глубине апперцепции местных коррупционных практик. Наконец, для третьего этапа (с 20–30-х гг. до конца XVII в.) было характерно не только увеличение числа иностранных авторов, но и расширение географических границ описаний «таинственной» Московии (к примеру, рассказы о злоупотреблениях в Сибири). Отдельные записки иностранцев приобретали «академическую монументальность», что объяснялось их принадлежностью к научным кругам (А. Олеарий).

Тем не менее, на наш взгляд, всем этим сочинениям в той или иной ме-

ре был присущ ориентализм, который, в свою очередь, порождал нравоучительный, а порой и высокомерный нарратив. Московия (Россия) и царившие там порядки рассматривались не просто как неевропейские, а во многом как антиевропейские. Бинарная, «геродотовская» схема «дикие варвары-москвиты — просвещенные европейцы» выступала удобной формулой объяснения российского обскурантизма. По мнению большинства иностранцев, социально-правовые реалии, вызывавшие рост служебных злоупотреблений у москвитов, коренились в особенностях их политической и правовой культуры, деспотии и всевластии монарха, подменявшего собой закон и справедливость. Отметим, что многие иностранные путешественники подчеркивали усилия центральной власти по искоренению коррупции, но одновременно они же отмечали их тщетность. Наиболее коррумпированными сферами общественно-политической жизни допетровской России почти единодушно признавались — высший слой бюрократии и царедворцы, местное управление, судопроизводство, средние и низшие слои чиновников. К числу безусловных достоинств записок иностранцев следует отнести существенно большую, по сравнению с отечественной публицистикой, свободу повествования. Следствием отсутствия цензуры, как внутренней (самоцензуры), так и внешней, стало обилие важных деталей, а также безбоязненное упоминание имен высокопоставленных взяточников.

³³ Корб И.Г. Дневник путешествия в Московию (1698 и 1699 гг.). СПб., 1906. С. 265–266.

Литература

1. Герберштейн С. Записки о Московии. В 2 томах. Т. 1 / С. Герберштейн. Москва : Памятники исторической мысли, 2008. 776 с.
2. Горсей Дж. Записки о России. XVI — начало XVII в. / Дж. Горсей. Москва : Изд-во МГУ, 1990. 288 с.
3. Корб И.Г. Дневник путешествия в Московию (1698 и 1699 гг.) / И.Г. Корб. Санкт-Петербург : Изд-во А.С. Суворина, 1906. 322 с.

4. Маржерет Ж. Состояние Российской империи. Ж. Маржерет в документах и исследованиях (тексты, комментарии, статьи) / Ж. Маржерет ; под редакцией Ан. Береловича, В.Д. Назарова, П.Ю. Уварова ; авторы и составители Ан. Берелович (Париж), Т.А. Лаптева [и др.]. Москва : Языки славянских культур, 2007. 552 с.
5. Масса И. Краткое известие о Московии в начале XVII в. / И. Масса. Москва : ОГИЗ, 1937. 208 с.
6. Миронов Ю.И. Русская православная церковь и коррупция в XI–XV вв. / Ю.И. Миронов, С.П. Николаев, С.П. Рамазанов // История государства и права. 2018. № 7. С. 29–36.
7. Михалон Литвин. О нравах татар, литовцев и москвитян / Литвин Михалон ; перевод с латинского В.И. Матузовой ; вступительная статья М.В. Дмитриева [и др.] ; комментарий С.В. Думина [и др.]. Москва : Изд-во МГУ, 1994. 151 с.
8. Невилль де ла Ф. Записки де ла Невилля о Московии. 1689 г. / Ф. де ла Невилль // Русская старина. 1891. Т. 71. № 9. С. 419–450.
9. Олеарий А. Описание путешествия в Московию / А. Олеарий. Смоленск : Русич, 2003. 480 с.
10. Путешествие в Московию барона Августина Майерберга и Горация Вильгельма Кальвуччи, послов Августейшего Римского Императора Леопольда к Царю и Великому Князю Алексею Михайловичу в 1661 году, описанное самим бароном Майербергом / предисловие О. Бодянский. Москва : Изд-во Университетской типографии, 1874. 260 с.
11. Российское законодательство X–XX веков. В 9 томах / под общей редакцией О.И. Чистякова. Т. 2: Законодательство периода образования и укрепления Русского централизованного государства / ответственный редактор А.Д. Горский. Москва : Юридическая литература, 1985. 520 с.
12. Российское законодательство X–XX веков. В 9 томах / под общей редакцией О.И. Чистякова. Т. 3. Акты Земских соборов конца XVI — начала XVII века. Соборное уложение 1649 года. Акты Земских соборов 50-х годов / ответственный редактор А.Г. Маньков. Москва : Юридическая литература, 1985. 511 с.
13. Флетчер Дж. О государстве русском / Дж. Флетчер. 3-е изд. Санкт-Петербург : Изд-во А.С. Суворина, 1906. 165 с.
14. Хроники смутного времени / К. Буссов, А. Елассонский, Э. Геркман. Москва : Фонд Сергея Дубова, 1998. 612 с.
15. Штаден Г. Записки о Московии. В 2 томах. Т. 1. Публикация / Г. Штаден ; перевод С.Н. Фердинанд ; вступительные статьи : А.Л. Хорошкевич, А.А. Булычев, С.Н. Фердинанд ; ответственный редактор А.Л. Хорошкевич. Москва : Древлехранилище, 2008. 582 с.
16. Ramazanov S.P. The perception of corruption of society in the writings of Russian scribes in the 16th century: main mythologemes and semantic relations / S.P. Ramazanov [et al.] // International Journal of Advanced Biotechnology and Research. 2016. Vol. 7. Iss. 4. P. 1941–1950.

References

1. Herberstein Z. Zapiski o Moskovii. V 2 tomakh. T. 1 [Notes on Muscovite Affairs. In 2 volumes. Vol. 1] / Z. Herberstein. Moskva : Pamyatniki istoricheskoy my'sli — Moscow : Monuments of Historical Thought, 2008. 776 s.
2. Horsey J. Zapiski o Rossii. XVI — nachalo XVII v. [Notes about Russia. The XVI to the Early XVII Century] / J. Horsey. Moskva : Izd-vo MGU — Moscow : MSU publishing house, 1990. 288 s.
3. Korb J.G. Dnevnik puteshestviya v Moskoviyu (1698 i 1699 gg.) [Diary of a Trip to Muscovy (1698 and 1699)] / J.G. Korb. Sankt-Peterburg : Izd-vo A.S. Suvorina — Saint Petersburg : A.S. Suvorin's publishing house, 1906. 322 s.
4. Margeret J. Sostoyanie Rossiyskoy imperii. Zh. Marzheret v dokumentakh i issledovaniyakh (teksty', kommentarii, statyi) [The Russian Empire and Grand Duchy of Muscovy. J. Margeret in Documents and Research (Texts, Commentaries, Articles)] / J. Margeret ; pod redaktsiey An. Berelovicha, V.D. Nazarova, P.Yu. Uvarova ; avtory' i sostaviteli An. Berelovich (Parizh), T.A. Lapteva [i dr.]. Moskva : Yazy'ki slavyanskikh kultur — edited by An. Berelovich, V.D. Nazarov, P.Yu. Uvarov ; authors and compilers An. Berelovich (Paris), T.A. Lapteva [et al.]. Moscow : Languages of Slavic Cultures, 2007. 552 s.
5. Massa I. Kratkoe izvestie o Moskovii v nachale XVII v. [Short News on Muscovy in the Early XVII Century] / I. Massa. Moskva : OGIЗ — Moscow : Association of State Book and Journal Publishing Houses, 1937. 208 s.
6. Mironov Yu.I. Russkaya pravoslavnaya tserkov i korruptsiya v XI–XV vv. [The Russian Orthodox Church and Corruption in the XI to the XV Century] / Yu.I. Mironov, S.P. Nikolaev, S.P. Ramazanov // Istoriya gosudarstva i prava — History of State and Law. 2018. № 7. S. 29–36.

7. Michalo Litanus. O nrvakh tatar, litovtsev i moskvityan [On the Customs of Tatars, Lithuanians and Muscovites] / Litanus Michalo ; perevod s latinskogo V.I. Matuzovoy ; vstupitelnaya statya M.V. Dmitrieva [i dr.] ; kommentariy S.V. Dumina [i dr.]. Moskva : Izd-vo MGU — translation from Latin by V.I. Matuzova ; introductory article by M.V. Dmitriev [et al.] ; commentary by S.V. Dumin [et al.]. Moscow : MSU publishing house, 1994. 151 s.
8. Neuville de la F. Zapiski de la Nevillya o Moskovii. 1689 g. [Notes of de la Neuville on Muscovy. 1689] / F. de la Neuville // Russkaya starina. 1891. T. 71 — Russian Old Times. 1891. Vol. 71. № 9. S. 419–450.
9. Olearius A. Opisanie puteshestviya v Moskoviyu [Description of a Journey to Muscovy] / A. Olearius. Smolensk : Rusich — Smolensk : Ruthenian, 2003. 480 s.
10. Puteshestvie v Moskoviyu barona Avgustina Mayerberga i Goratsiya Vilgelma Kalvuchchi, poslov Avgusteyshego Rimskogo Imperatora Leopolda k Tsaryu i Velikomu Knyazyu Alekseyu Mikhaylovichu v 1661 godu, opisannoe samim baronom Mayerbergom [Journey to Muscovy of Baron Augustin Meyerberg and Horace Wilhelm Kalvucci, Ambassadors of the Holy Roman Emperor Leopold to the Tsar and Grand Duke Alexei Mikhailovich in 1661, Described by Baron Meyerberg Himself] / predislovie O. Bodyanskiy. Moskva : Izd-vo Universitetskoy tipografii — foreword by O. Bodyanskiy. Moscow : Publishing house of the University Printing Office, 1874. 260 s.
11. Rossiyskoe zakonodatelstvo X–XX vekov. V 9 tomakh [Russian Laws of the X to the XX Century. In 9 volumes] / pod obschey redaktsiyey O.I. Chistyakova. T. 2 : Zakonodatelstvo perioda obrazovaniya i ukrepleniya Russkogo tsentralizovannogo gosudarstva / otvetstvenny'y redaktor A.D. Gorskiy. Moskva : Yuridicheskaya literatura — under the general editorship of O.I. Chistyakov. Vol. 2 : Laws of the Period of the Origination and Strengthening of the Russian Centralized State / publishing editor A.D. Gorskiy. Moscow : Legal Literature, 1985. 520 s.
12. Rossiyskoe zakonodatelstvo X–XX vekov. V 9 tomakh [Russian Laws of the X to the XX Century. In 9 volumes] / pod obschey redaktsiyey O.I. Chistyakova. T. 3. Akty' Zemskikh soborov kontsa XVI — nachala XVII veka. Sobornoe ulozhenie 1649 goda. Akty' Zemskikh soborov 50-kh godov / otvetstvenny'y redaktor A.G. Mankov. Moskva : Yuridicheskaya literatura — under the general editorship of O.I. Chistyakov. Vol. 3. Acts of Assemblies of the Land of the Late XVI to the Early XVII Century. The Council Code of 1649. Acts of Assemblies of the Land of the 50s / publishing editor A.G. Mankov. Moscow : Legal Literature, 1985. 511 s.
13. Fletcher G. O gosudarstve russkom [Of the Russe Common Wealth] / G. Fletcher. 3-e izd. Sankt-Peterburg : Izd-vo A.S. Suvorina — 3rd edition. Saint Petersburg : A.S. Suvorin's publishing house, 1906. 165 s.
14. Khroniki smutnogo vremeni [Chronicles of the Time of Troubles] / K. Bussov, A. Elassonskiy, E. Gerkman. Moskva : Fond Sergeya Dubova — Moscow : Sergey Dubov's foundation, 1998. 612 s.
15. Staden H. Zapiski o Moskovii. V 2 tomakh. T. 1. Publikatsiya [The Land and Government of Muscovy. In 2 volumes. Vol. 1. Publication] / H. Staden ; perevod S.N. Ferdinand ; vstupitelny'e statyi : A.L. Khoroshkevich, A.A. Bulychev, S.N. Ferdinand ; otvetstvenny'y redaktor A.L. Khoroshkevich. Moskva : Drevlekhranilische — translation by S.N. Ferdinand ; introductory articles : A.L. Khoroshkevich, A.A. Bulychev, S.N. Ferdinand ; publishing editor A.L. Khoroshkevich. Moscow : Archive, 2008. 582 s.
16. Ramazanov S.P. The Perception of Corruption of Society in the Writings of Russian Scribes in the 16th Century: Main Mythologemes and Semantic Relations / S.P. Ramazanov [et al.] // International Journal of Advanced Biotechnology and Research. 2016. Vol. 7. Iss. 4. S. 1941–1950.

Уважаемые авторы!

Обращаем ваше внимание на следующие пункты:

- Нельзя предоставлять в журнал рукопись, которая была отправлена в другой журнал и находится на рассмотрении, а также статью, уже опубликованную в другом журнале.
- Соавторами статьи должны быть указаны все лица, внесшие существенный вклад в проведение исследования. Среди соавторов недопустимо указывать лиц, не участвовавших в исследовании.
- Если вы обнаружили существенные ошибки или неточности в статье на этапе ее рассмотрения или после ее опубликования, необходимо как можно скорее уведомить об этом редакцию журнала.

DOI: 10.18572/1812-3805-2020-8-48-54

Создание и функционирование исправительных учреждений российской армии и военно-морского флота во второй половине XIX в.

Кушнир Светлана Ивановна,
доцент кафедры социально-гуманитарных
и экономических дисциплин
Воронежского института Федеральной службы
исполнения наказаний,
кандидат исторических наук, доцент
Svetlana10002006@yandex.ru

Статья посвящена созданию и особенностям функционирования пенитенциарных учреждений армии и военно-морском флоте России во второй половине XIX века.

Ключевые слова: пенитенциарные учреждения, армия, военно-морской флот, плавучая тюрьма.

The Establishment and Functioning of Penal Institutions of the Russian Army and Navy in the Second Half of the XIX Century

Kushnir Svetlana I.
Senior Lecturer of the Department of Social, Humanitarian
and Economic Disciplines of the VRI of the FPS of Russia
PhD (History), Associate Professor

The article tells about the creation and functioning of penitentiary institutions in the army and Navy of Russia in the second half of the XIX century.

Keywords: penal institutions, the army, the Navy, the floating prison.

Изучение истории реформирования пенитенциарных учреждений российской армии и военно-морского флота является одной из наиболее интересных и в то же время одной из наименее изученных тем в исторической и юридической науках¹. Однако армия и военно-морское ведомство Российской империи не всегда имели в своем распоряжении исправительные учреждения. Еще при Петре I провинившихся военнотружущих привлекали к выполнению тяжелых работ наравне с гражд-

данскими заключенными. К ним применялись телесные наказания.

В сентябре 1826 г. были опубликованы Положение для образования крепостных арестантов в арестантские роты², а также дополнение к нему — Положение о военных арестантских ротах³, согласно которым к арестантам, находящимся в таких ротах, могли применяться телесные наказания. Это становится печальной нормой для армии и флота. Однако после начала Великих реформ было объявлено об отмене телесных наказаний. Поэтому с полным

¹ См.: Кушнир С.И. Изучение истории реформирования военно-морских исправительных учреждений 2-й половины XIX века // Военно-юридический журнал. 2018. № 7. С. 29–32.

² Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Т. I. С. 1011.

³ Там же. С. 1011–1016.

основанием можно утверждать, что формирование исправительных или пенитенциарных учреждений армии и военно-морского флота напрямую связано с судебной реформой 1864 г.

Термин «исправительные учреждения» не являлся официальным для армии и флота⁴. Для подобного рода заведений, т.е. для дисциплинарных частей, исправительных рот, тюрем, в которых содержались в основном нижние чины, не имелось какого-либо общего термина. Чаще всего применялось название «места заключения морского ведомства», хотя к ним относили не только места заключения, но и следственные учреждения.

В 1867 году были изданы положения о военно-исправительных ротах, крепостном арестантском отделении и военных тюрьмах⁵.

В военно-исправительные роты могли быть отправлены только рядовые военнослужащие, которых не исключали из военного ведомства, однако время, проведенное под арестом, в срок службы не включалось.

Начальниками рот были военные в звании от майора до полковника. Сами же роты были рассчитаны: Бобруйская на 120 чел.; Киевская на 700, Дианбургская и Кронштадтская по 600 в каждой, Брест-Литовская на 400 чел., Свеаборгская на 300, Новогоргиевская на 225; Рижская, Ивангородская, Херсонская, Бендерская, Динамидская, Выборгская на 200 чел. каждая; Омская и Оренбургская на 110 в каждой. Кроме командиров и рядового состава штат предусматривал помощников начальников: майоры (от 0 до 2), обер-офицеры (от 0 до 2), младшие обер-офицеры (от 1 до 10). Кроме того, в бюджетах рот

предусматривались средства на найм сторожей, канцелярские расходы, на вознаграждение вольнонаемных мастеров⁶.

Арестантов делили на две категории: испытываемые и исправляющиеся. Для того чтобы арестованные исправлялись, к ним принимались такие меры воздействия, как строгое исполнение внутреннего порядка, умственные и религиозные упражнения, постоянные труд, соблюдение молчания. Руководство рот вело дневники поведения заключенных, в которых записывалось их ежедневное поведение. В конце месяца подсчитывались штрафные дни и дни хорошего поведения, за что могли начисляться баллы. К 1875 году существовало уже девятнадцать исправительных рот.

В 1891 году произошли некоторые изменения в характере определения преступников. Так, согласно новому воинскому уставу, в военно-исправительные учреждения было решено включать лишь тех, кто совершил военные преступления. Другие нижние чины, которые осуждались за преступления общего характера, сразу же после приговора устранялись из состава военного ведомства и передавались гражданскому ведомству для отбытия наказания на основании общих законов.

Осужденных в армейских пенитенциарных заведениях стало меньше. С уменьшением числа лиц, отправляемых в такие заведения, пришлось изменить и сам характер этих заведений, уменьшить их количественно, а также сократить численность пребывающих там. Было приказано реформировать военно-исправительные части в дисциплинарные роты.

⁴ См.: Бочаров А.А. Создание и деятельность исправительных учреждений морского ведомства России : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02. СПб., 2005. 24 с.

⁵ Шинджихашвили Д.И. Министерство Внутренних Дел царской России в период империализма. Омск, 1974. 67 с.

⁶ Курабцева А.П. Формирование и развитие военно-исправительных рот в Российской империи (1867–1878 гг.) // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Серия: Юридические науки. 2016. Т. 2 (68). № 2. С. 81–91.

Затем начали формироваться также дисциплинарные команды, батальоны и части. Во все эти учреждения направлялись за воинские преступления нижние воинские чины. Главной задачей исправления в этих заведениях было исправление солдата, а не человека, сделавшего зло. Солдата, который не выполнил воинский устав, ставили в более тяжелые условия существования, с целью приучить его «к требованиям дисциплины и обязанностям строевой службы». Любая рота или батальон, из числа дисциплинарных, представляли собой отдельную воинскую часть со всеми атрибутами последней.

В дисциплинарные части направлялись по приговорам судов, военно-окружных или полковых. Если это было самостоятельное наказание, то ему соответствовало ограничение некоторых прав и привилегий по службе, а также перевод в разряд штрафованных; если же наказание назначалось в замену общего, то влекло за собой лишение некоторых особенных, личных и присвоенных прав и привилегий. Но при этом осужденные, лишаясь знаков отличия, сохраняли медали за участие в войнах и походах и кресты равного с ними достоинства. Наказание имело четыре срока: от одного до трех лет.

Заклученные, а именно так именовались отправленные в военно-исправительные части, носили военную форму, а не робы, как у гражданских заключенных. Они располагались в общем помещении, устроенном по принципу казармы, а не камеры, однако помещение было обнесено оградой, ворота находились под строгой охраной, и никто из посторонних без особого разрешения на территорию попасть не мог. Содержание караула могло возлагаться на состав заключенных по усмотрению командующего войсками округа.

Правила свиданий подчинялись общетюремным нормам, т.е. были такие

же, как и для гражданских пенитенциарных заведений. Однако особым было пожелание именно редких свиданий и с крайней разборчивостью. Заключенные занимались физкультурой, строевой подготовкой, тренировались со шпагами, стреляли, изучали грамоту и Библию. Строевая подготовка велась как на территории тюрьмы, так и за пределами ограждения. В распорядке дня, который определялся регламентом, выделялось время для отдыха заключенных. В это время они могли находиться как у себя в камере, так и в казармах.

Интересен тот факт, что для категории исправляющихся существовала возможность за хорошее поведение получить увольнение и покинуть на время тюрьму, а если заключенный постоянно отличался таким поведением, то мог добиться сокращения срока своего заключения более чем на четверть.

Кроме заключения в дисциплинарные части практиковалась и такая исключительная мера наказания, как заключение в крепость. В крепость отправлялись на срок от четырех недель до четырех лет, и чем больше был срок заключения в крепости, тем больших особенных прав и преимуществ лишался заключенный.

Следующим видом наказания для совершивших военные преступления являлось заточение. В отличие от заключения в исправительные части или в крепость, заточение определялось не судом, а высочайшей властью, или властью главнокомандующего (в военное время). Заточением обычно заменяли смертную казнь, ссылку в Сибирь или каторгу, поэтому оно определялось очень долгим сроком от десяти до двадцати лет и считалось самым тяжелым видом наказания. Тот, кого наказывали таким образом, увольнялся со службы и лишался всех своих званий и наград.

Еще одним исправительным учреждением, согласно положениям 1867 г.,

являлись военные тюрьмы, куда могли быть отправлены все рядовые военно-служащие, а также некоторые офицеры, как за воинские, так и за общие преступления, если это не приводило к лишению армейского звания и отставке с военной службы. Заключение составляло сроки от одного до четырех месяцев и имело своим следствием ущемление служебных полномочий, а для непривилегированных сословий — отправление в разряд штрафованных заключенных⁷.

Военные тюрьмы формировались на принципах строгого одиночного содержания. В основу их работы было определено правило увеличения суровости взыскания. Суровость выражалась в увеличении продолжительности срока заключения. Но если сначала предусматривалось, что весь срок заключения арестант проведет безвыходно в своей камере, то после принятия Положения 1883 г. строгость одиночного заключения смягчили. А еще до этого, в 1875 г., максимальный срок ареста в тюрьме был сокращен с шести до четырех месяцев.

Свидания, даже с родственниками, арестантам были запрещены. Заключенный работал, принимал пищу, отдыхал практически не выходя из камеры. Его выводили лишь для прогулки и физических упражнений, при этом он должен был молчать. В случае болезни человека могли отправить в госпиталь, однако время пребывания в медицинском учреждении не засчитывалось в срок наказания.

Офицеры довольно редко попадали в военные тюрьмы, для них существовала альтернатива такому виду заключения — гауптвахта на срок от одного до шести месяцев, причем это время из срока военной службы не высчитывалось.

В то же самое время, что и в военном министерстве, создавалась пенитенциарная система в морском. В Кронштадте была организована морская следственная тюрьма, куда направлялись младшие военно-морские чины, которые должны были предстать перед следствием и судом.

Но учреждению этого заведения на флоте предшествовали длительные дебаты между руководителями флота страны. Они обсуждали наиболее разумные и конструктивные способы наказания нижних чинов, которые совершили преступления во время прохождения воинской службы. В основу создания проекта действительного статского советника К. Яневича-Яневского, а также состоявшего при управляющем Морским министерством генерал-адъютанте Н.К. Крабе лег опыт создания лучших иностранных тюрем. Этот проект, содержащий в себе также приложения и временные правила о порядке и сроках содержания в ней заключенных, был рассмотрен особой комиссией. Ее председателем был назначен главноуправляющий 2-м отделением Собственной Его Императорского Величества канцелярии граф В.Н. Панин. В работе также приняли участие управляющий Морским министерством, военный министр, министр внутренних дел, юстиции, финансов. Проект был утвержден высочайше 2 ноября 1864 г.

Первое исправительное учреждение военного флота разместилось в городе на Неве, в здании арестантской башни, находившейся на острове Новая Голландия, ограниченный рекой Мойкой, Крюковым и Адмиралтейским каналами. Место заключения получило название «Военно-исправительная тюрьма морского ведомства». Начало ее работы планировалось на 1 января 1865 г., содержаться в ней должны были 200 арестантов. Действительной датой начала деятельности тюрьмы стало 3 января

⁷ Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Эфрона. Т. 34. Полут. 67. СПб., 1902.

1865 г., так как именно в этот день в нее поступили первые заключенные.

Заведение находилось в подчинении директора Инспекторского департамента Морского министерства, а непосредственно заведовал тюрьмой начальник, которого назначали на должность Высочайшим приказом по флоту и морскому ведомству из числа военно-морских штаб-офицеров. Также в штат входили два начальника отделений, комиссар, заведовавший финансами, 2 фельдфебеля, комплект унтер-офицеров (по 1 на 14 заключенных), 2 горниста, священник, причетник, старший врач (одновременно заведовавший в медицинском отношении тюремным лазаретом), 2 фельдшера и вольнонаемный письмоводитель. В обязанности начальника тюрьмы, кроме общего руководства, входило ведение реестра заключенных, журнала происшествий и ведомости о нравственном поведении каждого заключенного. Начальник тюрьмы трижды в год предоставлял выписку из ведомости директору Инспекторского департамента. В положении о тюрьме отмечалось, что начальник тюрьмы должен вникать во все подробности тюремной жизни и порядка.

На тюремном совете, в который входили начальник тюрьмы, начальники отделений, священник и тюремный врач, решались различные вопросы: об изменении системы заключения, порядке содержания и занятий заключенных. Для детального инспектирования тюрьмы с периодичностью одного раза в год прибывали назначаемые руководством старшие офицеры одного из крупнейших кораблей Балтийского флота. По результатам проверки они писали подробнейший отчет в виде рапорта и подавали его главе Морского министерства.

Долгое время эта тюрьма являлась единственным пенитенциарным учреждением для нужд российского военно-морского флота.

Для Черноморского флота и Каспийской флотилии в начале 80-х гг. XIX в. был переоборудован бывший военный конвойный корабль «Память Меркурия». Переустройство этого судна, пришвартованного на якорях к берегу в Севастополе, началось в июне 1883 г. Именно на нем предполагалось разместить первую плавучую тюрьму. Положение о новом исправительном заведении (Военно-исправительной плавучей тюрьме) было утверждено 11 апреля 1883 г. Оно должно было начать свою деятельность 1 апреля 1884 г. Одной из особенностей функционирования этой тюрьмы стало то, что она находилась в подчинении лишь у командующего Черноморским флотом, штаб-квартира которого была в Николаеве. При этом руководитель тюрьмы подчинялся командующему Севастопольским портом, из-за чего возникало двойственное подчинение, которое упразднилось лишь в начале XX в., когда главное управление Черноморским флотом было перемещено в Севастополь и с 3 марта 1901 г. ее начальник тюрьмы перешел в прямое подчинение главнокомандующему Черноморским флотом.

В плавучей тюрьме содержалось меньшее количество заключенных, чем в Военно-морской тюрьме Петербурга, и штат был гораздо меньше. В ней, кроме начальника, служили его помощник, считавшийся старшим офицером, морской офицер, несший материальную ответственность за имущество корабля, священник, врач — заведующий в медицинском отношении тюрьмой и тюремным лазаретом, фельдшер и писарь. Команда тюрьмы состояла из боцмана, двух боцманматов, 5 квартирмейстеров и 10 матросов. Кроме медработника и священнослужителя, все военнослужащие моряки обязаны были проживать на судне и покидали его лишь с разрешения командира. Эта плавучая тюрьма, так же как и в

Санкт-Петербурге, инспектировалась раз в год назначаемыми офицерами кораблей Черноморского флота. О ее состоянии рапортом докладывалось главнокомандующему Черноморским флотом⁸.

Одновременно с этим матросов могли отправить отбывать наказание в дисциплинарные части военного ведомства. Но постепенно дисциплинарные части не смогли принимать матросов из-за переполнения, и эту практику пришлось прекратить. В 1906 году в Кронштадте был создан временный морской дисциплинарный батальон, который, правда, просуществовал недолго — около года.

Заменить его был призван дисциплинарный флотский полуэкипаж, который должен был расположиться в Архангельске, на острове Соломбала в заброшенной казарме. Об этом было указано в высочайшем повелении от июля 1907 г. Архангельский полуэкипаж передавался в распоряжение начальника Главного морского штаба. Уже в начале августа более двухсот заключенных были переведены из Кронштадта в Архангельск.

Это учреждение стало самым значительным по количеству заключенных и служащих на российском флоте того

времени. При создании полуэкипажа в нем числились 1 штаб-офицер, 7 оберофицеров, 1 врач, 2 гражданских чиновника морского ведомства, 12 кондукторов и 63 нижних чина кадрового состава. Охранную и конвойную службу в полуэкипаже несли прикомандировывавшиеся к нему подразделения различных частей армии⁹.

Таким образом, создание исправительных учреждений в армии и на флоте явилось закономерным шагом в реализации одной из составляющих реформ в военном и морском ведомстве России в 1850–1860-х гг.: ограничение телесных наказаний в отношении нижних чинов флота, заменить которые в качестве основного вида уголовного наказания и было призвано тюремное заключение. Именно в деятельности первых тюрем были апробированы важнейшие принципы системы содержания заключенных, в частности, раздельное содержание заключенных в ночное время и их привлечение днем к производительному труду и военным упражнениям, а также основные подходы к разрешению проблемы их исправления. Организацию и деятельность этих исправительных заведений во второй половине XIX в. можно рассматривать в качестве первого этапа формирования пенитенциарной системы военного и морского ведомств.

⁸ Аверкин Н.Ю. Система исправительных учреждений для нижних чинов русского флота во второй половине XIX в. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2012. № 3 (17) : в 2 ч. Ч. I. С. 17–19.

⁹ Егошин О.А. Исполнение и отбывание наказания нижними чинами царской армии в военно-исправительных учреждениях // Марийский юридический вестник. 2007. Вып. 5. С. 201–226.

Литература

1. Аверкин Н.Ю. Система исправительных учреждений для нижних чинов русского флота во второй половине XIX в. / Н.Ю. Аверкин // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2012. № 3–1 (17). С. 17–19.
2. Бочаров А.А. Создание и деятельность исправительных учреждений морского ведомства России : автореферат диссертации кандидата исторических наук / А.А. Бочаров. Санкт-Петербург, 2005. 24 с.
3. Егошин О.А. Исполнение и отбывание наказания нижними чинами царской армии в военно-исправительных учреждениях / О.А. Егошин // Марийский юридический вестник. 2007. № 5. С. 201–226.

4. Курабцева А.П. Формирование и развитие военно-исправительных рот в Российской империи (1867–1878 гг.) / А.П. Курабцева // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Серия: Юридические науки. 2016. Т. 2 (68). № 2. С. 81–91.
5. Кушнир С.И. Изучение истории реформирования военно-морских исправительных учреждений 2-й пол. XIX в. / С.И. Кушнир // Военно-юридический журнал. 2018. № 7. С. 29–31.
6. Шинджикашвили Д.И. Министерство Внутренних Дел царской России в период империализма (структура, функции, реакционная сущность, связь с другими министерствами) : учебное пособие / Д.И. Шинджикашвили. Омск : Омская высшая школа милиции, 1974. 111 с.
7. Энциклопедический словарь. Т. 34 (67): Трумп — Углеродистый кальций / под редакцией И.Е. Андреевского. Санкт-Петербург : Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон, 1902. 462 с.

References

1. Averkin N.Yu. Sistema ispravitelny'kh uchrezhdeniy dlya nizhnikh chinov russkogo flota vo vtoroy polovine XIX v. [The System of Penal Institutions for Lower Ranks of the Russian Navy in the Second Half of the XIX Century] / N.Yu. Averkin // Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kulturologiya i iskusstvovedenie. Voprosy` teorii i praktiki — Historical, Philosophical, Political and Legal Sciences, Cultural Studies and Studies of Art. Issues of Theory and Practice. 2012. № 3–1 (17). S. 17–19.
2. Bocharov A.A. Sozдание i deyatelnost ispravitelny'kh uchrezhdeniy morskogo vedomstva Rossii : avtoreferat dissertatsii kandidata istoricheskikh nauk [The Establishment and Operations of Penal Institutions of the Russian Maritime Administration : author's abstract of thesis of PhD in History] / A.A. Bocharov. Sankt-Peterburg — Saint Petersburg, 2005. 24 s.
3. Egoshin O.A. Ispolnenie i otby'vanie nakazaniya nizhnimi chinami tsarskoy armii v voenno-ispravitelny'kh uchrezhdeniyakh [The Execution and Service of Punishment by Lower Ranks of the Tsarist Army in Military Penal Institutions] / O.A. Egoshin // Mariyskiy yuridicheskiy vestnik — Mari Legal Bulletin. 2007. № 5. S. 201–226.
4. Kurabtseva A.P. Formirovanie i razvitie voenno-ispravitelny'kh rot v Rossiyskoy imperii (1867–1878 gg.) [The Establishment and Development of Military Correctional Companies in the Russian Empire (1867 to 1878)] / A.P. Kurabtseva // Ucheny'e zapiski Kry'mskogo federalnogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo. Seriya : Yuridicheskie nauki. 2016. T. 2 (68) — Scientific notes of the V.I. Vernadsky Crimean Federal University. Series : Legal Sciences. 2016. Vol. 2 (68). № 2. S. 81–91.
5. Kushnir S.I. Izuchenie istorii reformirovaniya voenno-morskikh ispravitelny'kh uchrezhdeniy 2-y pol. XIX v. [Study of the History of Reformation of Naval Penal Institutions of the 2nd Half of the XIX Century] / S.I. Kushnir // Voенно-yuridicheskiy zhurnal — Military Law Journal. 2018. № 7. S. 29–31.
6. Shindzhikashvili D.I. Ministerstvo Vnutrennikh Del tsarskoy Rossii v period imperializma (struktura, funktsii, reaktionnaya suschnost, svyaz s drugimi ministerstvami) : uchebnoe posobie [The Ministry of Internal Affairs of Tsarist Russia During the Period of Imperialism (the Structure, Functions, Reactionary Essence, Cooperation with Other Ministries) : textbook] / D.I. Shindzhikashvili. Omsk : Omskaya vy'sshaya shkola militsii — Omsk : Omsk Higher Police School, 1974. 111 s.
7. Entsiklopedicheskiy slovar. T. 34 (67): Трумп — Углеродистый кальций [Encyclopedic Dictionary. Vol. 34 (67): Trumpp — Calcium Carbide] / pod redaktsiey I.E. Andreevskogo. Sankt-Peterburg : F.A. Brokgauz, I.A. Efron — edited by I.E. Andreevskiy. Saint Petersburg : F.A. Brokgauz, I.A. Efron, 1902. 462 s.

Мы в социальных сетях Facebook и Instagram!

Анонсы мероприятий, фотоотчёты
и свежие новости нашего издательства.

ПОДПИСЫВАЙТЕСЬ!

Facebook: <https://www.facebook.com/ig.lawinfo/>

Instagram: <https://www.instagram.com/ig.lawinfo/>

DOI: 10.18572/1812-3805-2020-8-55-60

Меры противодействия насильственным преступлениям в истории российского уголовного права

Аксенов Алексей Николаевич,
преподаватель кафедры уголовно-правовых дисциплин
Института международного права и экономики
имени А.С. Грибоедова
pravo21vek@mail.ru

В статье анализу подвергаются этапы законодательного оформления уголовно-правовых мер противодействия насильственным преступлениям. Особое внимание уделяется формированию национального уголовного законодательства в сфере противодействия насильственной преступности с учетом присущих России социально-экономических, политико-правовых, религиозных, культурных и иных особенностей.

Ключевые слова: уголовное право, уголовно-правовая политика, насильственные преступления, насильственная преступность, уголовное наказание.

Means of Combating Violent Crimes in the History of Russian Criminal Law

Aksenov Aleksey N.
Lecturer of the Department of Criminal and Legal Disciplines
of the A.S. Griboedov Institute of International Law and Economics

The article analyzes stages of the legislative consolidation of criminal law means of combating violent crimes. Special attention is paid to the establishment of national criminal laws in combating violent crimes taking into account socioeconomic, political, legal, religious, cultural and other peculiarities existing in Russia.

Keywords: criminal law, criminal law policy, violent crimes, violent crime, criminal punishment.

Условия глобализации обострили проблему насилия, в том числе криминального. Уголовное законодательство Российской Федерации, основанное на современной уголовно-правовой политике, направлено на обеспечение личной неприкосновенности от преступных посягательств, включая совершенные с применением насилия.

Анализ национальной системы права позволяет отметить, что наиболее эффективным средством противодействия насильственной преступности является уголовное наказание, используемое для профилактики, предупреждения и пресечения насильственных посягательств на личность. Систематические редакционные изменения и дополнения уголовного закона в об-

ласти криминализации и пенализации насильственных преступлений заставляют задуматься относительно истоков происхождения данной проблемы.

За период действия Уголовного кодекса РФ (УК РФ) в его содержание были внесены многочисленные изменения и дополнения, касающиеся преступлений насильственной направленности. В этой связи в настоящее время насилие присутствует не только в разделе VII «Преступления против личности», но и в других разделах Особенной части УК РФ. Учитывая сложность модернизации современного уголовного закона, представляется необходимым обращение к национальному опыту совершенствования норм, регламентиру-

ющих ответственность за насильственные преступления.

Анализ развития российской государственности позволяет раскрыть особенности формирования национальных уголовно-правовых мер, обеспечивающих противодействие насильственной преступности. Следует подчеркнуть, что на страницах юридической литературы учеными активно исследуются вопросы совершенствования механизма уголовно-правового противодействия посягательствам на жизнь и здоровье¹. Однако насилие имеет место в преступлениях, нарушающих и иные объекты уголовно-правовой охраны. Вследствие этого логичным представляется последовательный анализ этапов формирования механизма уголовно-правового противодействия включенным в уголовное законодательство России насильственным преступлениям.

Связанное с формированием государственности образование человеческой цивилизации сталкивается с проблемой свободы человека, характеризующейся личным определением индивидуумом линии и меры дозволенного поведения. Исходя из этого, свобода одних индивидов выступает реальной угрозой безопасности жизни, здоровья, неприкосновенности других членов общества.

Регулирование уголовных правоотношений в период возникновения Древнерусского государства осуществляется на основе языческих обычаев, придающих приоритетное значение кровной мести по принципу «око за око, зуб за зуб». Руководство данным обычаем предоставляло потерпевшему или его родственникам право расправы

над преступником. Перечень «мстителей» определялся с учетом ближайшего родства кругом родственников потерпевшего (отца, сыновней, братьев и племянников). Нежелание мести либо отсутствие ближайших родственников предоставляло право назначения уголовного штрафа — «выкупной цены».

Появление Русской Правды создаст предпосылки для законодательного оформления насильственных преступлений². Социально-экономические и политико-правовые противоречия, обусловленные конфликтом личных и имущественных интересов, разрешаемым преимущественно путем посягательств на жизнь и здоровье человека, фактически предопределили зарождение насильственной преступности в России.

Уголовная ответственность предусматривалась за посягательства на жизнь и здоровье представителей административно-княжеского аппарата, которые карались более строгими видами наказаний. Пространная Правда содержала ряд статей, регламентировавших ответственность за преступления против жизни и здоровья. В статьях 1–21 Пространной Правды подробно описываются признаки убийства и конкретные его разновидности. Составы, устанавливающие уголовную ответственность за посягательства на телесную неприкосновенность личности, зафиксированы в ст. 23–31, 65, 67–68, 78 Пространной Правды (ПП). Преступления против здоровья включали две разновидности: 1) нанесение увечий, ран, побоев; 2) членовредительство.

Насилие имело место и в других составах преступлений, в том числе посягающих на иные объекты, охраняемые нормами уголовного права. Среди насильственных преступлений внимания также заслуживают следующие составы в Пространной Правде — «толкание к себе или от себя», «нанесение удара по

¹ Авдеев В.А., Авдеева Е.В. Механизм уголовно-правового регулирования преступлений против жизни и здоровья в истории российского права // *Lex Russica*. 2018. № 10 (143). С. 157–165; Игнатов А.Н. Социально-демографическая и уголовно-правовая характеристика личности современного насильственного преступника // *Криминология: вчера, сегодня, завтра*. 2015. № 4 (39). С. 93–94; Чахов Г.Н. Личность современного насильственного преступника как объект криминологического изучения: дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2004.

² Артюшина О.В. Вопросы квалификации умышленных преступлений против жизни и здоровья // *Правоприменение*. 2017. № 3. С. 135.

лицу или удар жердью», «вырывание волос из бороды» (ст. 31, 67 ПП). Данный перечень насильственных преступлений был дополнен составами, которые вошли в церковные уставы Владимира и Ярослава Мудрого. К ним относили похищение и изнасилование боярских жен и дочерей.

В дальнейшем противодействие насильственной преступности предопределило эволюцию уголовной ответственности в контексте преследуемых целей уголовного наказания. Для устрашения подданного населения и предупреждения посягательств на жизнь и здоровье главы государства, представителей административно-судебного аппарата массово назначалась судом смертная казнь. Разграничению, исходя из содержания летописных материалов, подлежали простая и квалифицированная смертная казнь. Смертная казнь производилась публично — на торговой площади при большом скоплении народа посредством утопления, повешения, сожжения и убиения камнями³.

Затем в рамках древнерусского законодательства с учетом имущественной дифференциации общества происходит закрепление таких целей уголовно-правового воздействия, как возмездие и исправление. Например, устанавливалось четкое разграничение в рамках древнерусского законодательства таких видов наказания, как «поток и разграбление», телесные и членовредительские наказания, уголовный штраф, лишение свободы.

Назначение «потока и разграбления» устанавливалось за убийство в разбое. «Поток» предусматривал следующие лишения и ограничения: 1) лишение осужденного лица социального статуса (чина); 2) лишение осужденного лица права проживать с женой и детьми на прежнем месте жительства; 3) изгнание осужденного лица на «чужбину» (ст. 7, 35, 83 ПП). Дополнительным к

«потоку» наказанием являлось «разграбление», которое представляло собой полную конфискацию имущества.

Посягательство на жизнь и здоровье представителями великокняжеской власти влекло назначение наказания в виде лишения свободы путем помещения осужденных в тюрьмы, которые назывались «порубами» и «погребями».

В Пространной Правде фиксируется назначение двойного уголовного штрафа. Размер штрафа варьировался исходя из состава преступления и социального статуса виновного и потерпевшего. Убийство влекло назначение «виры» в пользу великого киевского князя и «головничества» — в пользу родственников убитого. Убийство «княжа муж» предполагало достижение размера «виры» до 80 гривен серебра (ст. 3 ПП). Максимальный размер «виры» сокращался наполовину за убийство иных имеющих статус свободы лиц мужского пола (ст. 1, 11). Убийство свободной женщины каралось вирой в 20 гривен серебра (ст. 88). В случае убийства феодально-зависимых смердов и лично-зависимых челядинов вира не превышала 6 гривен серебра (ст. 14, 16). По усмотрению суда определялся размер «головничества».

Посягательство на здоровье, связанное с нанесением ран, побоев, иных увечий или совершением членовредительства, сопровождалось назначением уголовного штрафа в пользу князя — «продажа» и в пользу потерпевшего — «урок». Нанесение ран мечом влекло продажу в размере 3 гривен серебра, урок — 1 гривны серебра (ст. 30). «Выбитие зуба до крови» обуславливало взыскание «продажи» в размере 12 гривен серебра, «урока» — 1 гривны серебра.

Летописный материал свидетельствует о распространении в судебной практике вотчинных квазисудов телесных болезненных наказаний, осуществляемых посредством розг и клеймения. Согласно ст. 65 Пространной Правды регламентируется применение «сечения» к холопу, ударившему свободного человека.

³ Сергеевич В.И. Лекции и исследования по истории русского права. СПб., 1883.

Устрашение населения и предупреждение посягательств на жизнь, здоровье главы государства и представителей административно-судебного аппарата обеспечивались назначением смертной казни. Летописные материалы свидетельствуют о разграничении простой и квалифицированной смертной казни, исполняемой на торговой площади при публичном скоплении народа посредством утопления, повешения, сожжения и убиения камнями⁴.

Псковская судная грамота регламентирует уголовную ответственность за применение насилия в отношении представителя власти (ст. 58). Псковское законодательство предусматривает денежный штраф за разбой (ст. 24). В случае отказа потерпевшего от иска разбойнику князь лишается следуемой в его пользу с ответчика пени (ст. 52). Разграничению подлежали преступления против жизни и здоровья⁵. К преступлениям против жизни и здоровья причисляли убийство и побои. Убийство («головщина») заключалось в причинении смерти другому человеку и влекло денежное взыскание — продажу в размере одного рубля (ст. 96). Законом стали разграничиваться составы отцеубийства и братоубийства (ст. 97).

Судебник 1497 г. к числу преступлений против жизни и здоровья причислял убийство и побои. Квалифицирующим признаком «душегубства» признавалось причинение приписными крестьянами и горожанами смерти своим господам. Наказанием убийце государя служила смертная казнь (ст. 9). Квалифицирующее значение имело совершение убийства имеющим судимость за ранее реализованное преступление лицом («ведомым лихим человеком»).

Соборное уложение 1649 г. относило к насильственным преступлениям убийство, нанесение вреда здоровью, разбой. Совершение умышленного

убийства наказывалось смертной казнью (ст. 72 гл. XXI). Смерти без пощады подвергались умышленно причинившие смерть отцу или матери сын или дочь. Тюремное заключение сроком на один год влекло смертное убийство отцом или матерью детей (ст. 3 гл. XXII). Причинение вреда здоровью каралось отсечением руки, ноги, носа, ушей, губ и выкалыванием глаз.

Существенное расширение перечня насильственных преступлений отмечалось в Артикуле Воинском 1715 г. Перечень насильственных преступлений включал убийство, убийство новорожденного ребенка, убийство матери или отца, убийство офицера, самоубийство, нанесение вреда здоровью, побои, насильственные действия сексуального характера, изнасилование, разбой. Убийство каралось смертной казнью в виде отсечения головы. Исполнение смертной казни осуществлялось посредством колесования в случае умышленного причинения смерти матери, отцу, младенцу, офицеру (арт. 139, 140, 143).

Свод законов Российской империи 1832 г. регламентировал раздел — «О смертоубийстве умышленном», в котором предусматривались преступления против жизни и здоровья и наказания за их совершение⁶. Тожественные меры ответственности предусматривались за убийство в драке и неосторожное смертоубийство (ст. 332–337)⁷.

Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. в разделе III «О преступлениях государственных» содержит термин «насилие» при регламентации посягательств на жизнь, здоровье, честь, свободу государя императора. Приготовление, покушение и оконченное преступление наказывалось лишением всех прав состояния и смертной казнью (ст. 263–265).

Дифференциации в гл. I «О смертоубийстве» подлежала уголовная от-

⁴ Сергеевич В.И. Лекции и исследования по истории русского права. СПб., 1883.

⁵ Авдеева О.А. Правовая политика России в XII–XIV вв. : учебное пособие. Иркутск, 2002. С. 46.

⁶ Долголенко Т.В. Преступления против жизни и здоровья. М., 2016. С. 26.

⁷ Свод законов Российской империи. Кн. 5. Т. 15. СПб., 1909.

ветственность за ряд насильственных преступлений. Указанный перечень составов образовывали умышленное убийство отца или матери, повторное смертоубийство, преднамеренное убийство и т.п. Регламентировались в гл. II «О самоубийстве» ответственность за лишение и покушение на лишение себя жизни, склонение к самоубийству, побуждение вверенного или подчиненного лица к самоубийству (ст. 1943–1947). Законодательному оформлению в гл. III «О нанесении увечья, ран и других повреждений здоровью» подлежали тяжкое и менее тяжкое увечье. Примечательной является регламентация в гл. VI «О оскорблении чести» состава растления с применением насилия не достигшей четырнадцатилетнего возраста девицы. Совершение указанного деяния влекло наказание в виде лишения всех прав состояния и ссылки в каторжную работу в крепостях от десяти до двенадцати лет. Отсутствие изъятия по закону от телесных наказаний позволяет наказание плетью с наложением клейм (ст. 1998).

Широкое распространение насильственной преступности в России отмечается на рубеже XIX–XX вв. Возросшие социальные противоречия, межнациональные конфликты, войны, дальнейшая дифференциация общества обуславливают необходимость совершенствования уголовно-правовых мер противодействия насильственной преступности. Результатом становится новеллизация уголовного законодательства, направленного на пресечение преступлений, совершенных с насилием.

Совершенствование уголовно-правовых мер противодействия насильственной преступности находит отражение в Уголовном уложении 1903 г. Новое уголовное законодательство регламентировало наказание в виде смертной казни за посягательство на неприкосновенность священной особы императора, императрицы, наследника престола. Оскорбление памяти усопших царственных особ каралось заключением в крепость.

Насильственная преступность наиболее ярко раскрывалась в предусмотренных гл. XXII Уголовного уложения преступлениях против жизни и здоровья. Преступлениями против жизни признавались исключительно посягательства на жизнь другого человека. Декриминализации подлежало самоубийство. Приоритетное место среди преступлений против жизни отводилось основному составу убийства (ст. 453). Далее следовали квалифицированные и привилегированные виды убийства. Среди видов убийства внимания заслуживали убийства: отца или матери, священнослужителя, должностного лица.

Насилие использовалось при совершении преступлений, посягавших и на иные объекты уголовно-правовой охраны. Половые преступления, посягавшие на половую неприкосновенность или половую свободу личности, заслуживают внимания в указанном контексте. Законодательной регламентации подлежали «любоэротические действия» и «мужеложство» (ст. 513–516)⁸.

Подводя итог сказанному, следует заключить, что основные этапы формирования уголовно-правовых мер противодействия насильственной преступности в дореволюционном российском праве имели место в X–XX вв. Тысячелетний опыт истории показывает сложность регулирования связанных с насилием преступлений правовыми средствами, наиболее эффективными из числа которых признаются наиболее строгие виды наказаний. В этой связи актуализируется целесообразность заимствования национального опыта противодействия насильственной преступности, позволяющего учитывать российские особенности конструирования составов преступлений и мер уголовной ответственности за насильственные посягательства на личность и иные объекты уголовно-правовой охраны.

⁸ Новое уголовное уложение. Высочайше утвержденное 22 марта 1903 г. СПб. : Изд. В.П. Анисимова, 1903. 250 с.

Литература

1. Авдеев В.А. Конституционализация уголовного закона в сфере обеспечения права человека на жизнь / В.А. Авдеев, О.А. Авдеева // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. 2014. № 4. С. 207–216.
2. Авдеев В.А. Механизм уголовно-правового регулирования преступлений против жизни и здоровья в истории российского права / В.А. Авдеев, Е.В. Авдеева // Lex Russica (Русский закон). 2018. № 10 (143). С. 157–165.
3. Авдеева О.А. Правовая политика России в XII–XIV вв. : учебное пособие / О.А. Авдеева. Иркутск : Издательство «Оттиск», 2002. 60 с.
4. Артюшина О.В. Вопросы квалификации умышленных преступлений против жизни и здоровья / О.В. Артюшина // Правоприменение. 2017. № 3. С. 133–136.
5. Долголенко Т.В. Преступления против жизни и здоровья : учебное пособие / Т.В. Долголенко. Москва : Проспект, 2016. 129 с.
6. Игнатов А.Н. Социально-демографическая и уголовно-правовая характеристика личности современного насильственного преступника / А.Н. Игнатов // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2015. № 4 (39). С. 93–94.
7. Сергеевич В.И. Лекции и исследования по истории русского права / В.И. Сергеевич. Санкт-Петербург : Тип. и хромолит. А. Траншеля, 1883. 997 с.
8. Чахов Г.Н. Личность современного насильственного преступника как объект криминологического изучения : диссертация кандидата юридических наук / Г.Н. Чахов. Краснодар, 2004. 193 с.

References

1. Avdeev V.A. Konstitutsionalizatsiya ugovornogo zakona v sfere obespecheniya prava cheloveka na zhizn [Constitutionalization of Criminal Law in the Enforcement of the Human Right to Life] / V.A. Avdeev, O.A. Avdeeva // Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Yuridicheskie nauki — Bulletin of the People's Friendship University of Russia. Series : Legal Sciences. 2014. № 4. S. 207–216.
2. Avdeev V.A. Mekhanizm ugovorno-pravovogo regulirovaniya prestupleniy protiv zhizni i zdorovya v istorii rossiyskogo prava [The Mechanism of the Criminal Law Regulation of Crimes Against Life and Health in the Russian Law History] / V.A. Avdeev, E.V. Avdeeva // Lex Russica (Russkiy zakon) — Lex Russica (Russian Law). 2018. № 10 (143). S. 157–165.
3. Avdeeva O.A. Pravovaya politika Rossii v XII–XIV vv. : uchebnoe posobie [The Russian Legal Policy in the XII to the XIV Century : textbook] / O.A. Avdeeva. Irkutsk : Izdatelstvo 'Ottisk' — Irkutsk : Impression publishing house, 2002. 60 s.
4. Artyushina O.V. Voprosy' kvalifikatsii umy'shlenny'kh prestupleniy protiv zhizni i zdorovya [Issues of Qualification of Premeditated Crimes Against Life and Health] / O.V. Artyushina // Pravoprimeneniye — Law Enforcement. 2017. № 3. S. 133–136.
5. Dolgolenko T.V. Prestupleniya protiv zhizni i zdorovya : uchebnoe posobie [Crimes Against Life and Health : textbook] / T.V. Dolgolenko. Moskva : Prospekt — Moscow : Prospect, 2016. 129 s.
6. Ignatov A.N. Sotsialno-demograficheskaya i ugovorno-pravovaya kharakteristika lichnosti sovremennoogo nasilstvennogo prestupnika [Socio-Demographic and Criminal Law Characteristics of the Personality of a Modern Violent Criminal] / A.N. Ignatov // Kriminologiya: vchera, segodnya, zavtra — Criminology: Yesterday, Today, Tomorrow. 2015. № 4 (39). S. 93–94.
7. Sergeevich V.I. Lektsii i issledovaniya po istorii russkogo prava [Lectures on and Research of the Russian Law History] / V.I. Sergeevich. Sankt-Peterburg : Tip. i khromolit. A. Transhelya — Saint Petersburg : A. Transhel's printing office and chromolithography, 1883. 997 s.
8. Chakhov G.N. Lichnost sovremennoogo nasilstvennogo prestupnika kak obyekt kriminologicheskogo izucheniya : dissertatsiya kandidata yuridicheskikh nauk [The Personality of a Modern Violent Criminal as an Object of Criminological Research : thesis of PhD (Law)] / G.N. Chakhov. Krasnodar — Krasnodar, 2004. 193 s.

ЦЕНТР РЕДАКЦИОННОЙ ПОДПИСКИ:

тел. (495) 617-18-88 – многоканальный
8-800-333-28-04 (по России бесплатно)
адрес электронной почты: podpiska@lawinfo.ru

DOI: 10.18572/1812-3805-2020-8-61-68

О природе кровной мести как правового института в системе культурных ценностей и обычного права чеченцев и ингушей

Адуев Валит Абумуслимович,
начальник юридического отдела
Чеченского государственного педагогического университета
aduevhimo84@mail.ru

В статье рассматривается природа и история кровной мести как института обычного права у чеченцев и ингушей, показана сложность и последствия применения данного института. История и юридическая практика по проблемам кровной мести выявляет большое значение данного обычая в системе культурных ценностей и в национальном законодательстве.

Ключевые слова: кровная месть, обычай, обычное право, кровомщение, безопасность рода, тайп, общинно-родовые отношения.

On the Nature of Blood Feud as a Legal Institution in the System of Cultural Values and Common Law of the Chechens and the Ingushes

Aduiev Valit A.
Head of the Legal Department of the Chechen State Pedagogical University

The article discusses the nature and history of blood feud as an institution of customary law in Chechens and Ingushes, and shows the complexity and consequences of the use of this institution. History and legal practice on the problems of blood feud reveals the great importance of this custom in the system of cultural values and in national legislation.

Keywords: blood feud, custom, customary law, blood feud, bloodline security, tribe, communal relationships.

В процессе формирования родового общества как социально-этнической структуры и на всех стадиях его развития, помимо экономических, бытовых и культовых аспектов жизни, большое значение имели вопросы безопасности рода. Персональная зависимость друг от друга и безопасность каждого члена рода обуславливались коллективной ответственностью, безопасностью всего рода как единого целого.

Отдельный член рода являлся экономической, социальной и боевой единицей целого рода. Именно поэтому безопасность каждого члена общины была велика из-за целого ряда причин. В условиях первобытнообщинного строя, когда не было никакой государственной власти, кровная месть являлась средством не только защиты общества в целом, но и самозащиты¹.

Необходимость ограничения воли каждого члена рода нравственными и правовыми методами в обществе, где отсутствовали иные механизмы сдерживания проявлений индивидуальной или коллективной воли и противодействия ей, вызывала потребность в таком суровом, но действенном адате (обычае).

Каждая община стояла стеной за всех членов рода в защите его законных интересов и прав. Поскольку личность и семья были поглощены общиной и полностью от нее зависимы, отдельная личность не мыслила себя вне семьи, фамилии и рода. Процесс поглощения и взаимной ответственности являлся общественно значимым благом, отражающим как интересы отдельной семьи, фамилии, так и всей родовой общины в целом.

Включенный в систему этих отношений, человек был обязан поддерживать авторитет и честь своего рода, фамилии, общины. Отдельная личность отождествлялась со всем родом, а обида, нанесен-

¹ Плиев А.А. Некоторые аспекты правовой культуры чеченцев и ингушей: 1880–1970 годы. М., 2016. С. 10.

ная конкретному представителю сообщества, расценивалась как оскорбление для всей фамилии и общины. Поэтому сородичи и соплеменники были обязаны защищать своего человека от посягательств на его честь, достоинство и жизнь со стороны представителей других родов, фамилий, то есть действовал принцип коллективной ответственности. Фактически таким образом в общинно-родовой период формировались основы нравственности, морали, солидарности, взаимопомощи и справедливости.

Первоначально кровная месть как традиционный институт социально-правового регулирования в системе обычного права чеченцев и ингушей не предполагала примирения: члены рода или весь род не шли на примирение, пока кровь не была отомщена. Как известно, все спорные ситуации до появления шариката в чеченских и ингушских обществах рассматривались по адату, как и у многих народов Кавказа. Однако к делам, возникшим в связи с кровной мезтью, в большинстве случаев это не относилось. Обидчику объявляли кровную мезть, и производство по данному делу не имело смысла, так как убийство кровника оставалось без наказания. Все личные обиды и важнейшие преступления, как то: убийство, насилие — по адату никогда не судятся, и право канлы, т.е. кровомщения, предоставленное в этих случаях обиженным, заменяет закон².

Кровная мезть во многом представляла собой превентивную меру и была обоснована не столько чувством злобной мезти, сколько потребностью достижения социальной справедливости. В некоторых случаях, когда вражда между отдельными представителями сообществ переходила во вражду между родами, кровная мезть приобретала коллективный характер.

Однако по мере развития общества в силу разных причин, в частности осознания всей сложности решения подобных вопросов, в практику вошел выкуп кро-

вомщения. Тайп (род, родовая община) перестал быть объектом кровомщения. Круг лиц, ответственных за совершение кровной мезти, стал со временем также сужаться. Как отмечают некоторые до-революционные исследователи, одной из определяющих причин этого явления стало постепенное осознание всеми необходимости положить предел неограниченности кровомщения, грозившей в конечном счете полнейшим истреблением враждующих родов³.

При этом тайп по-прежнему играл важную роль в вопросах кровной мезти, не допуская, например, чрезмерное, явное отклонение от исполнения мезти, контролируя определение объектов мезти и, самое главное, вопросы примирения враждующих сторон. Фактически горский тайп принимал теперь в осуществлении кровной мезти только косвенное участие: все члены тайпа пострадавшего прекращали всякое общение с членами тайпа убийцы, объявляли им своего рода бойкот⁴.

Несмотря на то что кровная мезть стала носить персональный характер (кровомщению подвергался или сам обидчик, или его близкий родственник, или представитель рода обидчика), принцип коллективной ответственности семьи и рода за поступки и действия каждого из его членов сохранялся.

Интересен и тот факт, что между представителями одного тайпа кровная мезть возникала крайне редко, поскольку сдерживающим фактором служили тесные родственные и соседские отношения. В случае возникновения серьезного конфликта внутри отдельного тайпа отношения между конфликтующими сторонами регулировались старейшинами, что позволяло предотвратить ситуацию кровной мезти.

В большинстве случаев враждовали представители разных тайпов. При этом многие конфликты на почве кровной мезти получали огласку по конкретным

² Леонтович Ф.И. Адааты кавказских горцев // Материалы по обычному праву Северного и Восточного Кавказа. Вып. II. Нальчик, 2002.

³ Ковалевский М.М. Закон и обычай на Кавказе. Т. I—II. М., 1980.

⁴ Кокурхаев К.-С. А.-К. Общественно-политический строй и право чеченцев и ингушей. Грозный, 1989. С. 78.

именам, а позже и фамилиям враждующих сторон, а не тайпов, хотя тайп, не принимая активного участия в конфликте, всегда был включен во вражду.

Субъектами кровной мести чеченцев и ингушей выступали строго ближайшие родственники по отцовской линии потерпевших, начиная с родных и двоюродных братьев кровника и его отца и заканчивая их внуками.

Примечательно, что у некоторых народов Северного Кавказа субъектами кровной мести могла быть и родня по материнской линии. Так, в Ингушетии участие в совершении кровной мести могли принимать и близкие родственники по материнской линии.

У некоторых народов Северного Кавказа исполнение кровной мести имело так называемый «классовый характер». Так, например, у лакцев за убийство старосты, переводчика или другого административного лица взимался двойной штраф обществу и назначалась двойная цена крови родственникам убитого. При этом в Дагестане существовал адат разрушения родней убитого дома убийцы. Законно оставшиеся на родине родственники убийцы давали близким родственникам убитого определенную сумму денег в качестве платы за возможность безбоязненно проживать в своих домах. Позже Шамиль запретил разрушать недвижимое имущество кровного врага, что предписывалось адатами некоторых обществ⁵.

По данным исследователей, в разные исторические периоды на институт кровной мести оказывали прямое или косвенное воздействие различные внешние и внутренние факторы. Так, по замечаниям отдельных авторов, кровная месть в горах до последнего времени имела большое экономическое значение, так как она служила орудием порабощения одного рода другим, потому что, в конце концов, дело сводилось в значительной

степени к тому, чтобы получить с повинного рода ряд выкупов.

Исторические данные свидетельствуют, что выкуп кровной мести для верхушки горского общества зачастую становился способом закабаления бедных и слабых родов. Это приводило к ускорению процесса классовой дифференциации. В источниках отмечены случаи, когда выкуп кровной мести превращался в феодальную, натуральную ренту, переходящую из поколения в поколение⁶.

По мнению некоторых авторов, в обстановке зарождения капиталистических отношений кровная месть стала утрачивать свое бывшее экономическое значение, но и в изменившихся условиях сохранялась. Она стала применяться теперь, так сказать, по своему прямому назначению, поскольку виновник практически потерял возможность откупиться⁷.

В процессе социально-экономического развития общества и начавшегося распада патриархально-родового строя, который можно отнести к концу XVIII и началу XIX в., адаты чеченцев и ингушей видоизменяются, дополняются новыми нормами, выражающими волю «сильных» имущих родов. Система компенсаций по обычаю кровной мести чеченцев и ингушей постепенно с имущественной дифференциацией общества изменила свою первоначальную форму. Так, выкуп за убийство, выплачиваемый прежде всем родом сообща в полной мере, стал перекладываться в большей части на семью виновного. Доля, вносимая сородичами, определялась степенью родственных отношений с убийцей. Кроме того, размер выкупа крови стал различным для разных сообществ⁸.

Сложившиеся социально-экономические, культурные и духовные основы жизни чеченцев и ингушей были обусловлены не только материально-экономическими факторами, но и другими причи-

⁵ Исмаилов М.А., Рамазанов О.А. Кровная месть в Дагестане: к вопросу о природе и механизме реализации // Государство и право народов Кавказа: проблемы становления и развития : материалы международной научно-практической конференции (г. Нальчик, 27–28 апреля 2012 г.). Нальчик, 2012. С. 96–97.

⁶ Яковлев Н. Вопросы изучения чеченцев и ингушей. Грозный, 1927. С. 34.

⁷ Кокурхаев К.-С. А.-К. Общественно-политический строй и право чеченцев и ингушей. Грозный, 1989. С. 77.

⁸ Гантемирова Ф.А. Адаты чеченцев и ингушей (XIII в. — первая половина XIX в.) : автореф. канд. ... ист. наук. М., 1972. 23 с.

нами, связанными с культурным кодом, исторически утвердившимися духовно-ментальными и нравственно-религиозными особенностями этноса.

Преобладание эмоционального фактора момента обиды, требующей полной сатисфакции жертвы, возмещения причиненного вреда, восстановления социальной справедливости, чести и доброго имени фамилии в глазах рода, и исполнение древнего правового института, думается, и были основными мотивами мести, а не возможная экономическая выгода. Только отомстив обидчику, семья и род могли рассчитывать на достойное положение и равноправие с другими в обществе. Безусловно, у чеченцев и ингушей моральное удовлетворение, получаемое при решении данного вопроса, преобладало над материальными приобретениями. Основу развития общества составляла совокупность устойчивых, относительных неизменных мировоззренческих духовно-волевых и морально-нравственных принципов, которые выступают в качестве ментальной матрицы или духовного кода этноса. В соответствии с этим кодом осуществлялось производство и воспроизводство всего социального организма вайнахского общества⁹.

Причины возникновения кровной мести были абсолютно разные и зависели как от случайных, так и от социально-политических и экономических факторов. Причинение имущественного или физического вреда были основным предлогом кровомщения. Очень часто причиной мести становились ссоры, возникшие из-за женщин. Как правило, это было умыкание просватанной девушки. Вражда также разгоралась из-за оскорбления, нанесенного женщине, или какого-либо другого посягательства на женскую честь.

Следует отметить, что у чеченцев и ингушей женщина не могла стать объектом кровной мести, но вместе с тем исто-

рия свидетельствует, что нередко случаи, когда женщина становилась субъектом мести. Подобные случаи происходили тогда, когда потерпевшая сторона не имела близких родственников из числа мужчин. Также история богата случаями, когда женщины выступали в качестве примирителей враждующих сторон благодаря почету и высокому статусу в обществе.

Перерасти во вражду могли обычные бытовые ссоры и конфликты, в ходе которых умышленно либо по неосторожности возникали жертвы. Существенными факторами, способствовавшими бытованию кровной мести, были неразрешенность земельных споров, неурегулированность земельных отношений. Ссоры возникали при перераспределении земель администрациями, межевании земель, ранее находившихся в свободном пользовании общин.

Правила совершения мести у чеченцев и ингушей были строго регламентированы. Существовал перечень обязанностей и запретов, которых должны были строго придерживаться стороны при кровомщении. Например, потерпевшая сторона всегда имела возможность выбора: можно было простить кровь и простить обидчиков, получив при этом выкуп за нее. Немаловажно, чтобы соблюдался принцип эквивалентности при исполнении мести, учитывались способ совершения преступления, степень причиненного ущерба, наличие умысла, пол и возраст.

Преступление, ставшее причиной кровной мести, не имело срока давности. Многие конфликты на этой почве продолжались десятилетиями. По истечении длительного срока с момента совершения преступления кровь нередко прощалась потомками некогда убитого человека. Однако есть данные, что месть совершалась и после примирения враждующих сторон.

Отдельным институтом стал этикет кровников. Виновный, как и его близкие родственники, должен был строго соблюдать этикет кровника. Он избегал людные места, общие сборы, запрещалось присутствовать на траурных или увеселительных мероприятиях.

⁹ Гадаев В.Ю., Гадаев Р.В. О некоторых особенностях эволюции традиционного общества чеченцев // Этногенез и этническая история народов Кавказа : материалы I Международного нахского конгресса (г. Грозный, 11–12 сентября 2018 г.). Грозный, 2018. С. 380.

Также кровники не должны были посещать места совершения религиозных обрядов, мечети. Как правило, кровник выходил из укрытия только в сопровождении родственников мужского пола под страхом кровомщения со стороны потерпевших. Многим из близких родственников кровника приходилось менять места работы, учебы.

Следует отметить, что виновный не мог скрыться полностью из поля зрения кровников и общины, поскольку тогда он ставил под удар кровомщения своих родственников и навлекал позор на общину. Судя по данным источников, скрывались, как правило, те, кто совершил особо тяжкое преступление либо аморальный, порицаемый обществом проступок. Такие виновные зачастую становились абреками и скрывались от общества до тех пор, пока кровь не была отомщена. Нередки и случаи, когда подобных кровников своя же родня изгоняла из селений (аулов) и даже осуществляла расправу над провинившимся родственником, тем самым смывая кровью позор с рода. Отсюда видно, что даже соблюдение отдельных институтов кровной мести было строго отрегулированным процессом.

В результате возникших кровно-враждебных отношений вся тяжесть заботы о семье и ее пропитании ложилась на плечи женщин и детей, так как мужчины практически были лишены возможности заниматься общественно полезным трудом именно в силу соблюдения этикета кровников. Этикет кровников со всеми ограничениями и запретами безусловно сказывался на быте и образе жизни горской общины.

Социально-правовой характер обычая кровной мести проявлялся и в его единстве с принципами морали. Кровная месть являлась правом, санкционированным обществом, и не противоречила его морально-нравственным установкам. И, поскольку в подобных обществах право и нравственность были одним целым, кровная месть являлась не только правом, но и нравственным долгом человека.

Как справедливо отмечает И. Малиновский, «факт мести превращается в

право и обязанность мести. Месть — уже не дикий животный инстинкт, а право, санкционированное юридическими нормами. А так как в древности право, нравственность и религия были слиты, то это не только право, но и нравственный долг, религиозная обязанность; исполнение мести — доблестный подвиг; уклонение от нее — позорный поступок. Это видно из древнейших памятников истории народов»¹⁰.

В условиях советской правовой системы обычное право чеченцев и ингушей не потеряло своей актуальности. Несмотря на законодательный запрет обычной кровной мести в разные периоды советской власти, он продолжал выступать реальным сдерживающим началом во взаимоотношениях чеченцев и ингушей.

Советское государство жестко порицало древний институт обычного права вайнахов, характеризуя его в официальных документах как вредный пережиток прошлого, пережиток местных обычаев и устанавливая жесткие санкции за исполнение кровной мести.

Так, в Уголовный кодекс РСФСР (утв. ВС РСФСР 27.10.1960) была включена гл. 11 «Преступления, составляющие пережитки местных обычаев». В санкциях статей гл. 11 предусматривались реальные сроки лишения свободы сроком до двух лет. Особый интерес представляет примечание, что действие настоящей главы распространяется на те автономные республики, автономные области и другие местности РСФСР, где общественно опасные деяния, перечисленные в настоящей главе, являются пережитками местных обычаев¹¹.

В постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 19 марта 1969 г. № 47 «О судебной практике по делам о преступлениях, составляющих пережитки местных обычаев» было рекомендовано судам республик, автономной области и автономных округов, где еще имеют место преступления,

¹⁰ Малиновский И.А. Кровная месть и смертная казнь : в 2 т. Томск, 1908. С. 330.

¹¹ Уголовной кодекс РСФСР (утв. ВС РСФСР 27.10.1960) (ред. от 30.07.1996) // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 17.06.2020).

составляющие пережитки местных обычаев, принять меры к устранению отмеченных недостатков, в частности, особое внимание уделять работе по предупреждению преступлений, составляющих пережитки местных обычаев. Судам предписывалось чаще рассматривать дела данной категории с участием прокурора и представителей общественных организаций; принимать предусмотренные законом меры к устранению выявленных при рассмотрении дел недостатков в проведении культурно-воспитательной работы среди населения и особенно молодежи, не оставлять без соответствующего реагирования факты неправильных действий отдельных должностных лиц и граждан, а также другие обстоятельства, способствовавшие совершению преступлений¹².

Даже в период тяжелых испытаний в суровые для чеченцев и ингушей годы депортации, когда треть населения было утеряна, а рождаемость была на критическом уровне, народ не отказался от древнего общинно-родового обычая кровной мести. После снятия режима спецпереселенцев и возвращения в родные земли в обществе даже в условиях налаживания мирного уклада и возвращения к нормальной жизни стали всплывать прежние обиды, которые по зову предков требовали возмездия по древним обычаям гор.

Устойчивость традиций, цепкость пережитков, все еще владевших умами некоторой части населения Чечено-Ингушетии, приводили к тому, что, несмотря на значительные изменения в экономике и хозяйственной жизни того периода, после восстановления автономии не произошло повсеместного и всеобщего отхода от «пережитков прошлого». Напротив, как справедливо отмечают некоторые авторы, обнаружилось оживление в соблюдении многих традиций XIX в., в частности обычая кровной мести¹³. Ви-

димо, обычаи предков, подогретые тоской по родным местам на чужбине и невозможностью в годы переселения в полной мере соблюдать данную традицию, оживились, как и некоторые другие, с возвращением народа на землю, где они зародились.

Меткую и яркую характеристику древнему обычаю кровной мести дал А.И. Солженицын, имевший возможность ознакомиться с культурой и менталитетом вайнахов, находясь в те годы, как и чеченцы и ингуши, в ссылке: «Не так много жертв падает по закону кровной мести, но каким страхом веет на все окружающее! Помня об этом законе, какой горец решится оскорбить другого просто так, как оскорбляем мы друг друга по пьянке, по распушенности, по капризу? Кровная месть излучает поле страха — и тем укрепляет горскую нацию»¹⁴.

Кровная месть как социокультурное и правовое явление составляет существенный компонент самосознания этноса. Возможно, поэтому попытки принудительного отчуждения традиций из менталитета и культуры этноса со стороны государственного аппарата оказывались безрезультатными. По мнению многих современных авторов и государственных деятелей, единственной альтернативой социально-правовому институту общинно-родового строя может стать налаженная судебно-правовая система, способная обеспечить в обществе стабильность и правопорядок.

В процессе эволюции общественно-политического сознания этноса, приобщения его к правовой культуре и установления на государственном уровне налаженной, сильной судебной системы подобный институт обычного права должен был кануть в Лету. В наши дни обычай кровомщения по-прежнему запрещен государством под угрозой уголовной ответственности как обстоятельство, отягчающее наказание. Однако на практике мы видим, что данный обычай до сих пор сохранился в обществе.

Можно сказать, что правовая культура народов Северного Кавказа в формате

¹² Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 19 марта 1969 г. № 47 «О судебной практике по делам о преступлениях, составляющих пережитки местных обычаев» (ред. от 21.12.1993) // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 21.05.2019).

¹³ Плиев А.А. Некоторые аспекты правовой культуры чеченцев и ингушей: 1880–1970 годы. М., 2016. С. 115.

¹⁴ Солженицын А. Архипелаг ГУЛАГ. 1918–1956. Ч. 6 // Собр. соч. Т. 6. М., 2000. С. 413–417.

обычного права не является анахронизмом. Нормы адата успешно применяются и соблюдаются в тех случаях, когда это возможно.

Следует отметить, что сложно добиться высокого уровня правовой культуры там, где существуют давние родовые конфликты, порожденные пережитками возрождаемых и сохраняемых общинно-родовых отношений. Противоречия, возникающие при этом, неизбежно отражаются на формировании и развитии маргинального правосознания.

Таким образом, правовое наследие горцев, направленное на урегулирование конфликтов в обществе и основанное на коллективной ответственности, является безусловным достижением северокавказской правовой культуры и может рассматриваться не только как эле-

мент прошлой истории, но и как часть современного и даже будущего культурного пространства региона¹⁵.

Рассматриваемый обычай исторически способствовал сохранению в обществе баланса сил, консолидации, формированию этнической идентичности, оказал существенное влияние на предотвращение зла и разгула бытовой преступности в обществе, тем самым обеспечивая защиту идеалов равенства и справедливости, составлявших духовную основу народов.

¹⁵ Бабич И.Л. Правовое наследие народов Северного Кавказа как ресурс демократии обычного права для межнационального согласия // Культурное наследие Северного Кавказа как ресурс межнационального согласия : сборник научных статей. М. — Краснодар, 2015.

Литература

1. Бабич И.Л. Правовое наследие народов Северного Кавказа как ресурс демократии обычного права для межнационального согласия / И.Л. Бабич // Культурное наследие Северного Кавказа как ресурс межнационального согласия : по материалам докладов и сообщений международного научного форума (г. Геленджик, 3–5 апреля 2015 г.) / ответственный редактор И.И. Горлова. Москва — Краснодар : Принт сервис групп, 2015. С. 51–72.
2. Гадаев В.Ю. О некоторых особенностях эволюции традиционного общества чеченцев / В.Ю. Гадаев, Р.В. Гадаев // Этногенез и этническая история народов Кавказа : материалы I Международного нахского конгресса (г. Грозный, 11–12 сентября 2018 г.) / ответственный редактор С.С. Магамадов ; главный редактор : Ш.А. Гапуров. Грозный : Грозненский рабочий, 2018. С. 378–390.
3. Гантемирова Ф.А. Адаты чеченцев и ингушей (XIII в. — первая половина XIX в.) : автореферат диссертации кандидата исторических наук / Ф.А. Гантемирова. Москва, 1972. 23 с.
4. Исмаилов М.А. Кровавая месть в Дагестане: к вопросу о природе и механизме реализации / М.А. Исмаилов, О.А. Рамазанов // Государство и право народов Кавказа: проблемы становления и развития : материалы международной научно-практической конференции (г. Нальчик, 27–28 апреля 2012 г.) / ответственный редактор Д.Ю. Шапсугов. Нальчик : Перо, 2012. С. 91–99.
5. Ковалевский М.М. Закон и обычай на Кавказе. В 2 томах / М.М. Ковалевский. Москва : Тип. А.И. Мамонтова и К^о, 1890.
6. Кокурхаев К.-С. А.-К. Общественно-политический строй и право чеченцев и ингушей (вторая половина XIX — нач. XX в.) / К.-С. А.-К. Кокурхаев. Грозный : Книга, 1989. 109 с.
7. Леонтович Ф.И. Адаты кавказских горцев : материалы по обычному праву Северного и Восточного Кавказа. В 2 выпусках. Вып. 2. Адаты осетин, чеченцев и кумыков; Свод адатов горцев Северного Кавказа / Ф.И. Леонтович. Одесса : Тип. П.А. Зеленого (б. г. Ульриха, 1883). Переиздание. Нальчик, 2002. 448 с.
8. Малиновский И.А. Кровавая месть и смертные казни. В 2 томах / И.А. Малиновский. Томск : Типо-литография Сибирского т-ва печатн. дела, 1908.
9. Плиев А.А. Некоторые аспекты правовой культуры чеченцев и ингушей: 1880–1970 годы / А.А. Плиев. Москва : Наука, 2016. 156 с.
10. Солженицын А. Архипелаг ГУЛАГ. 1918–1956. Ч. 6 // Солженицын А. Собрание сочинений. В 9 томах. Т. 6 / А. Солженицын. Москва : ТЕРРА, 2000. 591 с.
11. Яковлев Н. Вопросы изучения чеченцев и ингушей : лекция / Н. Яковлев. Грозный : Чечнаробраз, 1927. 48 с.

References

1. Babich I.L. Pravovoe nasledie narodov Severnogo Kavkaza kak resurs demokratii oby'chnogo prava dlya mezhnatsionalnogo soglasiya [The Legal Heritage of the Peoples of the North Caucasus as a Resource of Common Law Democracy for the Interethnic Concord] / I.L. Babich // Kulturnoe nasledie Severnogo Kavkaza kak resurs mezhnatsionalnogo soglasiya : po materialam dokladov i soobscheniy mezhdunarodnogo nauchnogo foruma (g. Gelendzhik, 3–5 aprelya 2015 g.) / otvetstvenny'y redaktor I.I. Gorlova. Moskva — Krasnodar : Print servis grupp — Cultural Heritage of the North Caucasus as a Resource of the Interethnic Concord : based on files of speeches and messages of an international scientific forum (Gelendzhik, April 3 to 5, 2015) / publishing editor I.I. Gorlova. Moscow — Krasnodar : Print Service Group, 2015. S. 51–72.
2. Gadaev V.Yu. O nekotory'kh osobennostyakh evolyutsii traditsionnogo obschestva chechentsev [On Some Peculiarities of Evolution of the Traditional Society of the Chechens] / V.Yu. Gadaev, R.V. Gadaev // Etnogenez i etnicheskaya istoriya narodov Kavkaza : materialy' I Mezhdunarodnogo nakhskogo kongressa (g. Grozny'y, 11–12 sentyabrya 2018 g.) / otvetstvenny'y redaktor S.S. Magamadov ; glavny'y redaktor : Sh.A. Gapurov. Grozny'y : Groznenkiy rabochiy — Ethnogenesis and the Ethnic History of the Peoples of the Caucasus : files of the I international Nakh congress (Grozny, September 11 to 12, 2018) / publishing editor S.S. Magamadov ; editor in chief : Sh.A. Gapurov. Grozny : Grozny Worker, 2018. S. 378–390.
3. Gantemirova F.A. Adaty' chechentsev i ingushey (XIII v. — pervaya polovina XIX v.) : avtoreferat dissertatsii kandidata istoricheskikh nauk [Adats of the Chechens and the Ingushes (the XIII to the First Half of the XIX Century) : author's abstract of thesis of PhD in History] / F.A. Gantemirova. Moskva — Moscow, 1972. 23 s.
4. Ismailov M.A. Krovnyaya mest v Dagestane: k voprosu o prirode i mekhanizme realizatsii [Blood Feud in Dagestan: On the Nature and Implementation Mechanism] / M.A. Ismailov, O.A. Ramazanov // Gosudarstvo i pravo narodov Kavkaza: problemy' stanovleniya i razvitiya : materialy' mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii (g. Nalchik, 27–28 aprelya 2012 g.) / otvetstvenny'y redaktor D.Yu. Shapsugov. Nalchik : Pero — State and Law of the Peoples of the Caucasus: Issues of the Establishment and Development : files of an international scientific and practical conference (Nalchik, April 27 to 28, 2012) / publishing editor D.Yu. Shapsugov. Nalchik : Quill, 2012. S. 91–99.
5. Kovalevskiy M.M. Zakon i oby'chay na Kavkaze. V 2 tomakh [Law and Custom in the Caucasus Region. In 2 volumes] / M.M. Kovalevskiy. Moskva : Tip. A.I. Mamontova i K^o — Moscow : A.I. Mamontov and Co printing office, 1890.
6. Kokurkhaev K.-S. A.-K. Obschestvenno-politicheskiy stroy i pravo chechentsev i ingushey (vtoraya polovina XIX — nach. XX v.) [The Socio-Political Formation and Law of the Chechens and the Ingushes (the Second Half of the XIX to the Early XX Century)] / K.-S. A.-K. Kokurkhaev. Grozny'y : Kniga — Grozny : Book, 1989. 109 s.
7. Leontovich F.I. Adaty' kavkazskikh gortsev : materialy' po oby'chnomu pravu Severnogo i Vostochnogo Kavkaza. V 2 vy'puskakh. Vy'p. 2. Adaty' osetin, chechentsev i kumy'kov ; Svod adatov gortsev Severnogo Kavkaza [Adats of Caucasian Highlanders : files based on common law of the North and East Caucasus. In 2 issues. Issue 2. Adats of the Ossetians, the Chechens and the Kumyks ; The Code of Adats of Highlanders of the North Caucasus] / F.I. Leontovich. Odessa : Tip. P.A. Zelenogo (B.G. Ulrikha, 1883). Pereizdanie. Nalchik — Odessa : Printing office of P.A. Zeleny (B.G. Ulrikh, 1883). Reprint. Nalchik, 2002. 448 s.
8. Malinovskiy I.A. Krovavaya mest i smertny'e kazni. V 2 tomakh [Blood Feud and Death Penalties. In 2 volumes] / I.A. Malinovskiy. Tomsk : Tipo-litografiya Sibirskago t-va pechatn. dela — Tomsk : Typolithography of the Siberian Printing Partnership, 1908.
9. Pliev A.A. Nekotory'e aspekty' pravovoy kultury' chechentsev i ingushey: 1880–1970 gody' [Some Aspects of the Legal Culture of the Chechens and the Ingushes: 1880 to 1970] / A.A. Pliev. Moskva : Nauka — Moscow : Science, 2016. 156 s.
10. Solzhenitsyn A. Arkhipelag GULAG. 1918–1956. Ch. 6 [The GULAG Archipelago. 1918 to 1956. Part 6] // Solzhenitsyn A. Sobranie sochineniy. V 9 tomakh. T. 6 / A. Solzhenitsyn. Moskva : TERRA — Collection of Works. In 9 volumes. Vol. 6 / A. Solzhenitsyn. Moscow : TERRA, 2000. 591 s.
11. Yakovlev N. Voprosy' izucheniya chechentsev i ingushey : lektsiya [Issues of Study of the Chechens and the Ingushes : lecture] / N. Yakovlev. Grozny'y : Chechnarobraz — Grozny : Popular Education of Chechnya, 1927. 48 s.

DOI: 10.18572/1812-3805-2020-8-69-74

Государственная Дума 1906–1917 гг.: палата парламента без парламентаризма

Коновалова Людмила Геннадьевна,
доцент кафедры конституционного
и международного права юридического факультета
Алтайского государственного университета,
кандидат юридических наук, доцент
vaskova82@yandex.ru

В статье анализируется опыт работы Государственной Думы 1906–1917 гг. через призму юридической конструкции парламентаризма. Государственная Дума признается первой палатой парламента в истории нашего государства, однако этот факт не обусловил наличие парламентаризма в России, поскольку рассматриваемый этап характеризуется ограниченным избирательным правом; доминирующим положением императора в системе разделения властей; становлением юридической конструкции закона, но без практического воплощения принципа верховенства закона; отсутствием контрольных функций у парламента и его участия в формировании иных органов власти; неэффективностью защиты прав оппозиции и обеспечения связи населения с механизмом государства; прямой зависимостью судебной власти от монарха. Поэтому деятельность Государственной Думы имперского периода не может рассматриваться в качестве полноценного общенационального представительства.

Ключевые слова: парламентаризм, депутат, разделение властей, Государственная Дума.

The State Duma in 1906 to 1917: The House of Parliament without Parliamentarism

Konovallva Lyudmila G.
Senior Lecturer of the Department of Constitutional and International Law
of the Law Faculty of the Altai State University
PhD (Law), Associate Professor

The article analyzes the experience of the State Duma in 1906–1917. Through the prism of the legal construction of parliamentarism. The State Duma is recognized as the first chamber of parliament in the history of our state, but this fact did not determine the existence of parliamentarism in Russia, since the stage under consideration is characterized by a limited electoral right; the dominant position of the emperor in the system of separation of powers; the formation of the legal design of the law, but without the practical embodiment of the rule of law; lack of control functions of the parliament and its participation in the formation of other authorities; ineffectiveness of the protection of the rights of the opposition and ensuring communication of the population with the mechanism of the state; direct dependence of the judiciary on the monarch. Therefore, the activities of the State Duma of the imperial period can not be regarded as a full-fledged national representation.

Keywords: parliamentarism, deputy, separation of powers, the State Duma.

В последние годы на фоне усиливающегося влияния органов исполнительной власти на отечественный парламент, не всегда эффективного законодательства и слабых контрольных полномочий представительных органов в юридической науке усиливается интерес к исследованию концепции парламентаризма, призванной обозначить правовые рычаги совершенствования работы представительной системы, сбалансировать властные рычаги государства. В этом плане для более полного осмысления современности представляется актуальным

обращение к анализу прошлых веков развития российского народного представительства, особенно такого яркого его проявления, как работа Государственной Думы 1906–1917 гг.

На сегодня в государственно-правовой науке нет единства мнений в оценке правовой природы российской Государственной Думы имперского периода и ее значения в развитии отечественной государственности. Например, В.Г. Ткаченко рассматривает Манифест 17 октября 1905 г., обещавший гражданские свободы и учреждение Государственной

Думы, в качестве краеугольного камня российского парламентаризма, сравнивая его с Великой хартией вольностей, констатирует в связи с учреждением Государственной Думы становление в России конституционной монархии¹. Многие исследователи называют Государственную Думу и Государственный Совет палатами первого российского парламента, ознаменовавшими ограничение власти императора². В то же время критики проведенных преобразований отмечают, что, по существу, при введении Государственной Думы самодержавие осталось непоколебленным, а Манифест 17 октября 1905 г. явился лишь «мнимой конституцией»³.

Государственная Дума создавалась изначально как законосовещательный орган, а позднее как нижняя палата законодательного органа. Государственный Совет должен был стать верхней палатой⁴. Можно ли все же считать Государственную Думу полноценной нижней палатой парламента, ограничивала ли она власть самодержца? Очевидно, что базовые признаки палаты парламента у Государственной Думы присутствовали: она избиралась на определенный срок населением, имела законодательные полномочия.

Избрание Государственной Думы первоначально организовывалось достаточно демократично: почти все мужское население страны в возрасте старше 25 лет, кроме солдат, студентов, поденных рабочих и части кочевников получило избирательное право, но с учетом имущественного ценза. Выборы проводились многоступенчато по куриям

(группам избирателей)⁵. Однако избранные по таким правилам Первая и Вторая Государственные Думы оказались резко оппозиционными правительству и были распущены⁶. При этом роспуск Второй Государственной Думы зачастую характеризуется как «государственный переворот», поскольку он сопровождался одновременным изменением избирательных законов, которые не могли формально-юридически приниматься без участия нижней палаты парламента⁷.

В дальнейшем порядок избрания депутатов существенно ограничил избирательные права жителей отдельных территорий, а также крестьян и рабочих. Всего активным избирательным правом пользовались лишь 15 процентов населения империи⁸. В результате выборов в Третью Государственную Думу преобладали консервативные политические силы. Такой состав Думы позволил правительству сотрудничать с ней в принятии решений. Состав Четвертой Государственной Думы был аналогичен Третьей Думе, но она прекратила свою работу досрочно в связи с Февральской революцией 1917 г.⁹.

К компетенции Государственной Думы относились предварительная разработка законодательных предложений, утверждение государственного бюджета, обсуждение вопросов о строительстве железных дорог и учреждений акционерных обществ¹⁰. При этом нужно отметить, что законодательные полномочия палаты парламента реализовались на практике: за 11 лет существования Государственная Дума одобрила свыше 3,5 тыс. законопроектов в сфере промышленности, предпринимательства,

¹ См.: Ткаченко В.Г. Парламентаризм в России: особенности и этапы становления // Журнал российского права. 2001. № 6. С. 147.

² См.: Казанцев Д. Российскому парламентаризму 105 лет! // ЭЖ-Юрист. 2011. № 16. С. 15; Калинин А.Э. Форма правления в России по основному государственному закону в редакции от 23 апреля 1906 года // История государства и права. 2007. № 1. С. 27; Степанов И.М. Грани российского конституционализма (XX в.) // Конституционный строй России. Вып. 1. М., 1992. С. 30–47.

³ См.: Милюков П.Н. История второй русской революции. Т. 1. Вып. 1. Киев, 1919. С. 10.

⁴ См.: Парламентское право России: учебник. М., 2006. С. 178.

⁵ См.: История государства и права России: учебное пособие. М., 2006. С. 174.

⁶ См.: Государственная Дума Российской империи: энциклопедия: в 2 т. Т. 1. М., 2006. С. 215–406.

⁷ См.: Захаров Н.А. Система русской государственной власти. М., 2002. С. 327.

⁸ См.: Лазаревский Н.И. Русское государственное право. Т. 1. СПб., 1913. С. 480.

⁹ См.: История отечественного государства и права: в 2 ч. Ч. 1 / под ред. О.И. Чистякова. М., 2011. С. 390–400.

¹⁰ См.: Собрание законодательства Российской империи. Т. 1: Свод учреждений государственных. СПб., 1908. С. 35–67.

кредитования, налогообложения, в социальной и культурных областях. Правда, в основном это был результат работы Третьей Думы, так как в период деятельности Первой и Второй Государственных Дум из 343 законопроектов, внесенных министерствами, законами стали всего 3¹¹; а Четвертая Дума крайне редко созывалась царем.

Удивительно, но в рассматриваемый период был реализован такой признак парламентаризма, как особый статус депутата со свободным мандатом и ответственностью перед законом. Правовой статус депутата Государственной Думы преимущественно регламентировался в Наказе (Регламенте) палаты и отличался такими прогрессивными элементами, как свободный мандат, индемнитет (денежное довольствие в размере 350 рублей в месяц, оплата путевых издержек), неотвеченность за высказанное мнение, несовместимость мандата с другими государственными должностями. При этом установление прав и обязанностей депутатов было глубоко продуманным, в том числе решало даже такие вопросы, которые в современной Государственной Думе Федерального Собрания РФ были не сразу регламентированы. Например, вводились правила недопустимости голосования за коллег, штрафные санкции за пропуск заседаний и т.п.¹²

Однако в целом назвать систему осуществления государственной власти этого периода парламентаризмом не представляется возможным.

Во-первых, в условиях деятельности Государственных Дум не соблюдался принцип верховенства закона. С явным пренебрежением закона были распущены Первая и Вторая Думы, по важнейшим вопросам государственной жизни царь регулярно издавал указы в обход представительного органа, в том числе проводил аграрные реформы П.А. Столыпина, открыто не одобряемые парламентским большинством. Хотя нельзя отрицать того важного факта, что имен-

но в думский период развития российской истории появилось само формально-юридическое понятие закона как акта, имеющего высшую юридическую силу и созданного совокупной деятельностью Государственной Думы, Государственного Совета и монарха¹³.

Во-вторых, принцип разделения властей хотя и в некотором смысле присутствовал после создания Государственной Думы, но все же существовал с явным перевесом в пользу монарха. В частности, 23 апреля 1906 г. были изданы Основные государственные законы, изменение которых могло осуществляться только по инициативе императора, но не Думы или Совета. Устанавливалось, что «Императору Всероссийскому принадлежит верховная самодержавная власть». Император обладал административной властью «во всем объеме»: являлся главой правительства, назначал и смещал министров, губернаторов и других высших чиновников, определял внешнюю политику, решал вопросы чеканки монет и др. Законодательную власть император осуществлял «в единении с Государственным Советом и Государственной Думой», и никакой закон не мог вступить в силу без их одобрения или одобрения императора. Вместе с тем, с одной стороны, в отличие от дореформенного времени, монарх не мог принимать личное участие в редактировании законов. С другой стороны, в соответствии со ст. 87 Основных законов, государь совместно с Советом министров наделялся правом издавать указы с временной силой закона в чрезвычайных обстоятельствах во время прекращения занятий Государственной Думы. А с учетом того, что император сам созывал заседания палат парламента, на практике «прекращение занятий» Думы происходило регулярно, давая возможность царю проводить свои решения через указы. В судебной сфере полномочия императора состояли в том, что все решения судов объявлялись от его имени, он назначал и утверждал

¹¹ См.: Шаклеин Н.И. Из истории российского парламентаризма // История государства и права. 2008. № 19. С. 4, 7.

¹² См.: Там же. С. 18–24.

¹³ См.: Кравец И.А. Формирование российского конституционализма (проблемы теории и практики) : дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2002. С. 208–214.

судей, некоторые приговоры поступали на его утверждение, он предавал суду высших чиновников и осуществлял помилование и амнистию¹⁴. Поэтому можно сказать, что независимость судебной власти как признак парламентаризма в имперский период в России тоже отсутствовала.

В-третьих, не предусматривалось участие парламента в формировании иных органов власти, равно как и не существовало контрольных полномочий Государственной Думы в отношении правительства. Хотя попытки введения парламентского контроля предпринимались депутатами регулярно. В период работы Четвертой Думы в условиях критического отношения думского большинства к вступлению России в мировую войну такие попытки даже послужили основанием для приостановления императором работы нижней палаты¹⁵.

В-четвертых, проблемным моментом в период работы Государственных Дум являлся вопрос защиты прав оппозиции и обеспечения связи населения с механизмом государства. Безусловно, большим достижением этого времени было в принципе появление политических партий в России. Первыми возникли нелегальные партии, имевшие целью захват власти революционным путем: еврейские рабочие социалистические партии, Российская социал-демократическая рабочая партия, вскоре расколовшаяся на большевиков и меньшевиков, партия социалистов-революционеров. После Манифеста 17 октября 1905 г. появились и легальные партии. Так, из Союза освобождения, земских конституционалистов и части Союза союзов сложилась конституционно-демократическая партия, представлявшая интересы либерально настроенной средней буржуазии и интеллигенции. Прогрессивная экономическая партия являла собой объединение организаций крупного капитала. В Москве были созданы умеренно-прогрессивная и торгово-промышленная

партии. В начале февраля 1906 г. собрался съезд Союза 17 октября. Октябристы, представлявшие интересы крупной буржуазии, поддержали П.А. Столыпина и стали первой в истории России правительственной партией. На протяжении рассматриваемого периода были образованы и другие политические партии либерального, консервативного, социал-демократического толка¹⁶.

Однако в силу отсутствия политических традиций лидеры «молодых» партий совершенно по-разному воспринимали задачи своего участия в парламенте. Например, для Российской социал-демократической рабочей партии (большевиков) Государственная Дума являлась скорее организационным центром революции, чем высшим законодательным органом. У депутатов крестьян, входивших в рабочую группу «трудовиков», практически отсутствовало представление о юридическом положении Думы, о приемах и условиях законодательной работы. Кадеты стремились к воздействию на законодательный процесс через блестящих ораторов¹⁷. Такая разница во взглядах на смысл представительства существенно затрудняла поиск компромисса при принятии решений.

Кроме того, оппозиционный радикализм политических партий являлся поводом для роспуска или приостановления работы нижней палаты. Применялись и персональные методы воздействия на негодных правительству лиц. Так, большевистская фракция Четвертой Думы жестко критиковала военную политику царя, в связи с чем через три месяца после начала мировой войны ее члены были обвинены в государственной измене, арестованы, осуждены и высланы на поселение в Туруханский край.

Правовой механизм обеспечения связи населения с государством не выдерживал критики: введенные в 1905 г. политические свободы граждан к 1915 г. были фактически сведены к нулю. На фоне тя-

¹⁴ См.: Свод основных государственных законов 1906 г. // Свод законов Российской империи. Т. 1. Ч. 1. СПб., 1906.

¹⁵ См.: Ткаченко В.Г. Указ. соч. С. 147.

¹⁶ См.: Казанцев Д. Указ. соч. С. 18.

¹⁷ Ерыгина В.И. Теоретические проблемы парламентаризма в истории политико-правовой мысли России конца XIX — начала XX в. // Конституционное и муниципальное право. 2010. № 7. С. 26.

гот войны, низкого социального уровня рабочих и крестьян, постоянного повышения налогов широкие слои населения не могли легально выразить свое недовольство проводимой политикой. Принятые в 1915 г. Правила о предупреждении и решительном подавлении стачек существенно ограничили политические права граждан. Вновь была введена цензура, созданы органы, имевшие чрезвычайные репрессивные и судебские полномочия¹⁸.

Применительно к работе первого отечественного парламента историки зачастую задаются вопросом: а нужно ли в принципе было введение в России представительного органа? Существует мнение, что если бы монарх не поделился своими полномочиями с Государственной Думой и Государственным Советом, то стране удалось бы избежать негативных последствий революции 1917 г.¹⁹.

Конечно, говорить об историческом развитии в сослагательном наклонении не совсем целесообразно. Но представляется, что само по себе появление парламента не стало причиной революции, напротив, его учреждение даже на определенное время смягчило революционную ситуацию, корни которой восходили к глубочайшему социальному неравенству, экономической, политической и идеологической обстановке в стране. Напротив, парламент (особенно демократически сформированные первые две Государственные Думы) выполнил роль представительного органа: обнажил базовые антагонистические противоречия классов, указал на их основные причины. Рассматриваемый период демонстрирует

также юридические механизмы нивелирования фактической роли парламента за счет ограничения избирательного права, сужения его полномочий, отсутствия контрольных функций, существования его в условиях отсутствия механизмов прямой демократии. То есть история работы Государственных Дум показала пример наличия парламента без парламентаризма. И, возможно, проведение в жизнь всех признаков парламентаризма заставило бы политические силы достичь компромисса.

Таким образом, развитие государственных учреждений России 1905–1917 гг. связано с появлением первого отечественного парламента и формированием буржуазно-демократического парламентаризма, отличавшегося доминирующим положением императора в системе разделения властей; становлением юридической конструкции закона, но без практического воплощения принципа верховенства закона; отсутствием контрольных функций у парламента и его участия в формировании иных органов власти; неэффективностью защиты прав оппозиции и обеспечения связи населения с механизмом государства; прямой зависимостью судебной власти от монарха. Ввиду недостаточно эффективной реализации признаков парламентаризма Государственная Дума не может рассматриваться в качестве полноценной палаты общенационального представительного органа, так как смогла работать только после существенного ограничения избирательных прав граждан и отставала в своей деятельности исключительно интересы крупной буржуазии. Поэтому можно сказать, что в рассматриваемый период формально парламент существовал, но парламентаризм в понимаемом нами значении отсутствовал, его можно лишь условно именовать «буржуазно-демократическим парламентаризмом».

¹⁸ См.: История отечественного государства и права. Ч. 1 / под ред. О.И. Чистякова. М., 2011. С. 405–406, 427, 433.

¹⁹ См.: Еремин И.А. Четвертая Государственная Дума — штаб по организации и осуществлению государственного переворота в феврале 1917 г. // Вестник Барнаульского юридического института МВД России. 2016. № 2 (31). С. 16.

Литература

1. Государственная Дума России, 1906–2006 : энциклопедия. В 2 томах / научные редакторы : Б.Ю. Иванов, А.А. Комзолова, И.С. Ряховская. Т. 1. Государственная Дума Российской империи, 1906–1917 / ответственный редактор В.В. Шелохаев. Москва : Российская политическая энциклопедия, 2006. 767 с.

2. Еремин И.А. Четвертая Государственная Дума — штаб по организации и осуществлению государственного переворота в феврале 1917 г. / И.А. Еремин // Вестник Барнаульского юридического института МВД России. 2016. № 2 (31). С. 16–17.
3. Ерыгина В.И. Теоретические проблемы парламентаризма в истории политико-правовой мысли России конца XIX — начала XX в. / В.И. Ерыгина // Конституционное и муниципальное право. 2010. № 7. С. 24–30.
4. Захаров Н.А. Система русской государственной власти / Н.А. Захаров. Репринтное издание. Москва, 2002 (Курган : Зауралье). 390 с.
5. Казанцев Д. Российскому парламентаризму 105 лет! / Д. Казанцев // ЭЖ-Юрист. 2011. № 16.
6. Калинович А.Э. Форма правления в России по основным государственным законам в редакции от 23 апреля 1906 года / А.Э. Калинович // История государства и права. 2007. № 1. С. 22–23.
7. Кравец И.А. Формирование российского конституционализма (проблемы теории и практики) : диссертация доктора юридических наук / И.А. Кравец. Екатеринбург, 2002. 584 с.
8. Лазаревский Н.И. Русское государственное право. Т. 1 / Н.И. Лазаревский. 3-е изд. Санкт-Петербург : Право, 1913. 672 с.
9. Милоков П.Н. История второй русской революции. Т. 1. Борьба буржуазной и социалистической революции. Вып. 1 : Противоречия революции / П.Н. Милоков. Киев : Летопись, 1919. 128 с.
10. Степанов И.М. Грани российского конституционализма (XX в.) / И.М. Степанов // Конституционный строй России / редколлегия Е.К. Глушко [и др.]. Москва, 1992. Вып. 1. С. 30–47.
11. Ткаченко В.Г. Парламентаризм в России: особенности и этапы становления / В.Г. Ткаченко // Журнал российского права. 2001. № 6. С. 145–153.

References

1. Gosudarstvennaya Duma Rossii, 1906–2006 : entsiklopediya. V 2 tomakh [The Russian State Duma, 1906 to 2006 : encyclopedia. In 2 volumes] / nauchny'e redaktory` : B.Yu. Ivanov, A.A. Komzolova, I.S. Ryakhovskaya. T. 1. Gosudarstvennaya Duma Rossiyskoy imperii, 1906–1917 / otvetstvenny'y redaktor V.V. Shelokhaev. Moskva : Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya — scientific editor : B.Yu. Ivanov, A.A. Komzolova, I.S. Ryakhovskaya. Vol. 1. The State Duma of the Russian Empire, 1906 to 1917 / publishing editor V.V. Shelokhaev. Moscow : Russian Political Encyclopedia, 2006. 767 s.
2. Eremin I.A. Chetvertaya Gosudarstvennaya Duma — shtab po organizatsii i osuschestvleniyu gosudarstvennogo perevorota v fevrale 1917 g. [The Fourth State Duma: Headquarters for Preparing and Performing the Coup in February 1917] / I.A. Eremin // Vestnik Barnaulskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii — Bulletin of the Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2016. № 2 (31). S. 16–17.
3. Erygina V.I. Teoreticheskie problemy` parlamentarizma v istorii politiko-pravovoy my`сли Rossii kontsa XIX — nachala XX v. [Theoretical Issues of Parliamentarism in the History of the Russian Political and Legal Thought of the Late XIX to the Early XX Century] / V.I. Erygina // Konstitutsionnoe i munitsipalnoe pravo — Constitutional and Municipal Law. 2010. № 7. S. 24–30.
4. Zakharov N.A. Sistema russkoy gosudarstvennoy vlasti [The Russian Government System] / N.A. Zakharov. Reprintnoe izdanie. Moskva, 2002 (Kurgan : Zauralye) — Reprinted edition. Moscow, 2002 (Kurgan : Trans-Urals). 390 s.
5. Kazantsev D. Rossiyskomu parlamentarizmu 105 let! [The 105th Anniversary of Russian Parliamentarism!] / D. Kazantsev // EZh-Yurist — Lawyer electronic journal. 2011. № 16.
6. Kalinovich A.E. Forma pravleniya v Rossii po osnovny'm gosudarstvenny'm zakonam v redaktsii ot 23 aprelya 1906 goda [The Form of Government in Russia under the Main State Laws as Amended on April 23, 1906] / A.E. Kalinovich // Istoriya gosudarstva i prava — History of State and Law. 2007. № 1. S. 22–23.
7. Kravets I.A. Formirovanie rossiyskogo konstitutsionalizma (problemy` teorii i praktiki) : dissertatsiya doktora yuridicheskikh nauk [The Establishment of Russian Constitutionalism (Issues of Theory and Practice) : thesis of LL.D.] / I.A. Kravets. Ekaterinburg — Ekaterinburg, 2002. 584 s.
8. Lazarevskiy N.I. Russkoe gosudarstvennoe pravo. T. 1 [Russian State Law. Vol. 1] / N.I. Lazarevskiy. 3-e izd. Sankt-Peterburg : Pravo — 3rd edition. Saint Petersburg : Law, 1913. 672 s.
9. Milyukov P.N. Istoriya vtoroy russkoy revolyutsii. T. 1. Borba burzhuaznoy i sotsialisticheskoy revolyutsii. Vy'p. 1 : Protivorechiya revolyutsii [The History of the Second Russian Revolution. Vol. 1. The Fight Between the Bourgeois and Socialist Revolution. Issue 1 : Contradictions of the Revolution] / P.N. Milyukov. Kiev : Letopis — Kiev : Chronicle, 1919. 128 s.
10. Stepanov I.M. Grani rossiyskogo konstitutsionalizma (XX v.) [Facets of Russian Constitutionalism (the XX Century)] / I.M. Stepanov // Konstitutsionny'y stroy Rossii / redkollegiya E.K. Glushko [i dr.]. Moskva, 1992. Vy'p. 1 — Russian Constitutional System / editorial board E.K. Glushko [et al.]. Moscow, 1992. Issue 1. S. 30–47.
11. Tkachenko V.G. Parlamentarizm v Rossii: osobennosti i etapy` stanovleniya [Parliamentarism in Russia: Peculiarities and Establishment Stages] / V.G. Tkachenko // Zhurnal rossiyskogo prava — Russian Law Journal. 2001. № 6. S. 145–153.

DOI: 10.18572/1812-3805-2020-8-75-80

Представительный орган в конституционной системе СФРЮ

Шахин Юрий Владимирович,
доцент кафедры истории
Севастопольского государственного университета,
кандидат исторических наук, доцент
y-v-shahin@yandex.ru

В статье рассматривается феномен многопалатного представительного органа в конституционной системе Югославии. Автор рассматривает возникновение двухпалатной системы представительных органов в Югославии и ее последующее усложнение. Особое внимание уделяется периоду 1963–1974 годов, когда количество палат Союзной скупщины Югославии достигало шести. Автор анализирует распределение полномочий между палатами, пытается провести их классификацию, исследует основные принципы устройства многопалатного представительного органа, причины их внедрения и характер последующих изменений в составе палат. Внимание уделяется взаимосвязи конституционных принципов Югославии и концепции общественного самоуправления. Также проанализированы конституционные поправки 1967–1968 годов.

Ключевые слова: Югославия, конституция, представительный орган, многопалатная система, самоуправление.

A Representative Body in the Constitutional System of the SFRY

Shakhin Yuriy V.
Senior Lecturer of the Department of History of the Sevastopol State University
PhD (History), Associate Professor

The article considers the phenomenon of a multi-chamber representative body in the constitutional system of Yugoslavia. The author considers the emergence of a bicameral system of representative bodies in Yugoslavia and its subsequent complication. Particular attention is paid to the period 1963–1974, when the number of chambers of the Union Assembly of Yugoslavia reached six. The author analyzes the distribution of powers between the chambers, tries to classify them, explores the basic principles of the establishment of a multi-chamber representative body, the reasons for their implementation and the nature of subsequent changes in the composition of the chambers. Attention is paid to the relationship of the constitutional principles of Yugoslavia and the concept of public self-government. Constitutional amendments of 1967–1968 were analyzed too.

Keywords: Yugoslavia, constitution, representative body, multi-chamber system, self management.

В истории государства и права редко встречаются представительные органы, имеющие в своем составе свыше двух палат, но среди них особенно выделяется Югославия, где на короткий отрезок времени число палат достигло шести. Настоящая статья посвящена истории этого уникального конституционного феномена.

Со времени Второй мировой войны конституционное право Югославии развивалось под советским влиянием. У СССР она позаимствовала принцип единства органов власти, противопоставляемый принципу разделения вла-

стей, в результате чего носителем государственной власти выступает высший представительный орган¹. В Югославии он традиционно называется Скупщиной. Кроме того, Югославия взяла из конституционного права СССР принципы федеративного устройства и, в частности, двухпалатного представительного органа, состоящего из равноправных палат, одна из которых представляет всех граждан, а другая

¹ Половченко К.А. Становление системы конституционного контроля СФРЮ // Проблемы в российском законодательстве. 2017. № 5. С. 22.

народы федеративного государства. В ходе дальнейшего конституционно-го развития эти принципы подвергаются пересмотру.

Уже в 1953 г. был принят конституционный закон, частично заменивший конституцию 1946 г. Структура Союзной скупщины усложнилась. В ее составе теперь были две постоянные палаты — Союзное вече и Вече производителей. Первое представляло интересы всех граждан, а второе — только работников материального производства, среди которых преимущество отдавалось занятым в государственно-кооперативном секторе экономики. Однако полностью упразднить Вече народов в федеративном государстве югославские законодатели все же не решились и сохранили его в качестве непостоянной палаты. В случаях, предусмотренных конституцией, когда затрагивались интересы национальностей Югославии, часть депутатов Союзного веча образовывала Вече народов и в таком качестве принимала решения².

В конституции 1963 г. принцип многопалатности получил дальнейшее развитие. Вече производителей было заменено на четыре отдельные палаты. Таким образом, согласно ст. 165 постоянных палат стало пять: Союзное вече, Хозяйственное вече, Образовательно-культурное вече, Социально-здравоохранительное вече, Политико-управленческое вече. Наконец, сохранилась одна непостоянная палата: часть депутатов Союзного веча по-прежнему образовывала Вече народов, которое собиралось в отдельных случаях³. Общее число депутатов Союзной скупщины составило 670 человек.

Полномочия постоянных палат распределялись неодинаково. Согласно

ст. 173—179 Союзное вече играло роль центрального органа в законодательной деятельности Скупщины. Любые законодательные акты могли приниматься только с его участием. В то же время это было единственное вече, которое могло принимать законодательные акты, отнесенные к его исключительным полномочиям, без участия других палат. В эти полномочия входили внешняя политика, оборона, государственная безопасность и общие принципы внутренней политики. Все остальные постоянные палаты могли в одиночку только давать рекомендации или высказывать мнение. Исключительно Союзное вече избирало главу правительства и его членов, назначало судей высших судов, союзного прокурора и т.п.⁴. Поскольку конституционное право Югославии подчеркивало равноправие всех палат в представительных органах, не представляется возможным назвать Союзное вече верхней палатой. Это скорее центральная или основная палата, а остальные являлись дополнительными. Аналогичная схема была введена и в республиках.

Автором этой необычной системы был ведущий партийный теоретик Э. Кардель, который в декабре 1960 г. возглавил комиссию Союзной народной скупщины по конституционным вопросам. Комиссия должна была подготовить принципы разработки новой конституции, но превысила свои полномочия и в июле 1962 г. представила Скупщине готовый проект конституции⁵. Поскольку в Югославии существовала однопартийная система, в декабре 1961 г. до внесения проекта в Скупщину он был рассмотрен на заседании Исполкома ЦК Союза коммунистов Югославии. Именно там Кардель сформулировал принципы новой конституции, которые озвучил позднее перед высшим представительным органом страны.

² Конституция и основные законодательные акты ФНРЮ. М., 1956. С. 61—62, 85, 86.

³ Устав Социјалистичке федеративне републике Југославије // Службени лист Социјалистичке федеративне републике Југославије. 1963. Број 14. С. 280, 282.

⁴ Исто. С. 281.

⁵ Prednact ustava Federativne Socijalističke Republike Jugoslavije. Beograd, 1962. S. 69.

Прежде всего конституционная комиссия сознательно пыталась противопоставить свой проект и буржуазно-демократическим конституциям, и советской⁶. Развивая выдвинутую в 1950 г. идею о самоуправлении трудящихся, комиссия провозгласила, что «структура ведущих государственных органов выводится непосредственно из самоуправленческих организаций, так что государственные органы все больше становятся и инструментом общественного самоуправления»⁷. Поскольку четыре специализированных веча Скупщины, заменяющих Вече Производителей, должны были формироваться именно по такому принципу, Кардель назвал их самоуправленческими. Как он считал, их введение упростит принятие решений, уменьшит администрирование и усилит интеграцию на основе общих интересов⁸. Состав и метод работы представительных органов должны были подчеркнуть процесс деэтизации. Через самоуправленческие веча должно было выразиться «прямое влияние трудящихся из всех областей общественной жизни», а у гражданина сложиться ощущение, что его интерес представлен самым непосредственным и профессионально квалифицированным образом. Союзное веча объявлялось ядром новой Скупщины⁹.

В то же время и в конституционной комиссии, и на заседании Исполкома ЦК СКЮ ряд участников дискуссии отметили, что предлагаемая структура Скупщины слишком громоздка¹⁰. Особенное сомнение вызывали у них здра-

воохранительное и образовательное веча, однако их замечания не нашли поддержки у большинства.

В докладе перед Союзной народной скупщиной в сентябре 1962 г. Кардель дополнил формулировки новых принципов организации Скупщины. Во-первых, представительные органы, как и другие органы власти, имеют по конституции двойственную природу: они выступают и как органы общественного самоуправления трудящихся, и как политические органы, или, говоря словами Карделя: «В рамках прав и обязанностей федерации Союзная скупщина является высшим органом власти и в то же время носителем функции общественного самоуправления на уровне федерации». Поэтому самоуправленческие веча «в основе являются прежде всего органами общественного самоуправления, т.е. неким сортом высших рабочих советов в определенных сферах труда и самоуправления» и носят дополнительный характер: «Эти веча действительно могут и должны дополнять Союзное веча в его функциях»¹¹.

Во-вторых, по мнению конституционной комиссии, от имени которой делал доклад Кардель, предложенная структура Скупщины отражала развитие самоуправления во всех сферах общественной деятельности и дальнейшую разработку принципов, на которых в 1953 г. было сформировано Вече производителей. Структура Скупщины должна была способствовать «все более непосредственному слиянию административных функций государства и всех общественных служб с процессом общественного труда» в целях формирования свободной ассоциации производителей. На этой основе разделение Веча производителей на несколько специализированных палат мотивировалось тем, что в 1950-е годы самоуправление охватило самые разнообразные виды деятельности и при

⁶ Neka načelna pitanja za prednacrt novog ustava FNRJ // Arhiv Jugoslavije. Fond 507. Predmet III/87. S. 1.

⁷ Isto. S. 9–10.

⁸ Stenografske beleške sa proširene sednice Izvršnog komiteta Centralnog komiteta Saveza komunista Jugoslavije održane 22. novembra 1961. godine u Beogradu // Arhiv Jugoslavije. Fond 507. Predmet III/87. S. 52–53.

⁹ Neka načelna pitanja... S. 26, 32, 33.

¹⁰ Stenografske beleške... S. 32, 38, 40. Neka načelna pitanja... S. 33.

¹¹ Prednacrt ustava... S. 105, 123–124.

таких условиях возникало опасение, что Вече производителей будет перегружено общими вопросами, и это положение могло бы привести к профессионализации депутатов и их отрыву от трудовых коллективов. Однако конституционная комиссия усматривала названную опасность лишь на высших уровнях, поэтому принцип разделения самоуправленной палаты на несколько специализированных вечей был распространен только на республики и федерацию. По конституции 1963 г. в срезах формировались однопалатные представительные органы, а в общинах двухпалатные¹².

В-третьих, в своем докладе Кардель также изложил официальную конституционно-правовую трактовку вопроса о числе палат в Скупшине. Полномочия Союзного веча проистекают из полномочий федерации, в то время как самоуправленческие веча принимают законы равноправно с Союзным вечем только в случае, если на повестке дня находятся вопросы из их компетенции, т.е. они являются частью Скупщины только в определенных функциях. Кардель поясняет: «Такая концепция организации Союзной скупщины по вечам на деле представляет специфический вариант двухпалатной системы, ибо при принятии законов и других актов параллельно с Союзным вечем появляется только одно из четырех остальных вечей, когда на повестке дня находятся дела из его компетенции». Самоуправленческие веча не могут принимать законы без участия Союзного веча, самостоятельно они могут издавать только рекомендации и высказывать свое мнение. «В некоторых сферах, которые не касаются непосредственно области работы органов общественного самоуправления, Союзное вече будет вместе с Вечем народов появляться как Союзная скупщина. Во всех остальных случаях Скупщину составляют две полностью равноправные палаты»¹³.

Во второй половине 1960-х годов в Югославии развивается социально-политический кризис, одними из составляющих которого стали рост межреспубликанских противоречий и обострение межнациональных конфликтов. Для того чтобы смягчить внутренние проблемы, высшее руководство страны инициировало реформы, направленные на расширение конституционных полномочий республик и ограничение полномочий федерации. На первом этапе этих конституционных реформ произошло укрепление роли Веча народов, в результате чего оно приближается к статусу постоянной палаты в составе Союзного веча.

Согласно первой конституционной поправке, принятой 18 апреля 1967 г., Вече народов должно было отныне рассматривать на предмет соблюдения национальных прав проекты союзных планов и бюджетов, проекты основных и общих законов. Изначально, по конституции 1963 г., оно не должно было подвергать все законопроекты обязательной оценке. Наконец, первая поправка провозгласила, что «Вече народов равноправно с Союзным вечем осуществляет все дела, которые по Конституции находятся в самостоятельном ведении Союзного веча». Согласно ст. 178 конституции 1963 г. к этим вопросам относились внешняя политика, оборона, государственная безопасность и общие принципы внутренней политики. Формально оставаясь составной частью Союзного веча, Вече народов по объему своих полномочий приобрело равный с ним характер. В представленном Союзной скупщиной обосновании конституционных поправок отмечалось, что «это наибольшее новшество по отношению к прежним положениям Конституции»¹⁴. В подобном виде высший представительный орган Югославии работал до конца 1968 г.

¹² Prednacrt ustava... S. 109–110.

¹³ Prednacrt ustava... S. 123, 124, 125.

¹⁴ Petranović B., Zečević M. Jugoslovenski federalizam: ideje i stvarnost. Knj. 2. Beograd, 1987. S. 403, 405, 409.

Для принятия законодательного акта в большинстве случаев теперь требовалось его прохождение через три палаты. Даже с точки зрения официальной конституционной доктрины уже нельзя было говорить о двухпалатном характере Скупщины. Теперь в составе Союзной скупщины было четыре дополнительных палаты и две основных, из которых одна постоянная и одна непостоянная, но близкая к превращению в нее.

26 декабря 1968 г. была проведена новая конституционная реформа. Она привела к двум изменениям в структуре Союзной скупщины. Во-первых, поправка VIII заменила Политико-управленческое вече на Общественно-политическое, а Союзное вече было упразднено¹⁵. Во-вторых, поправка IX распределила полномочия Союзного веча между Вечем народов и Общественно-политическим вечем. Согласно поправке Общественно-политическое вече и Вече народов принимали все законодательные акты, отнесенные к их совместному ведению, на равных, с той разницей, что Вече народов могло блокировать принятие актов, задевающих права субъектов федерации¹⁶. К самостоятельному ведению Общественно-политического веча было отнесено рассмотрение вопросов в связи с выполнением союзных законов и других актов Скупщины и «остальных вопросов, представляющих общий интерес для граждан в общинах и других самоуправленческих сообществах, ради согласования самоуправленческих отношений и развития их взаимного сотрудничества»¹⁷. В этой связке Вече народов заняло место основной палаты. Как отмечалось в обосновании конституционных поправок, реформа исходит из сохранения принципа двухпалатности в работе Скупщины¹⁸.

В итоге Союзная скупщина была приведена в стройную пятипалатную систему, где одна палата является основной, а остальные дополнительными.

Сложившаяся структура высшего представительного органа, как отмечал А. Фира, должна была отражать все существенные отношения, в которых участвуют граждане:

1) объединенный труд через веча трудовых сообществ (Хозяйственное, Общественно-культурное и Социально-медицинское вече);

2) коммунальная система (Общественно-политическое вече);

3) нация, т.е. республика или край (Вече народов)¹⁹.

Однако сохранение этой структуры органов самоуправления в 1970-е годы не стало препятствием для радикального пересмотра структуры высшего представительного органа. Еще в декабре 1968 г. при обосновании второй конституционной реформы повторились прежние идеи Э. Карделя о необходимости многопалатной скупщины: «В связи с введением большого числа вечей трудовых ассоциаций констатировалось, что единое Вече производителей было бы не в состоянии выражать аутентичные потребности, интересы и конфликты, которые возникают в общественном базисе. Большое число вечей трудовых ассоциаций — это выражение все более развитой самоуправленческой структуры нашего общества. Только таким путем можно обеспечить реализацию концепции конституции, согласно которой представители отдельных сфер объединенного труда через соответствующее вече непосредственно и равномерно участвуют в решении вопросов, представляющих для них совместный интерес»²⁰.

Однако в начале 1970-х годов концепция претерпела изменения. Для систематизации многочисленных консти-

¹⁵ Конституции зарубежных социалистических государств Европы. М., 1973. С. 663.

¹⁶ Там же. С. 664–666.

¹⁷ Там же. С. 666; Petranović B., Zečević M. Op. cit. S. 414–415.

¹⁸ Petranović B., Zečević M. Op. cit. S. 411.

¹⁹ Fira A. Ustavni razvitak socijalističke Jugoslavije. Beograd, 1978. S. 42.

²⁰ Petranović B., Zečević M. Op. cit. S. 410.

туционных нововведений 1967–1971 гг. была предпринята разработка новой конституции. Она была принята в 1974 г. В ней структура Союзной скупщины опять была изменена. Орган был переименован в Скупщину СФРЮ и стал двухпалатным. Согласно ст. 284 теперь в составе Скупщины СФРЮ были только Союзное вече и Вече республик и краев²¹. Однако на уровне республик Югославии скупщины сохранили большее число палат. Так, согласно Конституции Социалистической Республики Сербии, принятой в том же 1974 г., ее Скупщина состояла из четырех палат: «Вече объединенного труда в качестве веча делегатов трудящихся в организациях объединенного труда и других самоуправляющихся организациях и обществах, Вече местных сообществ в

качестве веча делегатов трудящихся и граждан в местных сообществах, Вече общин в качестве веча делегатов трудящихся в общинах и Общественно-политическое вече в качестве веча делегатов трудящихся и граждан из общественно-политических организаций»²².

Эксперименты с многопалатной системой скупщин стали следствием развития концепции самоуправления и попыток отойти от советского конституционного права, не приближаясь при этом к буржуазному. Поэтому полный отказ от системы многопалатных скупщин произошел в Югославии в 1990–1991 гг., когда во время начавшегося распада страны отдельные республики стали принимать новые конституции, базирующиеся на буржуазных принципах конституционного права.

²¹ Конституция Социалистической Федеративной Республики Югославии. М., 1975. С. 142.

²² Ницовић Ј. Уставни развој Србије, 1804–2006. Београд, 2007. С. 545.

Литература

1. Конституции зарубежных социалистических государств Европы : тексты приведены по состоянию на 1 ноября 1972 г. / редакция и вступительная статья Б.Н. Топорнина. Москва : Прогресс, 1973. 742 с.
2. Конституция и основные законодательные акты Федеративной Народной Республики Югославии : перевод с сербского / составители : А.М. Зубов, А.А. Ханов ; под редакцией Г.И. Тункина. Москва : Изд-во иностранной литературы, 1956. 798 с.
3. Половченко К.А. Становление системы конституционного контроля СФРЮ / К.А. Половченко // Пробелы в российском законодательстве. 2017. № 5. С. 21–29.
4. Fira A. Ustavni razvitak socijalističke Jugoslavije / A. Fira. Beograd, 1978. 54 s.
5. Ницовић Ј. Уставни развој Србије, 1804–2006 / Ј. Ницовић. Београд, 2007. 889 с.
6. Petranović B. Jugoslovenski federalizam: ideje i stvarnost. Knj. 2 / B. Petranović, M. Zečević. Beograd, 1987. 800 s.

References

1. Konstitutsii zarubezhny'kh sotsialisticheskikh gosudarstv Evropy' : teksty' privedeny' po sostoyaniyu na 1 noyabrya 1972 g. [Constitutions of Foreign Socialist European States : texts as of November 1, 1972] / redaktsiya i vstupitelnaya statya B.N. Topornina. Moskva : Progress — edited and introductory article by B.N. Topornin. Moscow : Progress, 1973. 742 s.
2. Konstitutsiya i osnovny'e zakonodatelny'e akty' Federativnoy Narodnoy Respubliki Jugoslavii : perevod s serbskogo [The Constitution and the Main Legal Acts of the Federal People's Republic of Yugoslavia : translation from Serbian] / sostaviteli : A.M. Zubov, A.A. Khanov ; pod redaktsiey G.I. Tunkina. Moskva : Izd-vo inostrannoy literatury' — compilers : A.M. Zubov, A.A. Khanov ; edited by G.I. Tunkin. Moscow : Publishing House of Foreign Literature, 1956. 798 s.
3. Polovchenko K.A. Stanovlenie sistemy' konstitutsionnogo kontrolya SFRYU [The Establishment of the Constitutional Control System of the SFRY] / K.A. Polovchenko // Probely' v rossiyskom zakonodatelstve — Gaps in Russian Laws. 2017. № 5. S. 21–29.
4. Fira A. Ustavni razvitak socijalističke Jugoslavije / A. Fira. Beograd, 1978. 54 s.
5. Ницовић Ј. Уставни развој Србије, 1804–2006 / Ј. Ницовић. Београд, 2007. 889 с.
6. Petranović B. Jugoslovenski federalizam: ideje i stvarnost. Knj. 2 / B. Petranović, M. Zečević. Beograd, 1987. 800 s.